

11/10

ЖУРНАЛЪ

ГРАЖДАНСКАГО И УГЛОВНАГО

ПРАВА

ИЗДАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

1886

КНИГА ДЕСЯТАЯ

ДЕКАБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СЕНАТА
1886

СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

- I. Узакононенія и распоряженія правительства . . . ССXXXI—ССXXXV.
- II. Личный составъ 1.
- III. Отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ за вредъ въ здоровьѣ.
Ф. Осецкаго 1 — 46.
- IV. Судъ присяжныхъ (очеркъ дѣятельности судовъ и судебныхъ порядковъ) *Сергія Хрулева* 47 — 129.
- V. Критика и библиографія: 1) *Е. А. Нефедьевъ*. Устраненіе судей въ гражданскомъ процессѣ. 2) *Поворинскій*. Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву. 3) *За три мѣсяца*. Январь, февраль и мартъ 1886 г. Справочный сборникъ для мировыхъ судей, судебныхъ приставовъ и поверенныхъ. *А. Гольмстена* . . . 130 — 145.
- VI. За мѣсяцъ (юридическая хроника). Слухи объ ограниченіи гласности судебныхъ разбирательствъ по нѣкоторымъ дѣламъ.—Недопущеніе женщинъ и дѣтей въ судебныя засѣданія.—Возраженія противъ публичности председательскихъ резюме, по дѣламъ, разбираемымъ при закрытыхъ дверяхъ.—Объ отмытѣя заявленія сторонами неудовольствія на приговоры мировыхъ судебныхъ установленій.—Измѣненіе 27 ст. улож. о нак.—По поводу 1617 ст. улож. Вопросъ изъ нотаріальной практики.—Два обвинительныхъ приговора о редакторахъ наиболѣе распространенныхъ газетъ. Статья *Н. В. Муравьева*—О судебной службѣ.—Новый оригинальный трудъ профессора Харьковскаго университета *Л. Е. Владимірова* Z. 146 — 170.
- VII. Некрологъ. *Александръ Ивановичъ Языковъ. М. Гребенщикова* 171—174.
- Замѣтки.**
- VIII. Моабитъ (образцовый пенитенціарій въ Берлинѣ). Очеркъ по тюремновѣдѣнію *Я. Сеетрскаго* 1 — 25.
- IX. О предѣлахъ власти окружнаго суда при назначеніи присяжныхъ попечителей по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ *А. Бардзскаго* 26 — 53.
- X. Объявленій I—XXIX.
- Приложенія.**
- XI. Руководство по уголовному процессу *Ю. Глазера*; переводъ съ нѣмецкаго *А. Лихачева* 193—206.
- XII. Вотчинныя установленія и вотчинное производство въ Пруссіи *А. Лыкошина* 129—195.

Касс. рѣшенія сданы на почту 5 ноября: уголовн. 9 и 10 листовъ. Алфавитъ къ общ. собр. 1882, 1883 и 1884 годовъ. Неразосланный по ошибкѣ 1 листъ алфавита къ рѣшеніямъ общ. собр. за 1881 г. будетъ посланъ въ первыхъ числахъ декабря.

См. на слѣд. стр.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 15-го октября по 15-е ноября).

ОТДѢЛЪ I.^о

А) Высочайшія повелѣнія.

32) *О воспрещеніи городскимъ думахъ уменьшать и отменять содержаніе должностнымъ лицамъ городского общественнаго управленія до истеченія сроковъ ихъ службы или до выбытія ихъ съ должностей.*

Государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Высочайше утвержденнаго 16 іюня 1870 г. городского положенія, постановить: „содержаніе, назначенное городскою думою выборнымъ должностнымъ лицамъ городского общественнаго управленія, не можетъ быть ни прекращено производствомъ, ни уменьшено въ своемъ размѣрѣ, впредь до истеченія сроковъ, на которые лица сіи избраны, или же до выбытія послѣднихъ съ должностей ранѣе окончанія этихъ сроковъ“.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 20 мая, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 885).

Б) Указы и опредѣленія правительствующаго сената.

33) *По вопросу о подсудности дѣлъ, возникающихъ по требованіямъ помѣщиковъ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ губерній объ удаленіи поселенныхъ на ихъ земляхъ старообрядцевъ, за коими*
ж. гр. и уг. пр. кн. х 1886 г.

не признано правъ на безсрочную аренду занимаемыхъ ими земельныхъ участковъ.

1883 г. января 12 и 1886 года мая 2 чисель. По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали: дѣло по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 15 сентября 1882 г. за № 9227, по вопросу о подсудности дѣлъ, возникающихъ по требованіямъ помѣщиковъ сѣверозападныхъ и бѣлорусскихъ губерній объ удаленіи поселенныхъ на ихъ земляхъ старообрядцевъ, за коими, на основаніи закона 22 мая 1876 г., не признано правъ на безсрочную аренду занимаемыхъ ими земельныхъ участковъ. Приказалъ: по возбужденному, при разсмотрѣніи одного частнаго дѣла, вопросу о порядкѣ прекращенія участія учреждений по крестьянскимъ дѣламъ въ разрѣшеніи споровъ, возникающихъ между землевладѣльцами сѣверозападныхъ и бѣлорусскихъ губерній — съ одной стороны и поселившимися на ихъ земляхъ старообрядцами — за коими, въ силу закона 22 мая 1876 г. (прав. стар. XXIII, особ. прил. къ IX т. зак. о сост. по прод. 1879 г.), не будутъ признаны права безсрочной аренды — съ другой, по соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, установлеяны были правила, по которымъ всѣ дѣла по выселенію сихъ старообрядцевъ изъ арендуемыхъ земель, а равно разрѣшеніе могущихъ возникнуть при этомъ споровъ относительно срока и порядка исполненія рѣшеній о выселеніи, изъяты изъ вѣдѣнія мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений и возложены на обязанность мировыхъ судебныхъ установленій, о чемъ циркулярно сообщено было министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: генераль-губернатору сѣверозападнаго края и губернаторамъ минскому, витебскому и могилевскому 19 августа 1878 г., №№ 5500, 5499, 5498 и 5497, а министерствомъ юстиціи — предсѣдателямъ подлежащихъ сѣздовъ мировыхъ судей 11 сентября того же года, № 15051. Засимъ, 28 апрѣля 1882 года за № 1950, бывшій виленскій, ковенскій и гродненскій генераль-губернаторъ увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ, что основываясь на изложенныхъ разясненіяхъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, виленское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе отказало въ разсмотрѣніи требованія одного изъ помѣщиковъ виленской губерніи о выселеніи старообрядца, за которымъ, вошедшимъ въ законную силу рѣшеніемъ мирового посредника, не было признано права пользоваться безсрочною арендою земли въ имѣніи того помѣщика. Между тѣмъ, предварительнаго обращенія

съ означеннымъ ходатайствомъ къ крестьянскимъ учрежденіямъ, помѣщикъ предъявилъ искъ о выселеніи старообрядца въ судебныхъ установленіяхъ (дѣло по каковому иску доходило до разсмотрѣнія гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената), причемъ рѣшеніями судебныхъ мѣстъ признано было, что всѣ возникающіе между помѣщиками сѣверозападныхъ, а также витебской и могилевской губерній, и старообрядцами споры и недоразумѣнія объ арендуемыхъ послѣдними у первыхъ участкахъ земли, по разуму Высочайшаго повелѣнія 14 мая 1870 года, относятся къ предметамъ вѣдѣнія исключительно мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. Бывшій виленскій генералъ-губернаторъ, указывая на то, что вслѣдствіе обнаружившагося противорѣчія циркулярныхъ разъясненій министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи съ судебною практикою, въ настоящее время, какъ судебныя установленія, такъ и крестьянскія учрежденія, отказываются отъ рѣшенія дѣлъ о старообрядцахъ, не имѣющихъ права на безсрочную аренду участковъ, и что дѣла подобнаго рода могутъ возникать не рѣдко,—призналъ необходимымъ устранить это недоразумѣніе и полагалъ возможнымъ предоставить разрѣшеніе всѣхъ споровъ между помѣщиками и старообрядцами, не имѣющими права на безсрочную аренду, крестьянскимъ учрежденіямъ, рѣшеніе коихъ приводить въ исполненіе общимъ порядкомъ. Вслѣдствіе сего, за министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра внесъ настоящее дѣло на обсужденіе правительствующаго сената. Сообразивъ изложенное, правительствующій сенатъ находитъ, что въ дѣлѣ семь разрѣшенію подлежитъ вопросъ: кому подсудны дѣла по выселенію старообрядцевъ, поселившихся на помѣщичьихъ земляхъ сѣверозападныхъ и бѣлорусскихъ губерній, съ участковъ сихъ помѣщиковъ, въ томъ случаѣ, когда за старообрядцами не будетъ признаны права безсрочной аренды на участки, на основаніи закона 22 мая 1876 года, а также дѣла по возникающимъ отсюда между старообрядцами и помѣщиками спорамъ и взаимнымъ претензіямъ. Входя въ обсужденіе этого вопроса, правительствующій сенатъ находитъ, что на основаніи 8 ст. Высочайше утвержденныхъ 22 мая 1876 г. правилъ объ устройствѣ единоувѣрцевъ и старообрядцевъ, поселившихся на владѣльческихъ земляхъ въ губерніяхъ сѣверозападныхъ и бѣлорусскихъ, разборъ могущихъ возникнуть между землевладѣльцами, единоувѣрцами и старообрядцами споровъ и недоразумѣній по приведенію въ дѣйствіе означенныхъ выше пра-

вить, возлагается на мѣстныхъ крестьянскія учрежденія. Такъ какъ сими правилами устанавливаются и опредѣляются права старообрядцевъ и единовѣрцевъ на безсрочную аренду занимаемыхъ ими участковъ владѣльческой земли и на выкупъ сихъ участковъ въ собственность, съ содѣйствіемъ правительства, то, по смыслу приведенной статьи закона, на крестьянскія учрежденія возлагается разрѣшеніе споровъ и недоразумѣній, возникающихъ между землевладѣльцами и старообрядцами, только по предметамъ безсрочной аренды старообрядцами владѣльческой земли и выкупа ими участковъ, и въ этихъ предѣлахъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ разрѣшаютъ какъ вопросы о правѣ старообрядцевъ на аренду сихъ участковъ, такъ и всѣ споры и недоразумѣнія о пространствѣ арендуемыхъ участковъ и объ условіяхъ аренды, а равно объ условіяхъ и размѣрѣ выкупа, съ производствомъ всѣхъ вообще дѣлъ по выкупу арендуемыхъ участковъ въ собственность. Что же касается удаленія съ участковъ тѣхъ старообрядцевъ, за которыми по правиламъ 22 марта 1876 г. не будетъ признано право безсрочной аренды, а также разрѣшенія могущихъ возникать по сему поводу между старообрядцами и землевладѣльцами споровъ и недоразумѣній, то къ этому крестьянскія учрежденія не призваны ни правилами 22 мая 1876 г., ни Высочайше утвержденнымъ 14 мая 1870 г. положеніемъ бывшаго главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, ибо по смыслу сего положенія, а также ст. 1 полож. учр. крест., къ обязанностямъ означенныхъ учреждений относится разрѣшеніе споровъ между помѣщиками и поселившимися на ихъ земляхъ старообрядцами поземельно-арендныхъ отношеній. Тѣ старообрядцы, за которыми крестьянскими учрежденіями не будетъ признано право на безсрочную аренду занимаемыхъ ими участковъ, становятся, по отношенію къ землевладѣльцу-собственнику, лицами посторонними, и ихъ взаимныя отношенія не имѣютъ характера обязательныхъ поземельныхъ отношеній, какія подразумеваютъ законъ 22 мая 1876 г. и положеніе 19 февраля 1861 г. Поэтому, какъ лица постороннія, помѣщикъ и старообрядецъ, за которымъ не признано права безсрочной аренды, могутъ входить, относительно дальнѣйшаго пребыванія на участкѣ и аренды онаго, въ добровольныя между собою соглашенія, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ (т. X ч. 1) и, вслѣдствіе сего, всѣ ихъ споры по сему предмету, равно какъ и иски помѣщиковъ объ удаленіи подобныхъ старообрядцевъ съ участковъ, должны подлежать разсмотрѣнію су-

дебныхъ учреждений и быть разрѣшаемы на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ. Признавая, по изложеннымъ основаніямъ, вышеупомянутыя циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ генералъ-губернатору сѣверо-западнаго края и губернаторамъ минскому, витебскому и могилевскому, отъ 19 августа 1878 г., и бывшаго министрв юстиціи — предсѣдателямъ подлежащихъ сѣздовъ мировыхъ судей, отъ 11 сентября того же года, вполне правильными, — правительствующій сенатъ опредѣляетъ: признать дѣла по выселенію старообрядцевъ, кои по рѣшеніямъ крестьянскихъ учреждений, вошедшимъ въ окончательную законную силу, признаны будутъ не имѣющими права на безсрочную аренду занимаемыхъ ими участковъ владѣльческой земли, и всѣ возникающіе отсюда споры и недоразумѣнія, — подлежащими разрѣшенію судебныхъ учреждений на общихъ основаніяхъ. О каковомъ разъясненіи, для свѣдѣнія и должнаго, въ чемъ до кого касаться будетъ, исполненія, припечатать установленнымъ порядкомъ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, для чего сенатской типографіи дать извѣстіе, равно копію съ сего опредѣленія передать въ департаментъ министерства юстиціи, а министра внутреннихъ дѣлъ, въ разрѣшеніе рапорта его, отъ 15 сентября 1882 года за № 9227, увѣдомить указомъ (№ 932).

В) Распоряженіи правительства.

Управляющаго Министерствомъ Юстиціи.

10) *Объ упраздненіи одной должности судебного пристава при Елисаветградскомъ окружномъ судѣ и объ учрежденіи, взамѣну оной, двухъ должностей судебныхъ разсыльных* (№ 891).

11) *Объ учрежденіи нотаріальныхъ конторъ въ селеніяхъ Прасковей и Петровскомъ Новомиргорьскаго уѣзда, Ставропольской губерніи* (№ 924).

ОТДѢЛЪ II.

Л и ч н ы й с о с т а в ъ.

Высочайшіе приказы

по Министерству Юстиціи.

НАЗНАЧАЕТСЯ: чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Персидскомъ дворѣ, тайный совѣтникъ **Мельниковъ**—къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ; старшій предсѣдатель Казанской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Похвисневъ**—старшимъ предсѣдателемъ С.-Петербургской судебной палаты; членъ Харьковской судебной палаты, надворный совѣтникъ **Блоченко**—предсѣдателемъ Минскаго окружнаго суда; членъ Одесской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Домашевскій-Песлякъ**—членомъ Московской судебной палаты; товарищъ предсѣдателя Минскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Новосильцовъ**—членомъ Харьковской судебной палаты; членъ Минскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Исаченко**—товарищемъ предсѣдателя Минскаго окружнаго суда; членъ Московскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Вознесенскій**—товарищемъ предсѣдателя Владикавказскаго окружнаго суда; членъ Нижегородскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Ивановъ**—членомъ Ковевскаго окружнаго суда, членъ Ковевскаго окружнаго суда; титулярный совѣтникъ **Сахаровъ**—членомъ Нижегородскаго окружнаго суда, исправляющій должность старшаго помощника юрисконсульта военнаго министерства, въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго двора, надворный совѣтникъ графъ **Толстой**—членомъ Московскаго окружнаго суда.

УВОЛЬНЯЮТСЯ съ должности: членъ Гродненскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Гоббе**—по случаю причисленія, с гласно прошеніемъ, къ министерству юстиціи, *отъ службы, согласно прошеніямъ:* предсѣдатель департамента Варшавской судебной палаты, въ званіи камергера Высочайшаго двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Лопухинъ**; предсѣдатель Минскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Мышенковъ** и товарищъ предсѣдателя Кіевскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Поповъ**, изъ нихъ послѣдній—съ правомъ ношенія въ отставку мундира, должности товарища предсѣдателя окружнаго суда присвоеннаго; членъ Сувалскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Подгурскій**.

УМЕРШІЕ исключаются изъ списковъ: судебной слѣдователь 1-го участка Макарьевского уѣзда, округа, Нижегородскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Мартыновскій**, членъ Саратовской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Доброхотовъ**.

Объ изданіи въ 1887 году
ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ
юля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 и болѣе листовъ
каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . 8 р.	съ пересылкой въ другіе города . . 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . 8 р. 50 к.	за-границей 12 р.
отдѣльно книга журнала 2 р.	

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ
ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ
С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 12 р. 50 к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и рассылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящіе въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписы-
ваться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ достав-
кою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

*Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ
5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ юнѣ осталшая до подписной цѣны
сумма. Въ случаѣ невсылки въ условленный срокъ подписной платы,
дальнѣйшая доставка журнала приостанавливается. Гдѣ студенты универси-
тетовъ и кандидаты на судебныя должности, удостовѣрившіе свое званіе, поль-
зуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.*

Подписка принимается: въ конторахъ Журнала—при книжныхъ магази-
нахъ Анисимова: въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ
Москвѣ, на Никольской улицѣ.

*Гдѣ иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключи-
тельно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Пе-
тербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.*

Оставшіеся (въ количествѣ десяти комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879,
1880 (въ одномъ экземплярѣ безъ 4-й книги) 1881, 1883, 1884, 1885 и 1886 г.г. по 9 р., за каж-
дый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Выписывающіе одновременно весь комплектъ,
за шесть лѣтъ, уплачиваютъ 42 руб. съ пересылкою и 30 руб. безъ пересылки. Отдѣльныя
книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ В. Володиніровъ.

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ. Раздѣль I. 1883 г. Цѣна **40** к.

2) ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ 1884 и 1885 года. Раздѣлы II III и IV. Цѣна **60** к.

3) УСТАВЪ ДУХОВНЫХЪ КОНСИСТОРІИ 1884 г. Цѣна **40** к.

4) УСТАВЪ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ Цѣна **25** к.

5) ПРАВИЛА О РАЗДРОБИТЕЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ. Цѣна **25** к.

6) РУКОВОДСТВО КЪ УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕСУ. Соч. Ю. Глазера. Переводъ А. Лихачева. Выпускъ I. Цѣна **1** р. **25** к. Выпускъ II. Цѣна **75** к.

7) А. Ф. КИСТЯКОВСКИЙ И ЕГО УЧЕНЫЕ ТРУДЫ. Рѣчь В. М. Володимірова. Цѣна **25** к.

8) О ПРЕСѢЧЕНІИ ОБВИНЯЕМОМУ СПОСОБОВЪ УКЛОНЯТЬСЯ ОТЪ СЛѢДСТВІЯ И СУДА. Изслѣдованіе проф. А. Ф. Кистязовскаго. Цѣна **1** р. вмѣсто **1** р. **25** к. (осталось **12** экземпляровъ).

9) О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ, НАКАЗУЕМЫХЪ ТОЛЬКО ПО ЖАЛОБѢ ПОТЕРПѢВШАГО, ПО РУССКОМУ ПРАВУ. Соч. А. Фонъ-Резона. Цѣна **1** р. вмѣсто **1** р. **50** к.

Цѣны обозначены съ пересылкою. Книгопродавцамъ дѣлается уступка **25%**; при покупкѣ же на **100** руб. **35%**.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ

ЗА ВРЕДЪ ВЪ ЗДОРОВЬѢ

(по ст. 683 т. X ч. 1 (продолж. 1879 г.) и общему уставу
россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 12 іюня 1885 года ¹⁾).

Источники и пособия: ст. 683 т. X ч. Св. Зак., по продолж. 1879 года. Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 12 іюня 1885 г. Представленіе министерства юстиціи въ государственный совѣтъ объ измѣненіи редакціи 683 ст. X т. 1 ч., 28 января 1877 г. Проектъ закона московскаго юридическаго общества, составленный въ 1879 году. Практика гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената. *Голевинскій*, О происхожденіи и дѣленіи обязательствъ, Варшава 1872 г. *Деларовъ*, Объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ предпринимателей, С.-Петербургъ 1874 г. *Борзенко*, Матеріалы по желѣзнодорожнымъ вопросамъ. Ярославль 1881 г. *Рутковский*, Англійское желѣзнодорожное законодательство, С.-Петербургъ 1881 г. *Шимановскій*, О новомъ желѣзнодорожномъ уставѣ, Одесса 1885 года. *Осецкій* Смерть и увѣчы при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, С.-Петербургъ 1886. *Австрійское гражданское уложеніе*, изданіе редакціонной комисіи, С. Петербургъ 1884 г. *Саксонское гражданское уложеніе*, изданіе редакціонной комисіи, С.-Петербургъ 1885 г. Koch, Das Recht der Forderungen, III, Berlin 1859. Wyss, Die Haftung für fremde Culpā, Zürich 1867. J. A. Simon, Die Haftpflicht der Eisenbahnen, Weimar, 1861. Schlossmann, Der Vertrag. Leipzig, 1876. Endemann, Die Haftpflicht der Eisenbahnen, Berlin. 1876. Regelsberger, Rechtsgutachten, Zürich, 1878. H. Fick, Ein Rechtsgutachten, Zürich, 1878.—Eger, Das Reichs-Haftpflicht-Gesetz. Breslau, 1879. Ganzoni, Ein vergleichender Versuch, Zürich, 1879. Pfaff, Randa, Strohal, Drei Gutachten, Wien 1880. Verein für Socialpolitik, Die Haftpflichtfrage, Leipzig, 1880. Förster, Theorie und Praxis des Privatrechts, Berlin, 1881. Jacobi, Die Verbindlichkeit zum Schadenersatz, Berlin.—Gensmer, Das

¹⁾ (Докладъ, читанный 29 марта 1886 года въ гражданскомъ отдѣленіи с.п.б. юридическаго общества дѣйствительнымъ членомъ общества Ф. И. Осецкимъ).

Reichs-Haftpflicht-Gesetz, Berlin 1882. Weinrich, Die Haftpflicht. Strassburg, 1881. Exner—Vis major, Wien 1883. Betriebs-Reglement für die Eisenbahnen Deutschlands vom 11 mai 1871.—Betriebs-Reglement für die Eisenbahnen der im Reichsrathe vertretenen Königreiche und Länder vom 0 juni 1874. Eger, Eisenbahnrechtliche Entscheidungen deutscher Gerichte, Berlin, 1883. Stubenrauch, Commentar zum öster. allgem. bürgerl. Gesetzbuche, Wien 1885. Alauzet, Commentaire du code de commerce. III. Paris 1879. Paignon, Traité juridique Paris. Emion, Traité de l'exploitation, Paris 1864. Vigouroux, Législation et jurisprudence des chemins de fer, Paris, 1886.

I.

Ст. 683 по прод. 1879 года представляет ту замѣчательную особенность, что она не имѣетъ своей исторіи въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова.

Каждый правовой институтъ, развивается согласно извѣстнымъ историческимъ и логическимъ законамъ: историческимъ — потому, что онъ продуктъ всѣхъ до него существовавшихъ законоположеній, продуктъ потребностей данного времени; логическимъ — потому, что онъ строго вытекаетъ изъ тѣхъ разсужденій и юридическихъ началъ, которыя послужили мотивомъ къ его редакціи. Разсужденія законодательныхъ комисій представляютъ собою какъ бы мотивы судебного рѣшенія; редакція закона, — это судебная резолюція. Мотивы и резолюція должны стоять въ строгомъ между собою соотвѣствіи, иначе рѣшеніе не достигнетъ цѣли — правильного разрѣшенія вопроса.

Подобное явленіе представляетъ собою ст. 683, продолж. 1879 г., разсматриваемая совокупно съ разсужденіями составившей ее комисіи. Разсужденія эти носятъ заглавіе: „представленіе министерства юстиціи въ государственный совѣтъ объ измѣненіи редакціи 683 ст. X т. 1 ч. 28 января 1877 г. № 1565“.

Коммисія, очевидно, имѣла въ виду весьма узкую и одностороннюю цѣль, т. е. безопасность пассажировъ, ибо разсужденія ея озаглавлены: „объ имущественной отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпринимателей за причиненіе смерти или вреда здоровью пассажировъ“. Между

тѣмъ редакція ст. 683 (продолж. 1879 г.) находится въ полномъ съ этимъ заглавіемъ противорѣчіи, ибо 1-й пунктъ ея говоритъ: „владѣльцы желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предприятий (казна, общества и частныя лица) обязаны вознаграждать *каждаго* потерпѣвшаго вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти или поврежденія въ здоровьѣ“. И это выраженіе „каждаго“ до такой степени рѣшительно, что ни одинъ судъ и ни одинъ толкователь никогда, въ теченіи 8-ми лѣтъ существованія закона, не усомнились на счетъ дѣйствительнаго его значенія. Одинъ г. Демчинскій возбудилъ нѣкоторое въ этомъ отношеніи сомнѣніе, въ докладѣ своемъ, читанномъ 15 марта 1886 г. ¹⁾ и желая примирить это внутреннее противорѣчіе между мотивомъ и текстомъ закона, предложилъ довольно рискованное средство, считать желѣзнодорожныхъ агентовъ—кочегаровъ, кондукторовъ, машинистовъ и друг.—тоже „пассажирами“. Но въ виду того, что такое толкованіе представляетъ собою слишкомъ большую натяжку и измѣненіе смысла установившихся юридическихъ терминовъ, я полагаю будетъ правильнѣе редакцію ст. 683 относительно слова „каждаго“ понимать въ ея буквальномъ смыслѣ, объясненномъ второю частью того же 1-го пункта: „вознагражденіе назначается на основаніи ст. 657, 658, 659 (продолж. 1876 г.), 660—662 и 675 (продолж. 1876 г.), съ соблюденіемъ правилъ въ слѣдующихъ пунктахъ изложенныхъ“.

Въ сказанныхъ статьяхъ перечислены всѣ тѣ лица, которыя имѣютъ право на вознагражденіе за смерть лица, убитаго при эксплуатаціи. Лица эти слѣдующія: родители — по ихъ смерть, вдова — до вступленія въ новое супружество, сыновья до совершеннолѣтія и дочери — до замужества, казна или община—если убитый уплачивалъ подати и повинности.

Вотъ всѣ тѣ лица, которыя исчислены въ вышеприведенныхъ статьяхъ. Даже мать незаконнорожденнаго ребенка въ нихъ не упомянута; однакоже она на это имѣетъ несомнѣнное право въ силу 994 ст. улож. о наказ.

Кругъ лицъ, какъ видимъ, весьма ограниченный. Что же

¹⁾ См. Журналъ гражд. и угол. права 1886 г. кн. VI июнь.

мы читаемъ въ мотивахъ? „Право на вознагражденіе должно принадлежать *всѣмъ* потерпѣвшимъ убытокъ вслѣдствіе лишенія жизни и поврежденія здоровья при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ или пароходныхъ сообщеній, если они докажутъ свое право на судѣ, а не тѣмъ только изъ нихъ, которые специально указаны въ законѣ, а именно въ 657—662 т. X ч. 1. Это начало основывается на самомъ чувствѣ справедливости, недопускающемъ, чтобы лицо, въ дѣйствительности потерпѣвшее, было лишено права на вознагражденіе только потому, что оно не подошло подъ регламентацію закона. Это начало справедливости возведено даже въ положительный законъ въ ст. 574 зак. гражд. Легальная казуистика—стремленіе закона перечислить всѣхъ лицъ, имѣющихъ право на вознагражденіе—есть лишь историческое наслѣдіе того общаго казуистическаго характера, которымъ отличались всѣ прежніе кодексы“.

Такимъ образомъ, насколько первое начало, высказанное въ мотивахъ относительно присвоенія права на вознагражденіе однимъ лишь пассажирамъ, оказалось уже окончательной редакціей 683 ст., настолько второе начало, относительно вознагражденія всѣхъ потерпѣвшихъ дѣйствительный вредъ, а не тѣхъ только, кто поименованъ въ общихъ законахъ, есть начало, значительно болѣе широкое противъ окончательной редакціи.

Оба же эти начала подтверждаютъ основную мою мысль, что мотивами въ ст. 683 руководствоваться нельзя при ея толкованіи; — что статья эта должна быть толкуема не на основаніи мотивовъ (въ противность всѣмъ прочимъ новѣйшимъ законоположеніямъ), а лишь по точному ея разуму, и что въ силу ея право на вознагражденіе имѣютъ не только пассажиры, но и желѣзнодорожные агенты, а также третьи лица, потерпѣвшія личное поврежденіе.

Разумѣется всѣ эти лица имѣютъ право на вознагражденіе, если они потерпѣли личный вредъ *при эксплуатаціи* желѣзной дороги.

Что понимать подъ этимъ выраженіемъ?

Въ моей книгѣ „Смерть и увѣче при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ“, на которую ссылается г. Демчинскій, я подробно разобралъ вопросъ, гдѣ начинается и гдѣ кончается эксплуатація желѣзной дороги. Главные, коренные доводы я, конечно, изложилъ въ сказанномъ трудѣ, поэтому не считаю себя вправе повторять ихъ здѣсь. Отвѣчу лишь на тѣ соображенія, которыя были высказаны въ докладѣ г. Демчинскаго.

Прежде всего замѣчу неточность, вкравшуюся въ сказанный докладъ. Г. Демчинскій называетъ законъ 7 іюня 1871 г., законъ знаменитый и всѣмъ извѣстный—„прусскимъ“. Если бы докладчикъ обратилъ вниманіе на его заглавіе Das Reichs-Haftpflicht-Gesetz (Reichs—значить имперскій) и затѣмъ если бы прочелъ слова подлинника: „Wir Wilhelm . . . Deutscher Kaiser, König von Preussen etc. verordnen in Namen des Deutschen Reichs etc.,—онъ бы убѣдился, что рѣчь идетъ не о прусскомъ королевствѣ, а о германской имперіи.

Затѣмъ докладчикъ, приводя прежній прусскій законъ 3 ноября 1838 г. и ссылаясь на употребленное въ немъ слово Beförderung auf der Bahn, утверждаетъ, что это слово, въ сопоставленіи со словомъ, употребленнымъ въ германскомъ законѣ 7 іюня 1871 г. Betrieb—однозначущи, и что оба эти слова и оба выраженія bei der Beförderung auf der Bahn и bei dem Betriebe einer Eisenbahn, а также выраженіе австрійскаго закона 5 марта 1869 г. im Verkehre der Eisenbahn однозначущи, ибо, по мнѣнію докладчика, означаютъ движеніе поѣздовъ на рельсахъ. Я въ моей книгѣ уже указалъ на то обстоятельство, что врядъ ли законодатель, желая выразить одно и тоже понятіе, прибѣгаетъ къ различнымъ терминамъ; что для законодателя гораздо проще пользоваться въ этомъ случаѣ терминомъ, приобрѣтшимъ право гражданства въ наукѣ и судебной практикѣ, терминомъ не устарѣлымъ и общепонятнымъ. Если же законодатель оставляетъ одинъ терминъ и прибѣгаетъ къ другому—значить совершился какой нибудь переворотъ въ его воззрѣніяхъ; значить онъ желаетъ выразить понятіе или болѣе

узкое, или болѣе широкое, или понятіе совершенно чуждое предшествующему.

Провѣримъ это предположеніе.

Возьмемъ наприм. уставъ эксплуатаціи германскихъ желѣзныхъ дорогъ 11 мая 1874 г., такъ называемый Betriebs-Reglement. Онъ раздѣленъ на 4 отдѣла: I. Allgemeine Bestimmungen. II. Beförderung von Personen, Reisegepäck, etc. III. Beförderung von Gütern. IV. Schlussbestimmung.— Тоже самое встрѣчаемъ въ австрійскомъ уставѣ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ 10 іюня 1874 г. Такимъ образомъ, по терминологіи этихъ уставовъ, эксплуатация составляетъ какъ бы родовое понятіе, раздѣляющееся на видовыя, между которыми находится отправленіе и движеніе пассажировъ, имущества и т. д.

Дальше мы знаемъ, что въ Германіи, 29 декабря 1871 г., изданъ, такъ называемый „желѣзнодорожный полицейскій уставъ“ (Bahnpolizei-Reglement), раздѣлъ 3-й котораго озаглавленъ: Einrichtungen und Mashregeln für die Handhabung des Betriebes (для управленія эксплуатаціей) и гдѣ опять въ ст. 34 встрѣчаемъ выраженіе: In jedem zur Beförderung von Passagieren bestimmten Zuge muss mindestens ein Wagen ohne Passagiere zenächst auf den Tender folgen. Опять понятіе родовое Betrieb обхватываетъ понятіе видовое Beförderung.

Провѣримъ это соображеніе еще другими законоположеніями. Возьмемъ напримѣръ ст. 422 германскаго торговаго уложенія: Die Eisenbahnen sind nicht verpflichtet die Güter zum Transport eher anzunehmen, als bis die Beförderung derselben geschehen kann. По моему это значить, что желѣзная дорога не обязана принимать для перевозки товары ранѣе того времени, когда можетъ послѣдовать ихъ отправленіе. Если же переводить это мѣсто тѣми терминами, какими переводить г. Демчинскій, тогда мы получимъ такую фразу: желѣзная дорога не обязана принимать для перевозки товары ранѣе того времени, когда можетъ послѣдовать ихъ эксплуатация. Поэтому, если товаромъ, предназначеннымъ для перевозки будетъ, напримѣръ, каменный уголь, то желѣзная дорога не обязана принять его ранѣе того времени, когда можетъ послѣдовать его сожженіе,

т. е. каменный уголь раньше чѣмъ поступить въ вагоны, долженъ поступить въ печи. Что же касается выраженія австрійскаго закона: *Ereignungen im Verkehre der Eisenbahn*, то я въ моемъ трудѣ неправильно перевелъ его выраженіемъ происшествія „при дѣйствіи“ желѣзной дороги. *Verkehr*—значить понятіе гораздо болѣе широкое — оборотъ. Такъ это слово переведено, между прочимъ, въ ст. 878 австрійскаго уложенія (изданіе редакціонной комисіи по составленію гражданскаго уложенія, С.-Петербургъ, 1884 г.), такъ оно переведено въ изданіи той же редакціонной комисіи саксонскаго уложенія (С.-Петербургъ, 1885 г.) въ ст. 2408 и 2409. Понятіе же желѣзнодорожнаго оборота никомъ образомъ не можетъ означать одного движенія на рельсахъ.—Таковы законы.

Посмотримъ какъ понимаютъ эти юридическіе термины писатели. Можетъ быть по ихъ мнѣнію слова *Betrieb* и *Beförderung* однозначущи? *Eger*, въ своей извѣстной книгѣ *Das Reichs—Haftpflicht—Gesetz*, Breslau, 1879, на стр. 10 говоритъ: *nur diejenigen Betriebsfunctionen, welche sich als eigenthümlich gefährliche gerade des Eisenbahngewerbes etc. charakterisieren gehören unter das Gesetz* и дальше стр. 11: *Alsein solches besonders gefährliches Moment des Eisenbahnbetriebes stellt sich vor allem der Betrieb auf Eisengeleisen die Bewegung von Wagen auf Eisenschienen dar.*

Здѣсь извѣстный нѣмецкій писатель движеніе вагоновъ по рельсамъ называетъ однимъ лишь изъ моментовъ желѣзнодорожной эксплуатаціи.

Возьмемъ другихъ писателей: въ 1882 году вышло сочиненіе *Genzmer'a*, (*Das Reichs—Haftpflicht-gesetz*, Berlin, Leipzig). на стр. 16 котораго читаемъ: „Мотивы къ закону 7 іюня 1871 года указываютъ, что слову „эксплуатація“ не слѣдуетъ присвоивать никакого болѣе распространеннаго толкованія, какъ то, которое установлено въ практикѣ *прусскихъ судовъ* для ст. 25 стараго закона 3 ноября 1838 года. Изъ чего вытекаетъ, что понятію эксплуатація (*Betrieb*) въ сущности не слѣдуетъ придавать болѣе широкое значенія чѣмъ выраженіе „движеніе по желѣзной дорогѣ“ *Beförderung auf der Bahn*. Практика прусскаго оберъ-трибунала всегда до возможныхъ предѣловъ

сѣуживала толкованіе сказаннаго выраженія (Beförderung); по-
этому только такой вредъ подводила подъ сказанный за-
конъ, который возникъ при движеніи подвижнаго состава“.

Вотъ почему, полагаю, на практику прусскихъ судовъ
ссылаться не слѣдуетъ и практика эта, толковавшая старый
законъ по своему и, притомъ, въ возможно узкомъ смыслѣ,
не можетъ служить указаніемъ для толкованія ни герман-
скаго, ни нашего новаго закона, построенныхъ на совершенно
иныхъ основаніяхъ. Тотъ же Genzmer на стр. 16 говоритъ:
„Понятіе желѣзнодорожной эксплуатаціи получило различное
значеніе во время обсужденія имперскаго закона у толкова-
телей и въ судебной практикѣ. Само по себѣ это понятіе
обнимаетъ въ своемъ, болѣе обширномъ смыслѣ, *всѣ мѣры*
и приспособленія, которыя преслѣдуютъ цѣль перевозки людей
и имущества по желѣзной дорогѣ.“

Такимъ образомъ доводъ г. Демчинскаго, что по толко-
ванію прусскихъ судовъ Beförderung означаетъ движеніе—самъ
по себѣ ничего не доказываетъ.

Затѣмъ въ 1883 году вышло еще болѣе новое сочиненіе
Weinrich'a, „Die Haftpflicht wegen Körperverletzungen und Tödtungen
eines Menschen“.

Вотъ что онъ говоритъ (стр. 148): „подъ словомъ
эксплуатація (Betrieb) слѣдуетъ разумѣть ту дѣятельность,
которая направлена къ осуществленію *цѣли* предпріятія. По-
сему, подъ выраженіемъ „эксплуатація желѣзной дороги,“ такъ
какъ она имѣетъ цѣлью движеніе лицъ и имущества, слѣ-
дуетъ понимать дѣятельность, *направленную къ движенію* лицъ
и имущества.“ „Особенная опасность, говоритъ далѣе
Вейнрихъ, элементъ *совершенно безразличный* для понятія
эксплуатаціи и законъ объ отвѣтственности примѣнимъ во
всякому несчастію, которое происходитъ *вообще* при эксплоа-
таціи“.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія Вейнрихъ ссылается на
сочиненіе Mandry „Der Civilrechtliche Inhalt der Reichsgesetze“ и на
извѣстнаго юриста Dernburg'a.

Вотъ что говорятъ новѣйшіе юристы и новѣйшія изслѣ-

дованія. Я могу возразить г. Демчинскому, что онъ свои соображенія построилъ на слишкомъ узкой почвѣ; онъ взялъ практику прусскихъ судовъ, толкующихъ старый законъ, затѣмъ практику нынѣ упраздненной имперской торговой палаты и игнорировалъ то, что сдѣлано по этому поводу внѣ этихъ судовъ и что написано послѣ ихъ существованія.

Даже тѣ сочиненія на которыя онъ ссылался именно: Гешлеръ (*Traité d'exploitation des chemins de fer*) и Эйзингеръ - фонъ - Вальдевъ — подтверждаютъ мною высказанное. Гешлеръ говоритъ, что подъ понятіе эксплуатаціи подходит *en general*, все то, что входитъ вообще (*en globe*) въ предѣлы дѣятельности желѣзныхъ дорогъ. Техника, говоритъ Гешлеръ, подразумѣваетъ не этотъ отвлеченный терминъ, а относитъ его только къ движенію. Но вѣдь насъ интересуетъ здѣсь не техника, а юридическая наука; одинъ и тотъ же терминъ въ одной спеціальности означаетъ одно, въ другой—другое. Если какая нибудь желѣзная дорога службы содержанія и ремонта пути назоветъ спеціальнымъ терминомъ службы эксплуатаціи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы юридическая наука только тѣ несчастія подводила подъ ст. 683, которыя случаются при ремонтѣ пути и исключила бы изъ подъ дѣйствія сказаннаго закона всѣ случаи, происходящіе на примѣръ при службѣ движенія. Наоборотъ, если другая желѣзная дорога службу движенія назоветъ спеціальнымъ терминомъ: „эксплуатаціей желѣзной дороги“, не слѣдуетъ, чтобы юридическая наука всѣ случаи несчастій при содержаніи и ремонтѣ желѣзной дороги исключила изъ подъ дѣйствія 683 ст. Юридическая наука—наука самостоятельная, дѣйствующая и развивающаяся на особыхъ началахъ, въ силу особыхъ общественныхъ потребностей, появляющихся въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ.

Г. Демчинскій утверждаетъ, что врядъ ли можно указать судебное рѣшеніе, которое иначе разъяснило понятіе эксплуатаціи какъ это дѣлаетъ онъ.

Апелляціонный судъ въ Кольмарѣ 2 іюня 1877 г. рѣшилъ, что ремонтъ локомотива, стоящаго на пути, принад-

лежитъ къ области дѣйствій, совершаемыхъ при эксплуатаціи желѣзной дороги.

Германская имперская торговая палата 16 декабря 1873 года рѣшила, что понятіе „при эксплуатаціи желѣзной дороги“ выражаетъ дѣяніе, состоящее въ непосредственной и *посредственной* связи съ эксплуатаціею.

Швейцарскій высшій судъ (Obergericht) въ Цюрихѣ, 6 ноября 1877 года рѣшилъ, что несчастные случаи въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ происходятъ при эксплуатаціи желѣзной дороги. Приэтомъ весьма интересенъ мотивъ цюрихскаго суда. Извѣстно, что ст. 2 швейцарскаго закона 5 іюля 1875 года начинается такими словами (привожу не французскій, а нѣмецкій текстъ) „Wenn beim Betriebe einer Eisenbahn oder Dampfschiffahrtun-fähungen ein Mensch getödtet oder körperlich verletzt wird“... Цюрихскій судъ и разсудилъ, что въ печатный текстъ этой статьи вкралась ошибка, именно послѣ слова Eisenbahn должна быть черточка(—), которую, если поставить, получимъ слѣдующій смыслъ: „Если при эксплуатаціи (не „желѣзной дороги“ а) желѣзнодорожнаго или пароходнаго *предпріятія*, человекъ будетъ убитъ или потерпитъ личное поврежденіе„.

Въ Швейцаріи имѣло мѣсто тоже самое явленіе что и у насъ. Нисшіе суды не признавали желѣзнодорожныхъ мастерскія принадлежащими къ эксплуатаціи желѣзной дороги; судъ высшій, напротивъ, рѣшилъ вопросъ утвердительно. У насъ еще недавно окружные суды и судебныя палаты рѣшали этотъ вопросъ также какъ швейцарскіе нисшіе суды, между тѣмъ отдѣленія кассационнаго департамента правительствующаго сената находили, что мастерскія подходятъ подъ 683 ст. пока наконецъ этотъ антагонизмъ не былъ прекращенъ департаменскимъ рѣшеніемъ кассационнаго сената по извѣстному дѣлу Кузнецова (12 декабря 1884 г. № 144), по каковому дѣлу сенатъ разъяснилъ, что не только техническая, но и хозяйственная часть эксплуатаціи желѣзной дороги подходить подъ дѣйствіе 683 ст., т. е. не только тѣ несчастія, которыя случаются на рельсахъ, но и тѣ, которыя имѣютъ мѣсто въ мастерскихъ и желѣзнодорожныхъ сараяхъ.

Таково положеніе нашей судебной практики; оно существенно различается отъ того, которое указываетъ г. Демчинскій. Онъ говоритъ: до 1883 года наши суды присуждали все что угодно потерпѣвшимъ; статью 683 примѣняли въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, даже къ мастерскимъ, но послѣ 1883 года произошелъ переворотъ и ст. 683 стали примѣнять весьма умѣренно, выкинувъ изъ нея мастерскія; причемъ докладчикъ, въ подтвержденіе своей мысли, сослался на дѣло Гришина съ обществомъ козлово-воронежско-ростовской желѣзной дороги (рѣшеніе I департамента с.-петербургской судебной палаты). Я—и въ качествѣ повѣреннаго и въ качествѣ лица, занимающагося теоретически этимъ вопросомъ—слѣдилъ за нашей практикой и могу заявить, что мнѣ неизвѣстно ни одно рѣшеніе, ни до ни послѣ 1883 года, которымъ наши судебныя инстанціи, рѣшающія по существу, признавали бы несчастіе съ людьми въ мастерскихъ происшествіями при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Дѣло Гришина (приводимое докладчикомъ) рѣшалось 9 февраля 1882 года, а между тѣмъ судебная палата признала тогда эксплуатацію желѣзной дороги лишь движеніе на рельсахъ, по примѣру старыхъ прусскихъ судовъ.

Въ нашемъ окружномъ судѣ поворотъ сталъ замѣчаться послѣ появленія моей монографіи; поворотъ этотъ сталъ рѣшительнѣе послѣ опубликованія рѣшенія по дѣлу Кузнецова.

Въ сказанной монографіи я доказывалъ свою мысль также ссылкой на дѣйствующіе уставы желѣзнодорожныхъ обществъ; я поступилъ такимъ образомъ: сопоставивъ соотвѣтствующія статьи почти сказанныхъ всѣхъ уставовъ, я пришолъ къ заключенію, что управляющій дорогою, т. е. лицо которое заведываетъ исполнительною и техническою частью управленія, которое наблюдаетъ за исправнымъ содержаніемъ дороги, строеній, мастерскихъ и за правильнымъ производствомъ всѣхъ предметовъ, къ движенію относящихся — именуется *начальникомъ эксплуатаціи*; сопоставивъ затѣмъ другія статьи дѣйствующихъ желѣзнодорожныхъ уставовъ я убѣдился, что статьи эти различаютъ два періода времени: періодъ построе-

нія дороги и періодъ, послѣ открытія движенія, приче́мъ нѣкоторые уставы называютъ этотъ второй періодъ эксплуатаціей желѣзной дороги.—Затѣмъ я взялъ третью группу статей дѣйствующихъ желѣзнодорожныхъ уставовъ и показалъ, что они раздѣляютъ эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ на двѣ части: *техническую и хозяйственную*. Всѣ эти сопоставленія привели меня къ выводу, что по терминологіи и понятіямъ, введеннымъ въ нашихъ дѣйствующихъ желѣзнодорожныхъ уставахъ, мастерскія составляютъ интегральный отдѣлъ хозяйственной части эксплуатаціи.

На это возражаютъ—уставы ничего не доказываютъ, ибо они составлялись по усмотрѣнію отдѣльных лицъ и между собою находятся въ противорѣчіи; но фактовъ, ссылокъ на статьи, которыя доказывали бы это противорѣчіе, докладчикъ не представилъ. Въ этомъ отношеніи я могу сдѣлать слѣдующее библиографическое указаніе. Въ 1881 году, по порученію министра путей сообщенія, былъ составленъ „Сводъ дѣйствующихъ уставовъ желѣзнодорожныхъ обществъ по 1 іюля 1881 года“. Въ немъ весьма удобно расположены статьи всѣхъ уставовъ, съ сопоставленіемъ ихъ по отдѣльнымъ предметамъ. Сводъ этотъ я изучилъ и могу заявить, что противорѣчій въ уставахъ нѣтъ, а есть только частичныя измѣненія и дополненія. Да иначе и не могло быть. Уставы писались такимъ образомъ, что для каждаго послѣдующаго матеріаломъ служили всѣ предъидущіе. Такимъ образомъ статьи старѣйшихъ по времени уставовъ малочисленнѣе и проще содержаніемъ статей болѣе позднихъ уставовъ; напримѣръ: старѣйшій уставъ царскосельской желѣзной дороги содержитъ въ себѣ всего 45 статей; уставъ же одинъ изъ самыхъ новыхъ, московско-брестской желѣзной дороги содержитъ 78 статей; то, что въ уставѣ царскосельской желѣзной дороги выражалось нѣсколькими строками, то въ статьяхъ устава общества московско-брестской желѣзной дороги занимаетъ цѣлыя страницы.

Если вчитаться въ этотъ уставъ, то замѣчается не противо-

рѣчіе, а постепенное *развитіе* однихъ и тѣхъ же юридическихъ и экономическихъ началъ, развитіе ихъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи.

Эти разсужденія и многія другія привели меня къ выводу, вполне сходному съ мнѣніемъ г. Деларова, что подѣ понятіемъ желѣзно-дорожной эксплуатаціи слѣдуетъ понимать *общую сумму* всѣхъ дѣйствій желѣзнодорожнаго предпріятія, имѣющихъ прямое или косвенное, посредственное или непосредственное отношеніе къ назначенію желѣзной дороги, какъ средства перевозки.

Согласно съ этимъ я выставилъ начало, что желѣзно-дорожныя мастерскія въ томъ лишь случаѣ не входили бы въ общій составъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, если бы онѣ были устроены желѣзно-дорожнымъ обществомъ въ качествѣ самостоятельнаго и отдѣльнаго предпріятія, веденнаго обществомъ въ видахъ денежной прибыли, но не для нуждъ желѣзной дороги.

На это положеніе отвѣчаютъ, что желѣзнодорожныя мастерскія есть именно предпріятіе, веденное не для нуждъ желѣзныхъ дорогъ; что многія желѣзныя дороги отдають свой подвижной составъ въ ремонтъ на чужіе заводы; что, напротивъ, есть общество желѣзной дороги Paris—Lyon—Méditerranée, которое устроило рельсопрокатный заводъ; что въ Англіи имѣется желѣзная дорога, на которой одна пара рельсовъ которая эксплуатируется 18-ю обществами, и такимъ образомъ трудно разобратъ, за чей счетъ, такъ сказать, произошло несчастіе; что въ той же Англіи многія желѣзныя дороги устроили гостиницы, въ которыхъ содержатъ пассажировъ, но врядъ ли несчастіе, происшедшее на лѣстницѣ такой гостиницы, можетъ быть призвано случившимся при эксплуатаціи желѣзной дороги.

На это отвѣтъ весьма простъ: недавно въ Англіи былъ интересный процессъ, въ которомъ потерпѣвшій доказывалъ, что вслѣдствіе дурнаго состоянія лѣстницы на вокзалѣ желѣзной дороги онъ потерпѣлъ серьезное поврежденіе и утверждалъ, что поврежденіе его произошло при эксплуатаціи. Ни про-

тивная сторона, ни судъ не усомнились на счетъ примѣненія понятія эксплуатаціи къ данному случаю, но судъ потребовалъ представленія тѣхъ ступеней, на которыхъ упалъ потерпѣвшій и оправдалъ желѣзную дорогу, только потому, что лѣстница оказалась исправною.

Тѣ желѣзныя дороги, которыя отдають свой подвижной составъ въ ремонтъ на чужіе заводы, не избавляются отъ отвѣтственности, если на сказанныхъ заводахъ работа происходитъ за ихъ счетъ и на ихъ страхъ; если работа происходитъ за счетъ, на рискъ и страхъ самаго завода, тогда несчастіе съ людьми происходитъ не при эксплуатаціи той дороги, подвижной составъ которой ремонтируется.

Если общество дороги Paris—Lyon—Méditerranée прокатываетъ рельсы для своей линіи, тогда могутъ имѣть мѣсто три случая: а) оно работаетъ для нуждъ своей желѣзной дороги—и отвѣчаетъ какъ за вредъ при ея эксплуатаціи; б) оно работаетъ для другой дороги X за ея счетъ и на ея рискъ и страхъ,—тогда несчастіе считается происшедшимъ при эксплуатаціи дороги X и в) оно прокатываетъ рельсы безъ прямого расчета, что они выдѣляются для той или другой желѣзной дороги, то есть заводъ работаетъ за счетъ своего собственнаго запаснаго склада,—тогда поврежденіе происходитъ не при эксплуатаціи какой бы ни было желѣзной дороги.

Извѣстная напр. фабрика локомотивовъ Борзига работаетъ или для своего собственнаго склада или по заказу; но такъ какъ она работаетъ за свой рискъ и страхъ; такъ какъ фабрика эта хотя и работаетъ для дороги X но не подчинена администраціи этой дороги; такъ какъ она не входитъ въ хозяйственную часть эксплуатаціи ни одной изъ дорогъ-заказчицъ, то несчастіе съ людьми, случающееся на этой фабрикѣ, не можетъ быть причислено къ эксплуатаціи какой бы то ни было желѣзной дороги.

Если у насъ случится, что одна пара рельсовъ будетъ эксплуатирована 18-ю обществами, тогда мы разрѣшимъ вопросъ: при эксплуатаціи которой желѣзной дороги случилось

несчастіе, на основаніи ст. 5, 114 и 116 общаго устава 12 іюня 1885 г., т. е. разслѣдуемъ, за чей счетъ и страхъ шель поѣздъ, съ которымъ случилось несчастіе, и та дорога отвѣтитъ, къ эксплуатаціи которой поѣздъ принадлежалъ; если же эксплуатація ведется на общій счетъ дороги, собственницы рельсовъ и дороги, собственницы поѣзда, тогда отвѣтятъ обѣ онѣ; если же эксплуатація ведется на общій счетъ всѣхъ 18-ти дорогъ—тогда отвѣтятъ всѣ восемнадцать.

Спрашиваютъ: а какъ понимать, если личное поврежденіе случится въ гостинницѣ, содержимой желѣзной дорогой. На это я отвѣчу опять примѣромъ: одна наша желѣзная дорога для нуждъ своей эксплуатаціи, т. е. для увеличенія перевозки пассажировъ, завела музыку и мы знаемъ, что въ Павловскѣ ежегодно играетъ или Штраусъ, или Бильзе, или Лангенбахъ; однако же личное поврежденіе, причиненное на площадѣ передъ музыкой, устроенной въ паркѣ, не произойдетъ при эксплуатаціи желѣзной дороги. И вотъ почему: есть такія приспособленія и производства, которыя *необходимы* для нуждъ желѣзной дороги, напримѣръ ремонтъ подвижнаго состава, укладка рельсовъ и движеніе вагоновъ и затѣмъ есть такія производства, которыя желѣзной дорогѣ устраивать не запрещено, напримѣръ: скверы на станціяхъ, музыка на вокзалахъ, гостинницы въ близъ лежащихъ мѣстностяхъ, производства которыя не составляютъ дѣятельности, необходимой для желѣзной дороги, какъ средства перевозки. Личныя поврежденія, случающіяся при такихъ не необходимыхъ для желѣзной дороги производствахъ, будутъ происходить при эксплуатаціи, напримѣръ, парка, гостинницы или оркестра, но не при эксплуатаціи желѣзной дороги.

Есть еще одно сильное возраженіе, съ которымъ я часто встрѣчался въ судѣ: чѣмъ же отличаются желѣзнодорожныя мастерскія отъ прочихъ фабричныхъ заведеній сего рода; почему къ однимъ примѣнять ст. 683, а къ другимъ—нѣтъ?

Я спрошу: чѣмъ отличается нашъ одноконный городской

вагончикъ, который еле плетется по какой нибудь глухой улицѣ въ окрестностяхъ Гавани отъ обыкновеннаго экипажа? Однако же къ нему примѣняется ст. 683 у насъ и особые желѣзнодорожные законы—заграницею. Чѣмъ отличается узенькая дорожка, построенная для надобности каменноугольной копи, на которой ради удобства уложены рельсы и по которой дѣти руками двигаютъ маленькіе вагончики отъ обыкновенной повозки? Однакоже въ вышедшей на этихъ дняхъ послѣдней тетради Archiv für Eisenbahwesen (мартъ и апрѣль 1886 г.) напечатано рѣшеніе германскаго имперскаго суда отъ 8 апрѣля 1885 г., еще разъ разъяснившее, что такой рельсовый путь подчиненъ желѣзнодорожному закону и несчастіе, на немъ случившееся, подходитъ подъ понятіе несчастія при эксплуатаціи желѣзной дороги. Въдъ здѣсь ни особенной скорости движенія, ни особенной тяжести предметовъ, ни примѣненія паровой силы нѣтъ?

Отвѣтъ на эти оба вопроса слѣдуетъ искать не только въ юридическихъ, но и въ политико-экономическихъ началахъ, и я полагаю, что начала эти разрѣшаютъ данный вопросъ, согласно требованіямъ справедливости и общественной пользы. Этимъ я закончиваю вопросъ объ эксплуатаціи желѣзной дороги.

Прежде чѣмъ перейти ко второму основному моему положенію, что обязанность желѣзной дороги вознаградить за личный вредъ есть *obligatio ex lege*, позволяю себѣ покончить съ второстепеннымъ. Желѣзная дорога отвѣчаетъ за случайность (*casus*).

Понятіе случайности весьма часто смѣшивалось съ понятіемъ *vis major*; мнѣ кажется, что этому способствовало ученіе нѣкоторыхъ французскихъ юристовъ, раздѣляющихъ непреодолимую силу на *force majeure*—въ собственномъ смыслѣ и непредотвратимый случай (*cas fortuit*), составляющій какъ бы видовое понятіе непреодолимой силы.

Въ моей монографіи тоже эти два понятія невѣрно изло-

жены, что привело меня къ неправильному заключенію, тогда высказанному, что желѣзная дорога за casus не отвѣчаетъ.

Въ германской практикѣ былъ такой случай (рѣшеніе герман. имперскаго суда 23 мая 1882 г.): въ городѣ Потсдамѣ, на Саармюндерской улицѣ, у желѣзнодорожнаго переѣзда, была изувѣчена 5-ти лѣтняя дѣвочка, которая неожиданно подползла подъ барьеръ въ тотъ моментъ, когда проходилъ поѣздъ. Когда отецъ ея предъявилъ искъ, желѣзная дорога отвѣтила, что у барьера стоялъ сторожъ и что общество не обязано у переѣздовъ держать кромѣ сторожей еще нянекъ и старалось подвести это поврежденіе подъ понятіе vis major. Имперскій судъ рѣшилъ однако, что дѣяніе пятилѣтняго ребенка не можетъ быть опредѣляемо понятіями непреодолимой силы и что желѣзная дорога имѣетъ возможность у тѣхъ барьеровъ которые находятся въ болѣе многлюдныхъ мѣстахъ, устраивать желѣзные рѣшотки, которыя, опускаясь отъ поперечной перекладины барьера до земли, воспрепятствуютъ и дѣтямъ и животнымъ подходить подъ приближающіеся поѣзды. Причемъ имперскій судъ сослался на то, что подобныя рѣшотки уже устроены на нѣкоторыхъ дорогахъ.

Въ другомъ своемъ рѣшеніи 2 декабря 1879 года (дѣло шло о личномъ поврежденіи мальчика), имперскій судъ квалифицировалъ событіе какъ casus и разъяснилъ, что такъ какъ законъ 7 іюня 1871 г. освобождаетъ дорогу отъ отвѣтственности только при наличности двухъ данныхъ—vis major и собственной вины потерпѣвшаго, и такъ какъ о casus въ законѣ не упоминается, о винѣ же по отношенію къ дѣйствіямъ ребенка не можетъ быть рѣчи, то личное поврежденіе, причиненное случайностью, налагаетъ на желѣзную дорогу обязанность вознаградить потерпѣвшаго.

Можно бы опредѣлить vis major такимъ образомъ: подъ понятіемъ непреодолимой силы подразумѣваются или силы природы или такія дѣянія третьихъ лицъ, которымъ *объективно* нельзя воспрепятствовать.

Подъ понятіемъ casus, случайности, подразумѣваются такія явленія, которыя не могли быть *субъективно* воспрепят-

ствованы лицомъ, обязаннымъ нести за послѣдствія случайности отвѣтственность.

Какъ весьма интересный случай непреодолимой силы я могу указать на случай, недавно опубликованный въ газетахъ (Новости 11 февраля 1886 года № 42): Все побережье Чернаго и Азовскаго морей покрыто сплошь новѣйшими отложеніями, состоящими изъ раковинныхъ известняковъ и принадлежащихъ къ сарматскому ярусу; ниже, за этимъ раковиннымъ известнякомъ, слѣдуютъ пески и затѣмъ глина.

Вода, осачиваясь черезъ пористый раковинный известнякъ, доходитъ до глины, подмываетъ снизу известняки, и эти послѣдніе, словно по льду, сползаютъ, образуя „оползни“ и даже обвалы, какъ это и было, не далѣе какъ въ третьемъ году, между Новочеркасскомъ и Ростовомъ на Дону.

Затѣмъ слѣдующее положеніе:

Видъ вознагражденія не можетъ быть предоставленъ усмотрѣнію суда, а долженъ быть опредѣленъ закономъ.

Въ своемъ разсужденіи г. Демчинскій сослался на то прискорбное явленіе, что у насъ оказались личности, спекулирующія на поврежденія, личности, которыя подъ видомъ высокаго вознагражденія (въ 40 и 50%), фактически скупали претензіи потерпѣвшихъ. На сколько мнѣ извѣстно, былъ только одинъ случай такого рода; мнѣ даже извѣстно, что потерпѣвшіе, живущіе гдѣ нибудь въ Ростовѣ на Дону или Владикавказѣ, охотно поручали лицу, о которомъ идетъ рѣчь, свои дѣла, потому что тогда большинство правленій находилось въ Петербургѣ и, согласно существовавшей до изданія общаго устава 12 іюня 1885 г. подсудности, искъ только въ Петербургѣ и могъ быть предъявленъ. Но жизнь сдѣлала свое; окончательно подорвала кредитъ сказаннаго лица; дѣла потерпѣвшихъ въ настоящее время разсыпались между присяжными повѣренными даже не петербургскаго округа, а всей Россіи (при измѣненной подсудности этихъ дѣлъ, установленной общимъ уставомъ), и зло само собою прекратилось.

Вообще слѣдуетъ сказать, что выводить изъ единичнаго случая общія начала и въ силу отдѣльнаго какого нибудь факта колебать коренныя положенія всегда и во всѣ времена признавалось не только бесполезнымъ но и прямо вреднымъ. Жизнь обнаруживаетъ нежелательныя явленія; предоставьте прежде всего ей самой съ ними справиться и измѣняйте законы только въ случаѣ дѣйствительной и прямой необходимости.

Размѣръ вознагражденія долженъ въ точности соответствовать понесенному въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ущербу.

Въ моей книгѣ я уже указалъ на противорѣчье, существующее въ этомъ отношеніи между ст. 683 и 657 т. X ч. 1.

4-й пунктъ 683 ст. постановляетъ, что размѣръ вознагражденія долженъ зависѣть исключительно отъ понесеннаго въ *каждомъ отдѣльномъ случаѣ* ущерба, въ силу же ст. 657, вознагражденіе опредѣляется по усмотрѣнію суда. Такимъ образомъ по ст. 683, если я потерялъ 10, мнѣ въ точности эти 10 должны быть возвращены, по ст. же 657 выходитъ, что хотя я и потерялъ 10, но по усмотрѣнію суда мнѣ можетъ быть присуждено 5, $2\frac{1}{2}$, а то и 1.

Прежде всего, мнѣ кажется, если замѣчается противорѣчье или просто несовпаденіе постановленій спеціальнаго и общаго законовъ, то примѣняя спеціальныя законы къ спеціальному случаю нужно давать предпочтеніе спеціальному закону передъ общимъ.

Посему я утверждаю, что если я потерпѣлъ 10, мнѣ, на основаніи 683 ст., непременно десять должно быть присуждено—не болѣе и не менѣе. Въ этомъ отношеніи нашему желѣзнодорожному закону нужно отдавать предпочтеніе передъ германскимъ. Въ германскомъ законѣ сказано только: Das Gericht hat unter Würdigung aller Umstände über die Höhe des Schadens . . . nach freiem Ermessen zu erkennen. (§ 7). У насъ же прибавлено, что размѣръ долженъ зависѣть исключительно отъ понесеннаго въ *каждомъ отдѣльномъ случаѣ* ущерба, то есть, что онъ въ точности долженъ отвѣчать каждому

понесенному ущербу. (На это указывают и мотивы къ ст. 683, на стр. 6-й которыхъ значится: „сумма вознагражденія должна въ данномъ случаѣ въ точности соотвѣтствовать причиненному вреду, другими словами—есть величина безусловная, а не относительная“).

Я далекъ отъ мысли лишать судью его права усмотрѣнія, уменьшать судейскую правоспособность, но полагаю, что усмотрѣніе судьи не можетъ идти въ разрѣзъ съ закономъ. Если законъ постановилъ, напримѣръ, что въ опроверженіе нотаріальныхъ актовъ не допускаются свидѣтельскія показанія, судья не можетъ по своему усмотрѣнію допускать подобныхъ свидѣтелей и рѣшать дѣло на основаніи ихъ показанія. Судья, рѣшающій дѣло по существу, обязанъ взвѣсить всѣ предложенныя ему обстоятельства дѣла и рѣшить его на основаніи представленныхъ сторонами данныхъ и доказательствъ, но не на основаніи своихъ предположеній.

Другими словами, усмотрѣніе судьи должно оставаться всегда въ предѣлахъ, обозначенныхъ матеріальнымъ правомъ и гражданскимъ судопроизводствомъ, и составители уставовъ Императора Александра II, предоставивъ широкій просторъ судейскому усмотрѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ сочли необходимымъ напомнить въ мотивахъ къ ст. 411 устава гражд. судопр., что статьи устава, относящіяся до силы доказательствъ, установлены для устраненія всякаго произвола со стороны суда въ оцѣнкѣ представленныхъ сторонами доказательствъ.

Такимъ образомъ, гдѣ размѣръ убытковъ можетъ быть въ точности доказанъ, судейское усмотрѣніе ограничено بقوة закона.

Но есть категоріи случаевъ, въ которыхъ судейское усмотрѣніе играетъ первенствующую роль. Эти случаи имѣлъ въ виду, полагаю я, законодатель, дѣлая ссылку въ ст. 683 на ст. 657 т. X ч. 1, именно: 1) случаи, въ которыхъ размѣръ убытка не можетъ быть въ точности опредѣленъ и не забудемъ, что такихъ случаевъ по отношенію къ увѣчью пассажировъ большая половина; 2) случаи, въ которыхъ совпадаютъ вина желѣзнодорожнаго предпринимателя съ виною

потерпѣвшаго. Согласно теоріи желѣзнодорожнаго права нашей (д. Шприка) и германской судебной практикѣ, размѣръ вознагражденія уменьшается сообразно тому, насколько привходит вина самого потерпѣвшаго, какъ причинный элементъ постигшаго его несчастія.

Въ этихъ двухъ категоріяхъ случаевъ усмотрѣніе судьи играетъ большую роль и въ нихъ должно быть ему отведено первенствующее мѣсто.

Давность, установленная ст. 683, является болѣе строгой, чѣмъ давность германскаго закона 7 іюня 1871 г. Какъ извѣстно, давность нашего закона годовичная, давность же германскаго — двухлѣтняя. Г. Демчинскій говоритъ, что давность германскаго закона болѣе сурова, потому что, по мнѣнію докладчика, въ силу нашего закона, право, предоставленное сторонамъ 6 пунктомъ 683 ст. („въ случаѣ обнаружившихся впослѣдствіи новыхъ обстоятельствъ, размѣръ срочнаго пособія можетъ быть увеличиваемъ и уменьшаемъ по усмотрѣнію суда“), не прекращается истеченіемъ годовой давности; въ силу же германскаго, утверждаетъ докладчикъ — такое право сторонъ послѣ истеченія двухъ лѣтъ совершенно погашается.

Мнѣніе это совершенно неправильно.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что если бы право требовать измѣненія ренты, вслѣдствіе новыхъ обстоятельствъ, погашалось двухлѣтнею давностью, оно стало бы мертвою буквою, потому что если даже допустить, что искъ предъявленъ сейчасъ послѣ происшедшаго личнаго поврежденія, то процессъ вообще, а въ особенности процессъ этого рода, почти всегда связанный съ допросомъ свидѣтелей и экспертизою, раньше двухъ лѣтъ врядъ ли можетъ быть оконченъ. Въ силу этого, прежде всего практическаго соображенія, полагаю, что по нашему и по германскому законамъ такое требованіе не покрывается давностью.

Это первый доводъ.

Второй доводъ, что подобное мнѣніе противорѣчитъ

тексту закона (§ 7 Der Verpflichtete kann *jederzeit* die Aufhebung oder Minderung der Rente fordern... Ebenso kann der Verletzte... *jederzeit* die Erhöhung oder Wiedergewährung der Rente fordern). Jederzeit— во всякое время, безъ ограниченій.

Третій доводъ—германскій законъ въ своемъ § 8 постановляющемъ о давности ссылается на статьи 1—3, про статью же 7 ничего не упоминаетъ.

Четвертый доводъ: германскіе комментаторы желѣзнодорожнаго закона (Eger стр. 513. Gönzmer стр. 142 и др.) говорятъ, что эти требованія не покрываются давностью.

Причемъ, прибавлю, что именно 6 пунктъ нашей ст. 683 и § 7 германскаго закона имѣютъ ту, въ высшей степени, интересную особенность, что къ нимъ не относятся постановленія ни о *auctoritas rei judicatae*, ни постановленія о давности.

Относительно приостановленія давности могу сообщить, какъ новость, изъ нашей судебной практики, что с.-петербургская судебная палата (по II депар.) 18 ноября 1885 г. по дѣлу Смогиныхъ съ обществомъ орловско-витебской желѣзной дороги рѣшила, что давность, на основаніи 137 ст. общ. устава, не приостанавливается относительно малолѣтнихъ только по дѣламъ, возникшимъ послѣ изданія общаго устава; по дѣламъ же возникшимъ до изданія устава 12 іюня 1885 г., т. е. рѣшаемымъ на основаніи ст. 683 и общихъ законовъ, годичная давность относительно малолѣтнихъ приостанавливается.

Относительно постановленія о давности я встрѣтилъ въ практикѣ слѣдующій интересный случай.

Лицо, потерпѣвшее личный вредъ, получаетъ, на основаніи судебного рѣшенія, въ видѣ вознагражденія помѣсячное пособие и затѣмъ спустя 11 мѣсяцевъ послѣ рѣшенія умираетъ. По дѣлу доказано, что смерть послѣдовала именно вслѣдствіе поврежденія. Имѣютъ ли лица, указанныя въ ст. 657 т. X ч. 1, въ свою очередь, право искать съ желѣзной дороги вознагражденія за эту смерть? Имѣютъ, въ силу слѣдующихъ соображеній: 1) въ данномъ случаѣ нѣтъ *auctoritas*

rei judicate потому что лица, указанные въ ст. 657, ищутъ не въ качествѣ правопреемниковъ умершаго, а въ качествѣ лицъ, имѣющихъ самостоятельное право на вознагражденіе. 2) Для сказанныхъ лицъ давностный срокъ начинается истекать со времени смерти потерпѣвшаго (7 п. 683 ст.). 3) На основаніи 661 ст. т. X ч. 1, виновный въ причиненіи разстройства въ здоровьи, обязанъ обезпечить существованіе потерпѣвшаго и его семейства „по смерть самого потерпѣвшаго разстройство въ здоровьи, родителей его и жены, *если она не вступила въ другое супружество, и послѣ ихъ смерти до совершеннолѣтія сыновей и вступленія дочерей его въ замужество, на основаніи 657 ст.*“. Такимъ образомъ, если судъ, присуждая ежегодное вознагражденіе потерпѣвшему личный вредъ по смерти его, не опредѣлилъ въ своемъ рѣшеніи правъ лицъ, указанныхъ въ ст. 657, то эти лица имѣютъ возможность начать самостоятельный искъ послѣ смерти потерпѣвшаго личный вредъ и просить или о присужденіи имъ ежегоднаго пособия или единовременнаго вознагражденія.

Наконецъ, послѣднее положеніе: распредѣленіе тяжести доказательствъ, установленное 683 ст. представляетъ собою существенное нововведеніе и вытекаетъ изъ общаго характера сказаннаго желѣзнодорожнаго закона.

На стр. 90 моей монографіи находится фраза: „во первыхъ, принципъ этотъ не новый“, а затѣмъ приведено рѣшеніе сената по дѣлу Тутунова. Это выраженіе не точно; я хотѣлъ сказать, что принципъ другаго распредѣленія доказательствъ въ желѣзнодорожномъ правѣ не новый — *по мнѣнію сената* и съ точки зрѣнія его практики.

Съ научной же точки зрѣнія это нововведеніе, что я и постараюсь доказать.

Предположимъ, что *А*, встрѣтивши лицо *В* въ глухой мѣстности, ранилъ его револьвернымъ выстрѣломъ. *А* намъ хорошо знакомый, человѣкъ вполне приличный; личность *В* — болѣе чѣмъ подозрительна.

Развѣ судъ присудитъ въ пользу *В* вознагражденіе въ

силу такого соображенія: выстрѣлъ *А* ранилъ *В*—значить *А* виноватъ въ томъ, что *В* раненъ?—Нисколько.

Судъ обязанъ *предположить*, въ силу общаго правила, что *А* невиноватъ въ причиненіи *В* поврежденія; что *А* можетъ быть находился въ состояніи необходимой обороны, или же что *В* по своей собственной неосторожности попалъ подъ выстрѣлъ *А*. Другими словами, вина *А* въ причиненіи *В* поврежденія должна быть точно доказана потерпѣвшимъ.

Другой примѣръ. Дровосѣкъ рубить дерево, дерево валится и придавливаетъ проходившаго мимо. Если этотъ потерпѣвшій желаетъ получить вознагражденіе, онъ не только долженъ доказать, что дровосѣкъ рубилъ дерево, но и вину его: что онъ не кричалъ „берегись“, не оградилъ мѣста и т. д. Опять вина причинившаго вредъ не предполагается, и должна быть доказана потерпѣвшимъ.

Возьмемъ третій примѣръ, тотъ, который приведенъ г. Демчинскимъ. Я отдаю на сохраненіе моему пріятелю шкатулку и получаю съ него расписку. Спустя нѣкоторое время требую шкатулку обратно и иду въ судъ; между тѣмъ хранитель представляетъ удостовѣреніе полиціи въ томъ, что его квартира сгорѣла или что она была обокрадена во время его отсутствія. Если я пожелаю отыскивать съ пріемщика убытки, я не только долженъ доказать фактъ поклажи, но и вину поклажепринимателя, т. е. что онъ или по злой волѣ, или по небрежности, или по непринятію мѣръ предосторожности допустилъ истребленіе моего имущества и былъ первою причиною его уничтоженія.

Не то въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ: я представилъ доказательство моего поврежденія при эксплуатаціи, а доказательство вины предпринимателя—не моя забота.

Откуда это произошло?

Вслѣдствіе громаднаго развитія промышленности и торговаго оборота возникла такая масса опасности для жизни и имущества, что законодатель нашелъ необходимымъ регулировать эту отрасль общественной жизни.

На послѣднемъ съѣздѣ врачей въ С.-Петербургѣ въ де-

кабрѣ 1885 г., врачи, разсуждая о недостаткѣ медицинской помощи на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, указали на тотъ поразительный фактъ, что число пострадавшихъ въ пути достигаетъ громадныхъ цифръ. Такъ на примѣръ, съ 1880 г. по 1884 г. на сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ было тяжело пострадавшихъ 7645 чел., изъ нихъ убитыхъ 2785 чел. Въ одномъ 1884 году было убито 444 человека и тяжело раненыхъ 869!

Эти цифры объясняютъ достаточно краснорѣчиво почему законодатель распространилъ отвѣтственность желѣзнодорожныхъ предпринимателей.

Замѣчательно одно явленіе, аналогичное у насъ и за границею. По дѣлу Тутунова, сенатъ въ 1882 году распространилъ отвѣтственность, установленную ст. 683, относительно распределенія тяжести доказательствъ на случаи гибели или порчи груза. Законодатель въ послѣдствіи вполне одобрилъ этотъ взглядъ нашей судебной практики и издавая общій уставъ 12 іюня 1885 г. такое же распределеніе тяжести доказательствъ въ случаѣ поврежденія груза установилъ въ видѣ законоположенія.

Относительно случаевъ личныхъ поврежденій, первое законодательство, которое возложило *onus probandi* на желѣзнодорожного предпринимателя, было австрійское (5 марта 1869 г.), а между тѣмъ въ литературѣ мы находимъ указанія, что еще въ 1858 году юридическій факультетъ въ Тюбингенѣ предлагалъ измѣнить распределеніе доказательствъ въ упомянутыхъ случаяхъ личныхъ поврежденій именно въ этомъ смыслѣ.

И у насъ и за границей наука и судебная практика указали законодателю какое правило болѣе всего цѣлесообразно.

Отъ желѣзнодорожного предпринимателя требуется не обыкновенная, а специальная и чрезвычайная заботливость о жизни лицъ, отправляющихся по его дорогѣ. Эта особенная заботливость вызываетъ со стороны предпринимателя массу чисто техническихъ, иногда весьма сложныхъ приспособленій.

Если мы при обыкновенных поврежденіях возлагаемъ тяжесть доказательства вины на потерпѣвшаго, то, желая оставаться въ предѣлахъ того же начала, мы при поврежденіи на желѣзной дорогѣ возложили бы на потерпѣвшаго тяжесть въ нѣсколько разъ большую. Его обязанность была бы болѣе трудная, потому что техническіе приемы желѣзнодорожнаго дѣла для него вполнѣ чужды.

Поэтому законодатель въ данномъ случаѣ идетъ въ помощь потерпѣвшему и уравниваетъ шансы, зная напередъ, что все таки желѣзнодорожному предпринимателю легче выйди оправданнымъ изъ гражданскаго суда нежели потерпѣвшему добиться вознагражденія. Теперь, даже при такомъ взглядѣ, эти процессы составляютъ положительное бѣдствіе для потерпѣвшаго; безъ этого начала они стали бы просто фактически невозможными.

Вотъ почему законодатель, въ видахъ справедливости и общественной пользы строить а priori предположеніе вины желѣзнодорожнаго предпринимателя,—предположеніе, которое не имѣетъ мѣста ни въ какомъ другомъ процессѣ объ убыткахъ. (Вербловскій, Общій уставъ стр. 74.—Weinrich, Die Haftpflicht).

II.

На чемъ основывается обязанность желѣзной дороги вознаградить за личный вредъ? Есть ли это обязанность, вытекающая изъ договора (*obligatio ex contractu*), или это есть обязанность, вытекающая непосредственно изъ спеціальнаго закона, (*obligatio ex lege*).

Пробный камень для всѣхъ юридическихъ нормъ и положеній—жизнь. Она же высшая инстанція для рѣшенія вопроса, годно ли или негодно выставленное юридическое начало. Поэтому проверимъ начало, высказываемое г. Демчинскимъ прежде всего, взятыми изъ жизни примѣрами, а затѣмъ оценимъ его съ чисто научной точки зрѣнія.

Происходитъ крушеніе поѣзда, потому что поѣздъ опоз-

далъ приходомъ, телеграфистъ, по небрежности, не далъ знать на слѣдующую станцію и начальникъ станціи не сдѣлалъ надлежащихъ распоряженій. Машинистъ, телеграфистъ или начальникъ станціи оказались плохими агентами; желѣзная дорога виновата въ неудовлетворительномъ выборѣ, въ неудовлетворительномъ надзорѣ, въ *quasi delictum* въ нарушеніи договорныхъ отношеній и въ нарушеніи закона. Это случай смѣшанный, который можно подвести подъ всевозможныя категоріи.

Другой случай: стрѣлочникъ исполняетъ свою службу самымъ добросовѣстнымъ образомъ, съ совершенной акуратностью, въ теченіи 16 лѣтъ. Поѣздъ подходитъ къ стрѣлкѣ. Стрѣлка передвинута какъ слѣдуетъ, но стрѣлочникъ желая убѣдиться въ полной правильности ея постановки, передергиваетъ стрѣлку въ виду подходящаго поѣзда, поѣздъ налетаетъ и терпитъ крушеніе.—Ни *delictum*, ни *quasi delictum*, ни *culpa in inspiciendo*, ни *culpa in eligendo* не имѣютъ здѣсь мѣста. По этому случаю произойдетъ борьба только между двумя началами *obligatio ex contractu* и *obligatio ex delicto* и борьба такая, которая разрѣшится ни въ чью, если не призвать на помощь болѣе общихъ началъ и данныхъ положительной науки.

Но возьмемъ третій примѣръ: на товарномъ поѣздѣ оберъ-кондукторъ получилъ личное поврежденіе. Какъ же быть относительно его то?

Теорія *obligationis ex contractu* уже въ этомъ пунктѣ начинаетъ колебаться. Какъ же разрѣшаетъ этотъ случай г. Демчинскій?

Въ 4 п. своихъ положеній онъ утверждаетъ: „исключительная отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ по ст. 683 должна быть примѣняема только тамъ, гдѣ есть обязательство сохранить принятое къ перевозкѣ и, потому, никоимъ образомъ *не можетъ быть распространяема на договоры личнаго найма*, впредь до распространенія этой отвѣтственности на всѣ производства и предпріятія“.

Такимъ образомъ, согласно этому мнѣнію, ст. 683 не можетъ быть примѣнена къ сказанному оберъ-кондуктору, ибо

онъ состоитъ съ обществомъ желѣзной дороги, на которой служить, въ договорѣ личнаго найма; однако же и по духу и по буквѣ ст. 683, и по всей нашей судебной практикѣ, безъ единого исключенія, онъ получитъ вознагражденіе за свое поврежденіе. Какъ же быть? По смыслу сказаннаго въ 4 п. положенія г. Демчинскаго, желѣзная дорога обязана сохранить принятое къ перевозкѣ; но, во 1-хъ, обязанность сохранить можетъ относиться лишь къ предметамъ, но никакъ не къ лицамъ; во 2-хъ, оберъ-кондукторъ, ведущій поѣздъ желѣзной дороги, не принимается ею къ перевозкѣ.

Чтобы выйти изъ затрудненія, намъ предлагаютъ формулу, что машинисты, кондукторы и прочая поѣздная прислуга—пассажиры, и ст. 683 можетъ быть къ нимъ примѣняема какъ къ пассажирамъ. Я смѣю утверждать, что это такая сильная натяжка, которая не выдержитъ никакой, даже самой слабой критики.

Пойдемъ же по пути примѣровъ дальше.

Постороннее лицо, крестьянинъ, идетъ возлѣ полотна дороги, вдоль насыпи, внизу ея; поѣздъ сваливается съ рельсовъ и его придавливаетъ вагономъ. Желѣзно-дорожный служащій потерпѣлъ личное поврежденіе не при исполненіи своихъ обязанностей. Пассажиръ сѣлъ безъ билета на поѣздъ и находясь въ немъ безъ вѣдома желѣзно-дорожныхъ агентовъ былъ изувѣченъ. Въ какихъ же договорныхъ отношеніяхъ состоитъ желѣзная дорога къ тому своему агенту, который раненъ не при исполненіи служебныхъ обязанностей (значитъ нѣтъ договора личнаго найма); къ тому пассажиру, который изувѣченъ на поѣздѣ, но сѣлъ на него безъ билета и безъ вѣдома желѣзно-дорожныхъ агентовъ (значитъ нѣтъ договора перевозки); къ тому крестьянину, который придавленъ поѣздомъ, свалившимся съ насыпи (значитъ несостоявшему ни въ какихъ отношеніяхъ къ желѣзной дорогѣ).

Опредѣленіе—точно ящикъ, тогда хорошо, когда вмѣщается въ себѣ все то, что должно вмѣстить; когда въ немъ укладываются всѣ или почти всѣ обобщаемыя имъ явленія; но если часть явленій входитъ въ него только на половину,

большая же часть остается наружи, тогда я назову подобное опредѣленіе ошибочнымъ и такимъ именно представляется опредѣленіе обязанности желѣзной дороги отвѣчать за личный вредъ какъ *obligatio ex contractu*.

Это положеніе я старался опровергать до сихъ поръ при-
мѣрами. Попробуемъ теперь опровергнуть его чисто теорети-
ческими данными.

Говорятъ: если пассажиръ ѣдетъ съ билетомъ, сидитъ въ отведенномъ ему желѣзнодорожными агентами вагонѣ—значи-
тъ имѣетъ мѣсто договоръ перевозки.

Прежде всего перевозка лицъ, пассажировъ, не есть догово-
ръ перевозки въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его граж-
данское и торговое право (я въ этомъ отношеніи ссылаюсь
на авторитетъ извѣстнаго юриста Hahn'a *Commentar zum allge-
meinen deutschen Handelsgesetzbuch*, 2 издание, т. II стр. 576).
Нашъ общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 12 іюня
1885 г. строго различаетъ два понятія: а) перевозку пасса-
жировъ и б) договоръ перевозки въ собственномъ значеніи
этого слова. Выраженіе „договоръ перевозки“ встрѣчается,
между прочимъ, въ слѣдующихъ статьяхъ общаго устава.

Въ ст. 61 сказано: „*Договоръ перевозки считается заклю-
ченнымъ съ момента принятія станціею отправленія груза*
вмѣстѣ съ накладною къ отправкѣ“. Ст. 102. „Желѣзная до-
рога отвѣтствуетъ за утрату и поврежденіе *груза*, послѣдо-
вавшія въ теченіи времени отъ заключенія *договора* (ст. 61)
до выдачи груза“..... ст. 105. „Желѣзная дорога не подвер-
гается отвѣтственности, истекающей изъ *договора о перевозкѣ*
относительно такихъ *предметовъ*, которые будучи совершенно
не разрѣшены къ перевозкѣ и т. д. Ст. 127. „Иски къ же-
лѣзнымъ дорогамъ, имѣющіе своимъ основаніемъ перевозку гру-
зовъ или пассажирскаго багажа, нарушеніе *правилъ о пере-
возкѣ пассажировъ* и причиненіе личнаго вреда эксплуатаціею
дороги, предъявляются по усмотрѣнію истца, по мѣсту нахож-
денія правленія или управленія подлежащей дороги, станціи
отправленія или назначенія, или же по мѣсту причинившаго
личный вредъ событія; иски же имѣющіе своимъ основаніемъ

взысканіе вознагражденія за нарушеніе правилъ о приѣмѣ въ отправкѣ грузовъ до заключенія *договора о перевозкѣ* (ст. 61) предъявляются“ и т. д.

Изъ приведенныхъ и другихъ статей устава легко убѣдиться, что въ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ уставъ говоритъ о договорѣ перевозки, онъ всегда или возлѣ этаго выраженія ставить въ скобкахъ ст. 61, въ которой впервые этотъ терминъ употребленъ и въ которой опредѣленъ моментъ заключенія сего договора и предметъ его, то есть грузъ; или же въ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ возлѣ термина „договоръ перевозки“ не стоитъ въ скобкахъ ст. 61 всегда обозначенъ предметъ такого договора, именно грузъ, движимое имущество.

Такимъ образомъ общему уставу чуждо понятіе договора перевозки пассажировъ, какъ основаніе отвѣтственности желѣзной дороги за вредъ.

Посмотримъ теперь имѣется ли такое понятіе договора перевозки пассажировъ въ системѣ желѣзно-дорожнаго права вообще.

Что такое договоръ? Договоръ въ строгомъ смыслѣ слова (*conventio*) есть такое *добровольное соглашеніе* двухъ сторонъ, (*in idem placitum consensus*), по которому или обѣ стороны взаимно, или одна относительно другой обязываются къ опредѣленному дѣйствию (*Obligatorischer Vertrag*); (ср. Голевинскій. Происхожденіе и дѣленіе обязательствъ стр. 38 Варшава 1872 г.).

Элементы, составляющіе договоръ, бываютъ существенные и несущественные. Существенныхъ элементовъ договора, какъ извѣстно, четыре: *согласіе* сторонъ, *способность* сторонъ, *предметъ* договора и *причина*. Если въ договорѣ не только всѣхъ четырехъ но *одного* изъ этихъ элементовъ недостаетъ, договоръ не существуетъ; его нѣтъ. Относительно способности сторонъ, для моего разсужденія достаточно замѣтить, что неспособность къ заключенію договора бываетъ общая (напримѣръ лицъ, признанныхъ умалишенными), или частная, вслѣдствіе которой лица физическія или юридическія вполнѣ спо-

собныя, не могутъ заключать только извѣстныхъ договоровъ, съ нѣкоторыми только лицами или о нѣкоторыхъ точно опредѣленныхъ предметахъ. Какъ извѣстно, эта частная неспособность является въ силу особыхъ постановленій закона. Такъ напримѣръ, саксонское гражданское уложеніе въ ст. 81 говоритъ: „Другія лица ограничены въ дѣеспособности, когда состоятъ подъ опекою или когда особыми постановленіями имъ недозволены извѣстныя дѣйствія“. Договоры такихъ лицъ, недѣеспособныхъ, ничтожны (ст. 786 сакс. улож.).

Разумѣется желѣзная дорога недѣеспособна напримѣръ устроить бумагопрядильню или совершать банкирскія операціи,—но дѣеспособна ли она относительно перевозки и сопряженныхъ съ ней дѣйствій? Интересно замѣтить, что нѣтъ! Въ силу ст. 6 общаго устава желѣзная дорога не вправе заключать сдѣлки и соглашенія съ пассажирами и отправителями грузовъ клонящіяся къ измѣненію ея отвѣтственности. Желѣзная дорога не вправе условливаться относительно платы за проѣздъ пассажировъ (право, которымъ обладаетъ каждый возчикъ) и въ силу ст. 18 общ. устава плата эта опредѣлена тарифами. Желѣзная дорога желаетъ прекратить свои отношенія къ перевозимому имъ пассажиру; обыкновенный городской извозчикъ, если сѣдокъ напримѣръ толкаетъ его или ведетъ себя неприлично, вправе остановить лошадь и сказать „сойдите“; желѣзная дорога не обладаетъ этимъ правомъ. Если пассажиръ нарушаетъ спокойствіе другихъ пассажировъ, если онъ находится въ болѣзненномъ состояніи, угрожающемъ здоровью другихъ пассажировъ, если даже онъ буйствуетъ и позволяетъ себѣ явно безстыдныя и оскорбительныя дѣйствія, желѣзная дорога не вправе его удалить немедленно изъ вагона, не вправе его удалить даже на первой ближайшей станціи, а въ силу 29 ст. общаго устава обязана его довести до станціи находящейся близъ города, села или деревни.

Значитъ, желѣзная дорога ограничена въ своей дѣеспособности относительно тѣхъ отношеній, въ которыя она вступаетъ; изъ чего слѣдуетъ заключить, что отношенія эти не

чисто договорныя, а носятъ на себѣ также характеръ предписаній закона.

Эта черта особенно рельефно выступаетъ при обсужденіи другаго существеннаго элемента договора: *согласія* сторонъ. Это согласіе должно быть непременно добровольное. Сторона только тогда вступаетъ въ договорныя отношенія, когда дѣйствуетъ вполне свободно. Она должна ясно сознавать свой интересъ и это согласіе является только тогда свободнымъ, когда сторона, вступающая въ договорныя отношенія дѣйствуетъ во имя и согласно той цѣли, достигнуть которую она имѣла въ виду. Напримѣръ, если я желалъ уступить свой предметъ въ цѣнѣ 20 руб., но получилъ въ замѣнъ предметъ, который стоитъ всего 5 коп., моя воля къ заключенію *такой* сдѣлки отсутствовала и сдѣлка ничтожна.

Не то мы видимъ относительно желѣзныхъ дорогъ. Желѣзная дорога не имѣетъ права выбора: дѣлать или не дѣлать; она *обязана* перевозить. По ст. 1 общ. уст. перевозка пассажировъ, багажа, почтъ и грузовъ, составляетъ обязанность желѣзной дороги. Она обязана пускать поѣзды ежедневно, въ точно опредѣленные часы и минуты, съ точно опредѣленною скоростью.

Обыкновенный возчикъ вправе посадить сѣдока или нѣтъ; желѣзная дорога, въ силу ст. 2 общ. уст. имѣетъ право отказать въ принятіи къ перевозкѣ пассажировъ, багажа или груза *только* въ шести точно опредѣленныхъ закономъ случаяхъ.

Обыкновенный возчикъ имѣетъ право посадить того кто лучше заплатитъ, руководствоваться своимъ интересомъ и своею выгодною. Желѣзная дорога не обладаетъ этимъ правомъ. Если я желаю перевести кирпичъ, который мнѣ до крайности нуженъ для срочной поставки, и предлагаю желѣзной дорогѣ плату вчетверо выше обыкновенной, лишь бы она пустила мой грузъ раньше другихъ грузовъ, желѣзная дорога принуждена отказать, ибо на очереди стоятъ вагоны съ каменнымъ углемъ. Желѣзная дорога въ силу 51 ст. общ. устава обязана соблюдать порядокъ очереди безъ всякихъ, для ка-

кихъ либо отправителей или видовъ грузовъ, преимуществъ. Если же желѣзная дорога нарушить это правило, тогда объ этомъ составляется протоколъ (ст. 52) и желѣзная дорога, нарушившая очередь отправки, будетъ принуждена уплатить отправителю за каждыя сутки вознагражденіе, въ пятикратномъ размѣрѣ платы, взимаемой за храненіе грузовъ (ст. 101).

Тоже самое встрѣчаемъ мы и во Франціи. Тамъ дѣйствуетъ такъ называемый *Cahier des charges*, концессія, выданная нѣсколькимъ желѣзнымъ дорогамъ, постановленія которой теперь, въ виду общаго законоположенія, распространены на всѣ желѣзныя дороги.

Такъ въ ст. 47 *Cahier des charges* встрѣчаемъ 5 пунктъ „*Toutefois les pris de transport déterminés au tarif sont applicables à tous paquet ou colis, quoique emballés à part, s'ils font partis d'envois pesant ensemble plus de 40 kilogrammes d'objets cuvoysés, par une même personne à une même personne*“. „*En ce qui concerne les paquets ou colis mentionnés au paragraphe 5 ci-dessus, les pris de transport devront être caluculés de telle manieres qu'en aucun casun de ces paquets ou colis ne puisse payer un prix plus eleve qu'un article de même nature pesant plus de 40 kilogrammes*“.

§ 48 . . : Tout traité particulier qui aurait pour effet d'accorder à un ou plusieurs expéditeurs une réduction sur les tarifs approuvés demeure formellement interdit.

Этихъ выдержекъ можно привести очень много.

Посмотримъ еще германское торговое уложеніе напр. ст. 422. Eine Eisenbahn welche dem Publicum zur Benutzung für den Gütertransport eröffnet ist, *kann* die bei ihr nachgesüchte Eingehung eines Frachtgeschäfts für ihre Bahnstrecke *nicht verweigern*. Если я желаю вступить съ желѣзною дорогою въ договоръ перевозки груза, она лишена права соглашаться или не соглашаться; она обязана мой грузъ принять.

Вотъ коренное различіе желѣзной дороги отъ обыкновеннаго возчика или транспортнаго предпріятія. И не смотря на кажущуюся суровость подобныхъ постановленій закона, они вполнѣ отвѣчаютъ общественнымъ потребностямъ, общественной пользѣ. Они необходимы для торговаго и промышленнаго оборота. Возчикъ и обыкновенное транспортное пред-

пріятіе намъ не страшны, но желѣзная дорога, держащая въ своихъ рукахъ монополію перевозки въ извѣстной мѣстности, можетъ убить любой заводъ, любое производство, по своему произволу. Можетъ войти въ стачку съ моимъ промышленнымъ конкурентомъ и покровительствуя отправленію его произведеній и стѣсняя перевозку моихъ, положить на промышленные вѣсы такую тяжесть, съ которой ни одно производство не справится.

Такимъ образомъ желѣзная дорога на своей линіи не хозяйинъ; въ силу постановленій закона она лишена самого важнаго для каждаго контрагента права свободно соглашаться относительно принятія или непринятія на себя обязанностей. Поэтому я утверждаю, что отношеніе желѣзной дороги даже въ перевозимымъ ею пассажирамъ не есть договорное отношеніе.

Какія же это отношенія?

Если обязанность желѣзной дороги вознаградить за вредъ, не есть обязанность, вытекающая изъ договора, то на чемъ же она основывается?

Какъ извѣстно есть 5 источниковъ обязательствъ: договоръ (съ которымъ мы только что покончили), какъ бы договоръ (напр. *negotiorum gestio*, обязательство, вытекающее изъ бездолжной уплаты (*indebiti solutio*) и др.), преступленіе (*delictum*), какъ бы преступленіе (*quasi delictum*) и предписаніе закона (*lex*). Относительно *quasi contractus* здѣсь говорить не приходится. Что обязанность желѣзной дороги не на немъ основана, это положеніе, которое никогда не возбуждало сомнѣнія. Преступленіе желѣзнодорожныхъ агентовъ только въ рѣдкихъ случаяхъ является для желѣзной дороги источникомъ обязательства вознаградить за вредъ. Притомъ общество, какъ юридическое лицо, само не можетъ совершить преступленія; оно юридически въ этому неспособно. Оно, правда, отвѣчаетъ за дѣйствія своихъ агентовъ, совершившихъ преступленіе, но отвѣтственность передъ потерпѣвшимъ личный вредъ основана не на этомъ совершенномъ агентами преступленіи непосредственно, а на другихъ началахъ.

Но стоитъ сказать нѣсколько словъ о *quasi delictum*. Какъ бы преступленіе—есть дѣйствіе недозволенное и причиняющее вредъ, но совершенное *безъ намѣренія* причинить его.

Такія качества этого правового понятія заставили французскихъ юристовъ единогласно признать его за источникъ обязанности желѣзныхъ дорогъ вознаграждать за личный вредъ.

Во Франціи, какъ извѣстно, нѣтъ спеціальнаго желѣзнодорожнаго закона, устанавливающаго вознагражденіе потерпѣвшихъ личный вредъ при эксплуатаціи желѣзной дороги. Французскіе суды примѣняютъ къ случаямъ этого рода ст. 1384 Наполеонова кодекса, въ силу которой законъ налагаетъ обязанность отвѣчать не только за свои собственныя дѣйствія, но и за дѣйствія другихъ лицъ. Между прочимъ, хозяева и довѣрители отвѣчаютъ за вредъ, причиненный ихъ служителями и повѣренными, при исполненіи порученныхъ имъ обязанностей. (Тоже самое по итальянскому уложенію ст. 1153—1155).

Эта отвѣтственность дѣйствительно построена на *quasi delictum*. Но для нашего закона она не можетъ имѣть примѣненія:

1) Потому, что нашъ законъ построенъ по образцу германскаго, которому чуждо это понятіе. Германскій законъ имѣетъ въ основаніи совершенно другой взглядъ, вполне различный отъ французскаго. Желѣзнодорожный предприниматель, согласно этому воззрѣнію (примѣнимому тоже и къ нашему закону), не нанимается для перевозки извѣстныхъ данныхъ вещей, а является *предпринимателемъ* перевозки. (Необходимо замѣтить, что по нашему закону желѣзнодорожный владѣлецъ является тоже предпринимателемъ; онъ поставщикъ всѣхъ средствъ передвиженія. Ст. 1738 т. X ч. 1 говоритъ: „предметомъ подряда и поставки могутъ быть всякаго рода *предпріятія*, непротивныя законамъ, какъ-то перевозка людей и тяжести сухимъ путемъ и водою“). И такъ, по германскому закону, желѣзнодорожный владѣлецъ является предпринимателемъ перевозки. Какъ онъ ее совершаетъ, это его дѣло; никто изъ пассажировъ и грузоотправителей въ это вмѣшиваться

не имѣть права. Перевозка, какъ предпріятіе, исполнѣ представлена (во внутреннихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ: выборѣ агентовъ, матеріала и т. д.) его произволу.

Оттого то онъ за все отвѣчаетъ: за рельсы, за локомотивъ, за машиниста, который любитъ выпить, и за стрѣлочника, который утомленъ безсонной ночью;—онъ отвѣчаетъ за все потому, что пассажиръ и грузоотправитель не входятъ съ этими лицами ни въ какія договорныя отношенія и не осматриваютъ, прежде чѣмъ садиться въ вагонъ, прочность его рессоръ и осей (многіе это дѣлаютъ садясь на извозчика).

Съ другой стороны, желѣзнодорожный предприниматель не входитъ съ желѣзнодорожными агентами въ договорныя отношенія за счетъ грузоотправителя или пассажира, а за счетъ свой, собственный (германское торг. уложеніе ст. 395). Онъ отвѣчаетъ за всякое несчастіе потому, что если даже доказать вину отдѣльнаго агента, представляется вѣроятнымъ, что несчастіе причинено было не только этой одной доказанной виной, но и другими причинами и недостатками. Желѣзнодорожный предприниматель *представляетъ собою* весь составъ желѣзнодорожнаго предпріятія, личный и вещественный. (Hahn. II. 592. 3, 626).

Такъ—по германскому и нашимъ законамъ.

По французскому иначе: тамъ предприниматель отвѣчаетъ лишь за служебныя дѣйствія желѣзнодорожныхъ агентовъ; оттого-то г. Демчинскій совершенно умѣстно указалъ на одно рѣшеніе французскаго кассационнаго суда, который отмѣняя рѣшеніе палаты въ Каннѣ, присудившей вознагражденіе съ желѣзной дороги за личное поврежденіе, причиненное лопнувшимъ бандажемъ—спросилъ: „où est la faute“? Нашъ и германскій суды такъ не спросятъ, ибо по буквѣ и духу нашихъ законовъ потерпѣвшій не обязанъ знать гдѣ именно ошибка.

II) Между нашими и французскими, а также итальянскими законами, та разница, что по нашимъ законамъ (ст. 687 т. X ч. 1) господа и вѣрители отвѣчаютъ за вредъ и убытки, причиненные ихъ слугами и повѣренными, при исполненіи

ихъ порученій *сообразно съ приказаніями или полномочіемъ*, которыя даны имъ господами или вѣрителями; по французскому же и итальянскому гражданскимъ уложеніямъ господа и вѣрители отвѣчаютъ за своихъ слугъ и повѣренныхъ *безусловно*, т. е. не только за дѣйствія, учиненныя ими при исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей, но и за дѣйствія, учиненныя *по поводу* сихъ обязанностей (Pfaff „Ein Gutachten“ стр. 67). Такимъ образомъ, разъ такое начало существуетъ въ нашемъ общемъ гражданскомъ законѣ—нельзя подыскивать, какъ *ratio legis* спеціальнаго закона, начало противоположное, до тѣхъ поръ, пока оно прямо не будетъ указано законодателемъ.

И такъ, мы разобрали четыре источника обязательства желѣзной дороги вознаграждать за личный вредъ: договоръ, и какъ бы договоръ *delictum u quasi delictum*. Въ началѣ моего разсужденія я старался доказать примѣрами, что бываютъ однако случаи, которые нельзя свести къ этимъ началамъ.

Возьму еще примѣръ—послѣдній. Поѣздъ потерпѣлъ крушеніе потому, что усовершенствованный тормазъ пересталъ дѣйствовать; потому, что лопнулъ стальной рельсъ, испытанный надлежащимъ образомъ;—что шпала оказалась гнилой, несмотря на старательное наблюденіе за полотномъ. (Шпалы имѣютъ ту особенность, что изъ ста шпалъ одной укладки, 99 окажется здоровыми, а одна той же укладки будетъ гнилая). Однимъ словомъ возьмемъ случай, сходный съ дѣломъ доктора Гетце, на который я указалъ въ моей монографіи. Причины, вызвавшія тогда крушеніе, принадлежать къ числу такъ называемыхъ *внутреннихъ причинъ* личныхъ поврежденій; причинъ, вытекающихъ изъ недостатковъ вещественнаго состава желѣзной дороги. Не смотря на то, что можетъ быть удостовѣрено надлежащее отношеніе общества къ своему вещественному составу, — что желѣзнодорожный предприниматель относился къ своему предпріятію какъ добрый хозяинъ—онъ все-таки будетъ признанъ обязаннымъ уплатить вознагражденіе, если недоважетъ наличность *vis major*, или собственной вины потерпѣвшаго. Что это начало отвѣчаетъ буквѣ и

духу нашего и германскихъ законовъ я докажу теоретически — но теперь я ссылаюсь на фактъ: не только наши суды въ этомъ отношеніи единогласны, но я не знаю ни одного случая изъ многочисленной германской судебной практики, который бы указывалъ на противоположное воззрѣніе.

Это значитъ, что мы стоимъ на значительной высотѣ юридическихъ понятій, сравнительно съ уровнемъ прежнихъ теорій и воззрѣній.

Но этой высоты наука не сразу достигла, а шла она постепенно, подымаясь въ гору шагъ за шагомъ.

Рудольфъ Герингъ въ своемъ сочиненіи „Das Schuldmoment im römischen Privatrecht (Vermischte Schriften стр. 195) говоритъ, что понятіе обязательнаго значенія юридическихъ отношеній должно было, вырабатываясь, сначала пройти чрезъ точку зрѣнія *delictum*.

Delictum это есть тотъ пунктъ, на видимомъ нами горизонтѣ, въ которомъ впервые появилась идея о вознагражденіи за вредъ.

Источники дѣйствительно это подтверждаютъ. Сначала въ римскомъ правѣ является отвѣтственность только за свои собственныя дѣянія — потомъ является отвѣтственность и за чужую вину.

Первоначально отвѣтственность существовала только за своихъ собственныхъ дѣтей, потомъ за незаконныя дѣянія подчиненныхъ лицъ, затѣмъ за незаконныя дѣянія лицъ равноправныхъ, находящихся почему либо во взаимныхъ отношеніяхъ; на примѣръ отвѣтственность жильцовъ одного дома. Это есть одинъ разрядъ исковъ — *вытекающихъ изъ преступленія*. Интересна на примѣръ отвѣтственность рабовладѣльца за преступленіе раба. Такъ какъ, согласно старому римскому праву, свободные граждане отвѣчали лишь за вредъ, причиненный ихъ непосредственнымъ физическимъ дѣяніемъ, то римское право, развиваясь съ математической логикой и послѣдовательностью, переноситъ этотъ взглядъ на лицъ неправо способныхъ: рабовъ, безумныхъ и даже на неодушевленные предметы. Но такъ какъ прямой искъ къ неправо способнымъ былъ

невозможенъ, неправопособные не могли возмѣстить причиненный ими вредъ, то взыскатель обращался къ ихъ непосредственному представителю и требовалъ выдачи раба. Только вполсѣдствіи господа и собственники предмета приобрѣли возможность вознаградить потерпѣвшаго—къ ней они прибѣгали для того, чтобы выдавая раба самому не терпѣть слишкомъ большой убытокъ. Начало стараго римскаго права, что можно отвѣчать лишь за свои собственные дѣянія, такъ строго проводилось, что требованія о вознагражденіи за дѣйствія, причиненныя рабомъ, были заявляемы къ рабовладѣльцу *servi nomine* (Wyss, *Haftung für fremde Culpa* стр. 18). Почти тоже самое встрѣчается относительно отвѣтственности *patris familias*, за незаконныя дѣянія членовъ семейства. Сынъ, причинившій вредъ, хотя не становился рабомъ потерпѣвшаго, но поступалъ въ его *mancipium*.

Затѣмъ въ римскомъ правѣ встрѣчается отвѣтственность корабельщиковъ, промышленниковъ и откупщиковъ за преступленія своихъ служащихъ (*nautae, caupoes, stabularii, publicani*). Въ особенности сильна была отвѣтственность откупщиковъ.

Законъ (L. I. § 2. D. de publicanis) постановлялъ, что насильственное отниманіе ихъ агентами собственности у плательщиковъ податей, навлекало на самихъ откупщиковъ наказаніе, какъ за воровство и разбой. Основаніемъ такому строгому постановленію послужила *publica utilitas* и оно было вызвано дѣйствительно возмутительными дѣйствіями этихъ лицъ. Вотъ что въ законѣ мы читаемъ: „*Praetor e re putavit et specialiter adversus publicanos edictum proponere (L. I. § 2.) ut quantae audaciae, quantae temeritatis sint publicanorum factiones nemo est qui nesciat; ideo Praetor ad compescendam (укрощенія ради) eorum audaciam hoc edictum proposuit.*

Отвѣтственность жильцовъ одного дома тоже была основана на *publica utilitas*. Здѣсь принадлежитъ *Actio depositi et suspensio, Actio efusi et electi*, то есть отвѣтственность за *quasi delictum*.

Второй отдѣлъ отвѣтственности за чужую вину представляютъ нарушенія *договорныхъ* отношеній. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ извѣстный институтъ римскаго права — *receptum*,

въ силу котораго *nautae, caupones, stabularii* отвѣчаютъ за дѣйствія своихъ служащихъ, непредставляющія собою ни преступленія ни проступка, а просто причинившія потерю или поврежденіе *вещи*. (*Rescriptum* относилось только къ вещамъ, поэтому примѣнять этотъ институтъ къ личнымъ, причиняемымъ теперешними желѣзными дорогами поврежденіямъ, не представляется основанія). Замѣчательно, что институтъ *rescriptum* не вытекаетъ, въ строгомъ смыслѣ слова, изъ договорныхъ отношеній, а основанъ на спеціальномъ преторскомъ эдиктѣ.

Согласно внутреннему содержанію *rescriptum*, вознагражденіе, имъ установленное, основывалось не на *custodia*, какъ при *locatio conductio*, а вытекало изъ предпріятія перевозки. Обращая вниманіе на то, что отвѣтственность *nautae, caupones, stabularii*, имѣла мѣсто даже при *случайной* пропажѣ (*L. 3 § 1*).

За недостаткомъ времени я далѣе останавливаться не буду на этотъ отдѣлъ римскаго права, а прямо перейду къ выводамъ, къ которымъ можно прійти изучая его.

Первый выводъ, что римскому праву вообще неизвѣстна безусловная отвѣтственность за вину третьихъ, призванныхъ къ исполненію договора лицъ. Ошибаются тѣ, которые думаютъ отыскать основаніе нынѣшнимъ, вызваннымъ къ жизни современнымъ промышленнымъ оборотомъ, законодательнымъ положеніямъ, въ римскихъ источникахъ.

Второй выводъ, что за исключеніемъ случаевъ, спеціально обозначенныхъ особыми законоположеніями, римляне изъ общихъ договорныхъ отношеній выводили лишь одну отвѣтственность — именно за свою собственную вину.

Вотъ прошлое правовой идеи отвѣтственности за чужія дѣйствія.

Въ положеніяхъ, выставленныхъ мною для настоящаго разсужденія сказано, что обязанность желѣзныхъ дорогъ вознаграждать за причиненный при ихъ эксплуатаціи личный вредъ, есть обязанность, установленная спеціальнымъ закономъ: *obligatio ex lege*. Обыкновенно, юридическіе писатели отводятъ

самое ничтожное мѣсто этой категоріи обязательствъ. У Савиньи, въ его „Обязательственномъ правѣ“, встрѣчается о нихъ всего нѣсколько строкъ, въ общей категоріи *obligationes ex variis causarum figuris*. У Голевинскаго они поставлены на послѣднемъ мѣстѣ, въ 4-й категоріи, и занимаютъ всего половину страницы. Между тѣмъ имъ подобаетъ отвести мѣсто болѣе почетное среди обязательствъ.

Прежде всего они, разумѣется, встрѣчаются въ римскомъ правѣ; подробно о нихъ говорить я не буду, ограничусь лишь перечисленіемъ ихъ. Вотъ какія тамъ встрѣчаются *obligationes ex lege*:

- 1) Обязанность выдачи содержанія (*de bonis quae liberis*).
- 2) Обязанность погребенія (*D. de religiosis*).
- 3) Обязанность выдачи приданаго (*D. de jure dot. D. de castrensi peculio*)—это та часть имущества, которая выдавалась выходящей за мужъ дочери и отправляющемуся въ лагерь сыну.
- 4) Обязанность предоставить сервитутъ (*D. si ususfructus petatur*), напримѣръ, я требую, чтобы сосѣдъ далъ мнѣ проѣздъ въ моей дачѣ.
- 5) Обязанность предоставленія залога на случай могущаго произойти вреда (*cautio damni infecti*). Если строеніе сосѣда угрожаетъ паденіемъ, я могу потребовать залога; если сосѣдъ отказывается, преторъ вводитъ меня во владѣніе такимъ строеніемъ (*missio in possessionem ex primo decreto*). Мнѣ предоставлено право принимать всѣ мѣры и я могу удержать домъ за собою до тѣхъ поръ, пока мнѣ не будутъ возвращены всѣ издержки. Если собственникъ строенія отказывался отъ такого возмѣщенія, преторъ присуждалъ строеніе тому, кто имъ владѣлъ (*missio in possessionem ex secundo decreto*).
- 6) *Operis novi nuntiatio*, а также оставленіе начатой сноски дома, если это мнѣ причиняетъ вредъ.
- 7) Обязанность не препятствовать естественному стоку воды (*Actio aquae pluviae arcendae*).
- 8) Обязанность предъявлять движимую вещь для осмотра и изслѣдованія, въ видахъ дѣйствительной надобности жалобщика (*Actio ad exhibendum*); здѣсь принадлежитъ *interdictum de glande legenda*: право собирать плоды моего дерева, которые падаютъ на землю сосѣда (1 разъ въ три дня).
- 9) Обязанность сви-

дѣлствовать на судѣ (D. de testibus). 10) Обязанность денежнаго вознагражденія за оказанныя услуги (D. de extraordinariis cognitionibus). Сюда юристы причисляютъ институтъ *taxae* и *тарифовъ*.

Если даже мелькомъ пробѣжать всѣ эти обязательства, въ нихъ замѣчается одна общая черта: всѣ они имѣютъ въ виду, прежде всего, общественный интересъ, общественную пользу, общественную этику. Нѣмецкіе писатели (Кохъ) характеризуютъ ихъ такъ: это положенія, которые перешли изъ области неопредѣленныхъ понятій о справедливости въ область закона.

Въ нашихъ общихъ гражданскихъ законахъ *obligationes ex lege* встрѣчаются между прочимъ въ ст. 442—451 т. X ч. 1. О другихъ современныхъ законодательствахъ я говорить не буду, за недостаткомъ времени, но очевидно каждый легко эти обязательства въ нихъ самъ отыщетъ.

Такимъ образомъ фактъ существованія этихъ, непосредственно изъ закона вытекающихъ обязательствъ, налицо.

Какимъ путемъ юридическая мысль дошла до вывода, что желѣзная дорога отвѣчаетъ за разломъ стального рельса, или за лопнувшій бандажъ?

Изъ всѣхъ современныхъ гражданскихъ уложеній такъ называемыхъ великихъ государствъ, подробнѣ всего отдѣлы о вознагражденіи за вредъ разработаны въ австрійскомъ уложеніи 1 іюня 1811 года. Поэтому, развивая свою мысль, въ видѣ примѣра, я буду останавливаться на этой системѣ законоположеній.

Въ гражданскихъ правовыхъ понятіяхъ за послѣднее время можно замѣтить три періода: періодъ до составленія Наполеонова кодекса, австрійскаго уложенія 1811 года и саксонскаго уложенія 1813 г.; періодъ составленія этихъ законодательныхъ системъ и періодъ *послѣ* ихъ составленія.

Основною чертою *перваго періода*, на примѣръ старыхъ австрійскихъ законовъ, является то, что они въ изслѣдованіи факта причиненія вреда отыскиваютъ прежде всего *намырен-*

ность его причиненія. Тотъ вредъ имѣлъ право влечь за собою юридическія гражданскія послѣдствія, изъ котораго проглядываетъ намѣреніе.

Вину, тогда раздѣляли строго на три степени: *culpa lata* (почти *dolus*), *culpa levis*, *culpa levissima* и сообразно степени вины оцѣнивали вредъ.

Второй періодъ оставляетъ намѣренность, отбрасываетъ старое дѣленіе вины на три степени, но тщательно высматриваетъ наличность ея. Базисъ на которомъ построены 30-й отдѣлъ австрійскаго уложенія 1811 года—это вина. Она царствуетъ въ немъ полновластно. По ст. 1295 „каждый имѣетъ право требовать возмѣщенія вреда отъ причинившаго ему такой *по винѣ*“. Затѣмъ ст. 1297 требуетъ такого старанія и вниманія, какія возможны при обыкновеннымъ способностяхъ (очевидно, на основаніи этой статьи нельзя было бы заставить желѣзную дорогу уплатить вознагражденіе за вредъ, причиненный разломомъ рельса потому, что предвидѣть такой разломъ не только обыкновенныя, но даже чрезвычайныя способности не могутъ). Затѣмъ ст. 1306 прямо постановляетъ: „къ возмѣщенію вреда, причиненнаго *безъ вины*, или посредствомъ непроизвольнаго дѣйствія, причинившій вредъ по общему правилу не обязанъ“.

О винѣ говорятъ еще ст. 1307, 1309, 1310. Ст. 1313 постановляетъ; „за чужія противозаконныя дѣйствія, въ которыхъ кто либо не принималъ участія, онъ также по общему правилу не отвѣтствуетъ“.

Даже спеціальная статья, постановленная въ видѣ изъятія, ст. 1316 основывается на винѣ: „хозяева, шкиперы и возчики отвѣтствуютъ за послѣдовавшую *по винѣ* ихъ собственныя, или приставленныхъ слугъ, утрату или порчу груза, либо принятыхъ въ ихъ домѣ или на ихъ кораблѣ вещей путешественниковъ“. Это римское *гессеріум*.

Говоря о томъ, что австрійское уложеніе все понятіе о вознагражденіи за вредъ строить на винѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду его ст. 859. „Права лично-имущественныя, въ силу которыхъ одно лицо обязано что либо исполнить

въ пользу другаго, основываются или непосредственно на законѣ, или на договорѣ, или же на понесенномъ вредѣ“. Съ перваго взгляда казалось бы, что это выраженіе ст. 859, даетъ возможность основывать право на вознагражденіе просто на причиненномъ вредѣ, какъ фактъ,—по при ближайшемъ разсмотрѣніи этой статьи, въ сравненіи ея съ другими, необходимо прійти къ выводу, что вредъ, обозначенный въ ст. 859, долженъ быть не иной, а именно такой, который обозначенъ въ ст. 1295 и др., то есть вытекающій изъ вины.

Къ этому періоду законодательныхъ понятій принадлежатъ слѣдующія постановленія саксонскаго уложенія: ст. 1489. „Кто по своей винѣ нанесетъ другому тѣлесное поврежденіе“ и т. д. и ст. 1491. „Кто по своей винѣ причинилъ смерть человѣку, тотъ обязанъ вознаградить наслѣдниковъ“ и т. д.

Еще замѣчу, что французское законодательство, основывающее обязанность вознагражденія за дѣйствія 3-хъ лицъ на *quasi delictum*, по самому существу этого правового понятія допускаетъ вознагражденіе при отсутствіи намѣренности, но всегда предполагаетъ *вину*.

Вотъ второй періодъ юридическихъ понятій, какъ они выразились въ законодательныхъ актахъ.

Третій періодъ возникъ послѣ изданія французскаго кодекса, австрійскаго и саксонскаго уложеній.

О преобразованіи понятій вознагражденія за вредъ, въ особенности подробно было говорено на 5-мъ съѣздѣ австрійскихъ адвокатовъ въ 1880 году (*Der 5 österreichische Advocatentag*). На этомъ съѣздѣ выступили съ докладами три свѣтила нѣмецкой юридической науки Pfaff, Randa u Strohal; мнѣнія ихъ напечатаны были особымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „*Drei Gutachten*“, которое въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. Эти юристы указываютъ на невѣрность взгляда австрійскаго уложенія, по которому вознагражденіе и его размѣръ поставлены въ зависимость отъ степени вины и доказываютъ, что это неправильно. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ австрійскаго уложенія, говорятъ они, это смѣшеніе уголовного, карательнаго, и гражданскаго началъ; на-

чалъ, которые должны быть строго и тщательно разобщены. Новыя потребности торговаго оборота вызываютъ къ жизни новыя юридическія понятія; потребность увѣренности за свою личную и имущественную неприкосновенность, потребность безопасности оборота, налагають на промышленниковъ и предпринимателей обязанность приложенія высшей мѣры заботливости и высшей мѣры прилежанія.

Юридическая наука стала искать новыхъ путей и нашла ихъ (Schlossmann „Der Vertrag“ Leipzig 1876).

Теперь, виною мы называемъ дѣяніе, противное долгу и обязанности. Мы разсматриваемъ дѣяніе съ точки зрѣнія нашего масштаба человѣческихъ интересовъ, и если извѣстное лицо, поступающее согласно своимъ обязанностямъ, должно было устранить извѣстный фактъ и неустранило его—это *неустраненіе* ставится ему въ вину.

Позволю себѣ по примѣру нѣмецкихъ изслѣдователей, высказать три положенія:

1) Для понятія вины не требуется дѣяніе.

2) Направленіе воли не является необходимымъ признакомъ вины въ причиненіи извѣстнаго вреднаго послѣдствія.

3) Вина, провинность (Verschuldung) и причиненіе (Verursachung), это два понятія, которые ничего общаго между собою не имѣютъ.

Посему въ гражданскомъ правѣ, точно также какъ и въ правѣ уголовномъ, послѣдствія вѣняются въ вину и тому, кто ихъ не причинилъ.

Государство и общество не довольствуются такимъ образомъ индивидуальныхъ дѣйствій, который состоитъ лишь въ непричиненіи вреда другому. Государство и общество требуютъ развитія такой *положительной* дѣятельности, которая должна быть направлена къ предотвращенію этого вреда и къ пользѣ другого.

Субъективный характеръ юридическихъ понятій уступилъ мѣсто объективному. Мнѣніе Геринга, что кореннымъ основаніемъ права на вознагражденіе является месть, теперь похоронено. Его знаменитое выраженіе „kein Uebel ohne Schuld“

потеряло свою прежнюю силу. Теперь единственнымъ основаніемъ права на вознагражденіе является вредъ, самъ по себѣ, какъ фактъ и юридическое явленіе.

Мы постоянно присутствуемъ при незамѣтныхъ, но непрерывныхъ преобразованіяхъ въ области права. Исслѣдованіе частныхъ отношеній, уразумѣніе господствующихъ потребностей общественнаго оборота, ведетъ къ преобразованію сначала юридическихъ понятій, а затѣмъ и обязательныхъ юридическихъ нормъ; *jus naturale* постепенно вливаетъ свои начала въ *jus civile* и придаетъ ему свою окраску и свой составъ.

Лѣтъ 50 тому назадъ вознагражденіе за личное поврежденіе вслѣдствіе лопнушаго бандажа было бы немислимо. Оно и теперь вытекаетъ не изъ *общихъ*, а изъ специальныхъ правовыхъ нормъ и постановленій.

Вотъ почему германскіе юристы, всѣ, безъ исключенія, и германская практика, вся, безъ изыатія, называютъ обязанность вознаградить вытекающую изъ такого явленія—*obligatio ex lege*. Эта мысль, смѣю надѣяться, получить право гражданства и въ русской литературѣ.

Въ заключеніе позволю высказать одно пожеланіе: спеціальныя законоположенія, которыя не находятся въ полномъ согласіи со всей системой дѣйствующаго гражданскаго общаго закона,—ибо опередили его нацѣлое столѣтіе, пусть войдутъ въ будущее гражданское уложеніе въ качествѣ *органическихъ* его частей. Пусть послужатъ они сигнальными огнями, которые освѣтятъ путь нашимъ законодательнымъ работамъ. Тогда мы, простые работники, трудящіеся надъ частнымъ объясненіемъ желѣзнодорожнаго закона, будемъ гордиться мыслью, что мы поработали не для одного только спеціальнаго законоположенія, а на пользу всего нашего будущаго гражданскаго кодекса.

Ф. Осецкій.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Очеркъ дѣятельности судовъ и судебныхъ порядковъ.

XIX.

Мы видѣли, что предсѣдатели на присяжныхъ засѣданіяхъ вліяютъ весьма сильно и что мнѣніе предсѣдателя о дѣлѣ, высказываемое имъ въ своемъ резюме, складывается изъ суммы всѣхъ впечатлѣній, получаемыхъ имъ изъ знакомства съ предварительнымъ слѣдствіемъ, отъ судебного слѣдствія, характера преступленія и личности потерпѣвшаго и подсудимаго. Что на предсѣдателя, а слѣдовательно и на его мнѣніе о дѣлѣ, вліяютъ еще въ значительнѣйшей степени стороны, своею личностью, исходя изъ оцѣнки коей предсѣдатель оцѣниваетъ въ своемъ резюме и доводы сторонъ—это весьма понятно. Если предсѣдатель относится симпатично къ одной изъ сторонъ и несимпатично къ другой, то къ требованіямъ и доводамъ первой, иной предсѣдатель, въ силу своей субъективности, будетъ относиться нѣсколько иначе, чѣмъ къ требованіямъ и доводамъ второй. Извѣстно, что отношенія предсѣдателя и сторонъ на судѣ не разъ обострялись настолько, что переходили прямо въ форму пререканій. Пререканія не могли не оставлять нѣкотораго впечатлѣнія на пререкавшихся, которое въ иныхъ случаяхъ и сказывалось въ той или другой формѣ, и скорѣе всего въ резюме предсѣдателя. Вотъ почему, чтобы уяснить себѣ причину и характеръ взаимныхъ отно-

шеній предсѣдателей и сторонъ на судѣ, и степень вліянія этихъ отношеній на рѣшеніе присяжныхъ, мы должны, хотя слегка, коснуться этого вопроса.

Тому, кто слѣдилъ за дѣятельностью судовъ со времени ихъ открытія, извѣстно, какъ часто, въ особенности въ прежнее время, наблюдались пререканія и недоразумѣнія между предсѣдателями съ одной стороны и прокуратурой и защитниками—съ другой. Въ прежнее время рѣдкій день не приносилъ газетной вѣсти о какомъ-нибудь столкновении въ судахъ; теперь эти вѣсти приходятъ рѣдко. Подобныя столкновения не всегда были достояніемъ газетъ: въ нихъ появлялись описанія болѣе рѣзкихъ случаевъ и, понятно, что въ дѣйствительности они проявлялись чаще, чѣмъ это казалось. Кругъ дѣятельности суда, предсѣдателя, прокурора и защитника очерченъ закономъ совершенно опредѣленно, а потому, казалось бы, что подобнымъ пререканіямъ не должно быть мѣста въ судахъ. Чѣмъ же объясняется проявленіе ихъ на судѣ? Объясняется это прежде всего и главнѣе всего личностями пререкающихся. Мы не будемъ разсматривать причинъ, породившихъ ненормальныя условія взаимныхъ отношеній суда и его органовъ, ибо это въ данномъ случаѣ вывело бы насъ за предѣлы нашего очерка, но исходя изъ того, что ненормальныя условія существовали, разсмотримъ только, какъ и въ чемъ проявлялись и проявляются на судѣ неумѣстныя столкновения и насколько они могутъ вліять на ходъ дѣла суда ¹⁾.

Нѣкоторые исповѣдуютъ то убѣжденіе, что въ силу самаго порядка вещей, созданнаго судебными уставами, между судами и прокуратурой не можетъ не быть антагонизма, и что несмотря, повидимому, на хорошія отношенія нѣкоторыхъ судовъ и прокуроровъ, искренности въ этихъ отношеніяхъ не

¹⁾ Взаимныя отношенія судебной администраціи, судовъ, прокуратуры и администраціи, и вліяніе ихъ на ходъ всего дѣла суда, представляютъ весьма интересный и сложный вопросъ. Въ близкомъ будущемъ мы предполагаемъ разсмотрѣть этотъ вопросъ подробно въ другомъ очеркѣ.

бываетъ. Мы, въ силу многолѣтней нашей практики, нашихъ наблюдений и имѣющихся у насъ свѣдѣній, утверждаемъ, что такое мнѣніе ошибочно въ своемъ корнѣ. Въ самый разгаръ борьбы судовъ и прокуратуры (въ началѣ семидесятыхъ годовъ), когда страсти были сильно возбуждены, во многихъ судахъ взаимныя отношенія судовъ и прокуратуры были исполнѣ искренни и даже въ тѣхъ судахъ, гдѣ борьба была въ полной силѣ, меньшинство, а иногда и большинство членовъ суда и прокуратуры, сохраняло искреннія между собою отношенія и только въ качествѣ зрителей наблюдало за борьбой прокурора, предсѣдателя и ихъ партій въ судѣ. Да иначе и быть не можетъ. Отношенія людей обуславливаются главнымъ образомъ ихъ личностями и потому этотъ могучій факторъ не могъ не оказывать вліянія и на дѣловыя отношенія людей. Отсюда является понятнымъ, что всѣ пререканія на судѣ между предсѣдателями и прокурорами являлись, главнымъ образомъ, результатомъ взаимныхъ отношеній ихъ, какъ людей, и что искусственно вызванныя, ненормальныя условія отношеній судовъ и прокуратуры были только причиною, способствующею проявленію этихъ отношеній. Если два человѣка не симпатизируютъ, не уважаютъ и не довѣряютъ другъ другу, то нужно обоимъ обладать большимъ тактомъ, характеромъ, воспитанностью и чувствомъ мѣры, чтобы при столкновеніи на поприщѣ общественной дѣятельности, отношенія ихъ не проявлялись болѣе или менѣе ярко. Достаточно одному изъ нихъ быть недостаточно сдержаннымъ, чтобы другой, сдержанный, позволилъ бы себѣ что-либо отвѣтить. Въ дѣлѣ суда непріязненные отношенія должны были проявляться рѣзче, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ дѣлѣ, ибо малѣйшее уклоненіе отъ нормальныхъ отношеній, даже тонъ рѣчи или обращенія, дѣлалось замѣтнымъ для всѣхъ и производило впечатлѣніе. Между тѣмъ въ дѣлѣ суда для такихъ проявленій иногда существовала готовая почва. Дѣло суда для всѣхъ было дѣломъ новымъ и у судебного вѣдомства не было нивакихъ обычаевъ и традицій. Свое положеніе на судѣ, свою власть, свое вліяніе и силу своихъ требованій, всякій

понималъ по своему. Несмѣняемость нѣкоторыми понималась какъ безотвѣтственность и она выставлялась на показъ, чтобы затѣмъ похвастаться искренностью и независимостью своихъ убѣжденій; съ другой стороны иные прокуроры, принимая такой намекъ на ихъ смѣняемость, а слѣдовательно на ихъ неискренность, за оскорбленіе своего достоинства, желая показать, что они, радѣя объ общественномъ благѣ, что-нибудь да значуть и что требованіе ихъ должно имѣть особое для предсѣдателя значеніе, тоже позволяли себѣ подчеркивать тонъ и характеръ своихъ отношеній къ предсѣдателю. Немудрено, что при такомъ положеніи малѣйшаго повода было достаточно, чтобы характеръ взаимныхъ отношеній выразился рѣзко или со стороны предсѣдателя, или со стороны прокурора. На этой-то почвѣ ненормальныхъ отношеній и возникъ совершенно праздный и неумѣстный вопросъ „о стояннн или сидѣннн“ прокуратуры. Вопросъ этотъ, странный теперь, отойдя къ области минувшихъ дней, былъ жгучъ тогда, когда въ вставаннн и сидѣннн прокуратуры нѣкоторые суды и прокурорѣ видѣли оскорбленіе своего достоинства, которое почему-то именно въ этомъ, а не въ чемъ-либо болѣе серьезномъ, они старались всѣми силами оберегать. Мы не погрѣшимъ противъ истины, утверждая, что вопросъ о вставаннн прокурора возбуждался только въ тѣхъ судахъ, гдѣ отношенія судовъ и прокуроровъ были натянуты и то только среди тѣхъ лицъ, кои не долюбливали лицъ прокурорскаго надзора, что этотъ вопросъ имѣлъ болѣе личный характеръ, чѣмъ принципиальный, и только прикрывался послѣднимъ. Можно было даже наблюдать, что въ самую жгучую пору этого вопроса, въ однихъ судахъ всѣ лица прокурорскаго надзора обращались къ суду и предсѣдателю вставая, а въ другихъ судахъ, къ нѣкоторымъ предсѣдателямъ, которые требовали этого, подчеркивая обязательность подчиненія прокурора на судѣ ему, предсѣдателю, обращались сидя, что дѣлалось, на сколько намъ извѣстно, безъ всякаго предварительнаго согласенія. Намъ, напр., извѣстенъ такой случай. Въ одномъ судѣ прокуратура съ судомъ жила весьма дружно. Всѣ прокуроры,

обращались къ суду и предсѣдателю непремѣнно стоя, но къ одному предсѣдательствующему нѣкоторые прокуроры обращались всегда сидя, такъ какъ онъ всегда старался выказать, что онъ—де первое лицо и прокуроръ ему подчиненъ; это „сидѣнье“ безконечно сердило предсѣдательствующаго и, въ свою очередь, было причиною подсмѣиванья надъ нимъ сослуживцевъ. И вотъ однажды предсѣдательствующій не выдержалъ и замѣтилъ прокурору: „вы обращаетесь къ суду сидя, что должно быть признано мною крайне неприличнымъ. Предлагаю вамъ встать и стоя дѣлать свои заявленія“. На это прокуроръ сидя отвѣчалъ: „я, какъ и всѣ, отношусь къ суду съ такимъ глубокимъ уваженіемъ, что никогда не позволю себѣ не встать, обращаясь къ суду; но въ данномъ случаѣ я обращался не къ суду. а къ вамъ, г. предсѣдатель“. Тонъ этого отвѣта соотвѣтствовалъ сущности его, что все вмѣстѣ произвело большое впечатлѣніе.

Нѣтъ надобности доискиваться, кто болѣе виноватъ въ этихъ пререканіяхъ—предсѣдатель или прокуроръ? И между прокурорами были заносчивые люди и между предсѣдательствующими были невозможные предсѣдатели. Дѣльному и серьезному предсѣдателю не трудно обойтись безъ пререканій, а дѣльный и серьезный прокуроръ всегда сумѣетъ обойти ихъ и оградить свое достоинство, не упуская при этомъ изъ виду пользы дѣла. Вѣрнѣе всего, что въ подобныхъ пререканіяхъ одинаково виноваты какъ тѣ, такъ и другіе. Но какъ бы то ни было, а результатомъ подобныхъ пререканій прокуроры похвалиться не могутъ, ибо послѣдствіемъ ихъ было раздраженіе противъ нихъ предсѣдателей, а раздраженіе, въ свою очередь, *иногда* сказывалось вольно или невольно въ характерѣ резюме. Иной предсѣдатель, находясь подъ впечатлѣніемъ пререканія, оцѣнивая въ резюме приводимые прокуроромъ доводы со своей точки зрѣнія, представлялъ эти доводы не въ должномъ свѣтѣ или опускалъ ихъ, что иногда могло вліять на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Мы говоримъ *иногда*, ибо не на всѣхъ предсѣдателяхъ оно сказывалось въ такой сильной степени и не всѣ предсѣдатели, какъ

мы видѣли, обладаютъ способностью заставлять присяжныхъ засѣдателей руководиться ихъ совѣтами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такія отношенія между предсѣдателями и прокурорами болѣе чѣмъ неудобны. Но спрашивается: можно ли строго винить судебныхъ дѣателей за проявленіе ихъ? Чтобы быть справедливымъ необходимо помнить, что самолюбіе людей такой факторъ, который умныхъ людей заставляетъ дѣлать крупныя глупости, который людей съ государственнымъ умомъ заставляетъ дѣлать непоправимыя государственныя ошибки, который иногда рѣшалъ характеръ политики даже конституціонныхъ государствъ, который даже былъ причиною міровыхъ событій. На всѣхъ ступеняхъ государственной и общественной жизни, не только у насъ, но и во всемъ мірѣ, между дѣателями часто происходитъ страшная борьба изъ за оскорбленнаго самолюбія, когда дѣло отодвигается на второй планъ и служитъ только орудіемъ борьбы или прикрытіемъ истинной причины ея. Вѣдь это всѣмъ извѣстно. Такъ за что же бросать камень въ тѣхъ, кто также оберегалъ свое самолюбіе и можетъ быть своеобразно, поддерживалъ свое достоинство тѣмъ, что хотя и могло отдаленно вредить дѣлу, но прямого, явнаго вреда не причиняло? Но нужно также при этомъ имѣть въ виду, что среди самихъ судебныхъ дѣателей вскорѣ явилось сознаніе безцѣльности этой борьбы, а главное—ея неумѣстности.

Сознаніе это на столько окрѣпло, что теперь подобныя пререканія являются исключительно рѣдкими. Пожалуй замѣтить,—что теперь, благодаря измѣнившемуся взгляду судебной администраціи и извѣстному рѣшенію сената, подобныя пререканія невозможны. Такое замѣчаніе неврѣно: и теперь, какъ и прежде, возможны пререканія между предсѣдателемъ и прокуроромъ, лишь стало бы на то охоты. Отсутствіе пререканій между предсѣдателями и прокурорами слѣдуетъ отнести *исключительно* только къ сознанію судебныхъ дѣателей о неумѣстности ихъ;—это сознаніе служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что громадное большинство

людей, служащихъ дѣлу суда, правильно понимаютъ его, интересуются имъ и дорожатъ имъ.

То, что мы говорили о пререканіяхъ предсѣдателя съ прокуроромъ, точно также относится и къ наблюдаемымъ пререканіямъ между предсѣдателемъ и защитникомъ, только, разумѣется, причины ихъ иныя. Къ сожалѣнію слѣдуетъ замѣтить, что до настоящаго времени пререканія эти не превращаются. Это даетъ намъ право заключить, что они зависятъ исключительно отъ личности нѣкоторыхъ защитниковъ и слабости предсѣдателей, допускающихъ пререканія. Характеръ пререканій мы указали выше.

Слѣдуетъ также отмѣтить тотъ фактъ, что суды вышнимъ образомъ не всегда одинаково относятся ко всѣмъ защитникамъ. Съ иными „маленькими“ адвокатами суды иногда обращаются безцеремонно, тогда какъ къ иному защитнику „изъ извѣстныхъ“ они обращаются съ такою предупредительностью, которая бросается въ глаза. Иногда она доводится до комизма и напоминаетъ извѣстный комическій разсказъ: „Le célèbre avocat de Paris, qui vient plaider le procès devant le tribunal de X“. Отчасти и эта неодинаковость отношеній судовъ ко всѣмъ адвокатамъ служитъ поводомъ къ пререканіямъ.

XX.

Выше мы указывали, что присяжные засѣдатели смотрятъ на предсѣдателя какъ на представителя суда, которому (суду) они обязаны довѣряться и который объясняется съ ними устами его, что для нихъ предсѣдатель является „судомъ“ и что благодаря этому предсѣдатель оказываетъ на нихъ громадное вліяніе. Присяжные засѣдатели, какъ и общество, смотрятъ на дѣйствія и распоряженія предсѣдателя какъ на выраженіе дѣйствій суда и придаютъ имъ особое значеніе, какого, разумѣется, не придавали бы, если бы были убѣждены, что дѣйствія предсѣдателя есть выраженіе его личности, а не постановленія суда. Точно также мы указывали на то, что вліяніе предсѣдателей на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей далеко не всегда бываетъ благотворнымъ. Рядомъ съ предсѣ-

дателемъ въ засѣданіи сидятъ два члена суда, между которыми онъ только *primus inter pares* и которые казалось бы могутъ и обязаны остановить его увлеченіе и тѣмъ предотвратить неблагоотворное по ихъ мнѣнію вліяніе его на присяжныхъ. Между тѣмъ всѣмъ, близко стоящимъ къ суду, постоянно приходится наблюдать, что несмотря на явное пристрастіе или увлеченіе предсѣдателя въ ту или другую сторону, судьи, не раздѣляя этого пристрастія, тѣмъ не менѣе не оказываютъ должнаго вліянія на предсѣдателя. Это обязываетъ насъ выяснить—насколько дѣйствія предсѣдателя, въ силу различныхъ условій, находятся подъ контролемъ засѣдающихъ съ нимъ судей и санкціонируются судомъ и насколько контроль суда можетъ служить гарантіей ихъ правильности и справедливости.

На предсѣдателѣ лежитъ только обязанность руководить ходомъ судебного засѣданія и давать присяжнымъ объясненія, предписанныя 801—804 ст. устава; опредѣленіе же условій производства дѣла въ судебномъ засѣданіи и разрѣшеніе всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ, возникающихъ при производствѣ его, относится къ компетенціи суда. По каждому обыкновенному дѣлу на судѣ всегда возникаютъ разные вопросы, разрѣшаемые судомъ; вопросы эти разнообразны до безконечности. Одни изъ нихъ имѣютъ серьезное вліяніе на ходъ дѣла, другіе никакого вліянія на него не оказываютъ и возбуждаются или для соблюденія необходимыхъ формальностей, или по пустякамъ; одни изъ нихъ разрѣшаются судомъ, другіе же разрѣшаются предсѣдателемъ. Предсѣдатель разрѣшаетъ иные процессуальные вопросы потому, что провести точную грань между ними и вопросами по управленію ходомъ судебного засѣданія невозможно. Всѣ процессуальные вопросы, возбуждаемые на судѣ, какъ бы они ни были по существу своему разнообразны, можно раздѣлить по слѣдующимъ категоріямъ: 1) о неявѣ свидѣтелей и зависящихъ отъ сего послѣдствіяхъ — отсрочки или продолженія судебного засѣданія (ст. 626 и 640 устава); 2) о закрытіи дверей суда для публики (ст. 622);

3) объ избраніи состава присяжныхъ засѣдателей; 4) о приводѣ свидѣтелей къ присягѣ (ст. 705—708); 5) о прочтеніи показаній свидѣтелей вслѣдствіе разнорѣчія ихъ (ст. 627); 6) о прочтеніи писемъ, актовъ и документовъ (ст. 629 и 687); 7) о производствѣ новыхъ осмотровъ и освидѣтельствowań (ст. 688—689); 8) о возвращеніи дѣла къ дослѣдованію вслѣдствіе выясненія новыхъ обстоятельствъ (ст. 734); 9) о предоставленіи права сторонамъ предъявлять новыя доказательства (ст. 734 и 753), и 10) о постановкѣ вопросовъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей.

Между этими вопросами мы видимъ два, разрѣшеніе коихъ въ ту или другую сторону, обуславливая иногда тотъ или другой исходъ процесса, вмѣстѣ съ тѣмъ иногда представляется сложнымъ и труднымъ—это продолженіе судебного засѣданія не смотря на неявку свидѣтелей и постановка вопросовъ для присяжныхъ засѣдателей. Всѣ остальные вопросы разрѣшаются безъ всякаго затрудненія, въ силу простой обыденной логики и вполне яснаго закона, и только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ какойнибудь казусъ можетъ быть предметомъ обсужденій. Поэтому, при обсужденіи послѣднихъ вопросовъ, вліяніе судей на предсѣдателя сводится къ нулю, ибо каждый членъ суда, въ отдѣльности, разрѣшилъ бы ихъ, при данныхъ условіяхъ, совершенно одинаково и совѣщаніе по нимъ есть ничто иное какъ формальность.

Такимъ образомъ мы не ошибемся, утверждая, что засѣдающіе съ предсѣдателемъ судьи могутъ оказывать вліяніе на ходъ дѣла только при разрѣшеніи продолженія слѣдствія въ случаѣ неявки свидѣтелей и при постановкѣ вопросовъ для присяжныхъ засѣдателей. Но для правильной оцѣнки силы этого вліянія необходимо имѣть въ виду условія, при коихъ оно можетъ сказаться. Судьи только тогда могутъ оказать вліяніе на ходъ дѣла, когда оба они одного мнѣнія и оппонируютъ имъ предсѣдателю, такъ какъ при разности мнѣнія ихъ и согласіи одного мнѣнія съ мнѣніемъ предсѣдателя, вопросъ будетъ разрѣшенъ согласно съ мнѣніемъ послѣдняго. Если въ засѣданіи присутствуютъ три члена суда,

то достаточно одному из них быть согласным съ председателемъ, чтобы вопросъ былъ разрѣшенъ такъ, какъ желательно ему, председателю. Затѣмъ, внѣ этихъ процессуальныхъ вопросовъ, вліяніе судей на председателя ни въ чемъ проявиться не можетъ, ибо судьи не имѣютъ права требовать отъ председателя производства судебного слѣдствія въ извѣстномъ порядкѣ, навязывать ему свои мнѣнія и обязывать давать присяжнымъ засѣдателямъ тѣ или другія объясненія или говорить резюме въ извѣстномъ смыслѣ и направленіи. Между тѣмъ вліяніе председателя, какъ мы видѣли, сказывается именно въ управленіи ходомъ судебного засѣданія и главнымъ образомъ въ его резюме.

Очевидно, что въ силу самаго порядка, установленнаго закономъ, и характера всѣхъ возбуждающихся на судѣ вопросовъ, вліяніе судей на председателя можетъ сказаться въ весьма слабой степени, да и то не всегда.

Поэтому мы не ошибемся, сказавъ, что вообще судьи, засѣдающіе съ председателемъ, не составляютъ коллегіальнаго суда, а приданы председателю въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ присутствія, безъ права рѣшающаго голоса, и что вся власть какъ въ управленіи ходомъ судебного засѣданія, такъ и въ рѣшеніи всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ, заключается въ председателѣ, независимо его опытности и знанія дѣла, только въ силу существующаго порядка вещей.

Такъ представляется вопросъ о вліяніи суда на председателя, со стороны внѣшней и закона; съ внутренней же стороны, со стороны установленнаго практикой порядка, вліяніе это мало того, что сказывается въ ничтожной степени, но оно такъ ничтожно, что сводится къ нулю, и практика доказала, что судьи, сидящіе по обѣ стороны председателя, есть совершенно ненужные совѣтники, приданные председателю развѣ только для усиленія торжественности засѣданія. Чтобы вполне уяснить себѣ это, стоитъ прослѣдить при какихъ условіяхъ вообще слушаются дѣла въ судахъ.

При разрѣшеніи почти всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ во время судебного слѣдствія, судьи хотя и

руководствуются известными правилами, закономъ, но должны главнымъ образомъ сообразоваться съ степенью соотношенія возбужденныхъ вопросовъ къ дѣлу и существенности ихъ для дѣла. Для того же, чтобы имѣть право судить на сколько известное обстоятельство существенно или несущественно для дѣла и можетъ быть опущено безъ вреда для него, необходимо знать всѣ обстоятельства дѣла по актамъ предварительнаго слѣдствія. Въ этомъ случаѣ знакомство съ дѣломъ по обвинительному акту недостаточно, такъ какъ въ обвинительный актъ вводятся не всѣ обстоятельства дѣла и многое изъ существеннаго въ немъ опущено. Поэтому, чтобы имѣть право обсуждать *всѣ* процессуальные вопросы, возбуждаемые во время судебного слѣдствія, необходимо всѣмъ судьямъ до засѣданія познакомиться съ дѣломъ по актамъ предварительнаго слѣдствія, что невозможно, ибо на это не хватило бы времени. Между тѣмъ для того, чтобы болѣе или менѣе цѣлесообразно вести судебное засѣданіе по какому нибудь дѣлу, необходимо ознакомиться съ нимъ по предварительному слѣдствію; не зная дѣла—вести судебное засѣданіе невозможно. А такъ какъ управляетъ ходомъ засѣданія предсѣдатель и всѣ судьи читать дѣло не имѣютъ времени, то изучаетъ дѣло только тотъ, кому приходится вести засѣданіе, т. е. предсѣдательствующій. Поэтому понятно, — что судьи, сами не зная—насколько известное обстоятельство существенно или несущественно для дѣла и какое оно можетъ имѣть вліяніе на исходъ дѣла, должны обсуждать вопросъ съ точки зрѣнія предсѣдателя, знакомящаго ихъ съ существомъ дѣла, и невольно руководиться мнѣніемъ предсѣдателя. Такимъ образомъ предсѣдатель, какъ единственно изъ состава суда знакомый съ существомъ дѣла, имѣетъ рѣшающій голосъ при обсужденіи всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ, касающихся существа дѣла и засѣдающіе вмѣстѣ съ нимъ судьи серьезнаго вліянія на рѣшеніе этихъ вопросовъ имѣть не могутъ.

Но кромѣ того члены суда не могутъ оказывать вліянія на предсѣдателя еще и вотъ почему.

Если въ засѣданіи присутствуетъ предсѣдатель суда или товарищъ предсѣдателя, то они и являются единственными вершителями всѣхъ возникающихъ на судѣ вопросовъ, подчиняясь мнѣнію судей, поскольку это мнѣніе согласно съ ихъ мнѣніемъ, или поскольку они захотятъ согласиться съ ними, такъ какъ противъ нихъ члены суда не пойдутъ, „не желая ссориться съ ними изъ за пустяковъ“.

Если присутствіе составляется изъ трехъ членовъ суда (безъ предсѣдателя или товарища предсѣдателя), то вопросы, касающіеся юридической стороны дѣла, а не существа его, иногда могутъ разрѣшаться сообща. Но присутствіе изъ трехъ членовъ составляется очень рѣдко и то только въ столицахъ, да и иногда (далеко не всегда) въ мѣстахъ нахожденія судовъ; громадное же большинство дѣлъ разсматривается судомъ на сессіяхъ, куда три члена суда никогда не выѣзжаютъ и куда въ засѣданія приглашаются или судебный слѣдователь, или почетный мировой судья, или оба вмѣстѣ. Если въ засѣданіи присутствуютъ два члена суда и судебный слѣдователь или мировой судья, то другой членъ суда только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ оказать вліяніе на рѣшеніе вопросовъ, такъ какъ и судебный слѣдователь и почетный мировой судья всегда согласятся съ предсѣдателемъ, разсуждая, что предсѣдатель долженъ быть отвѣтственъ за правильный исходъ дѣла, а не они, члены суда, и что они не могутъ и не должны мѣшать ему и принимать отвѣтственность за исходъ дѣла на себя.

Если присутствіе суда составляется изъ предсѣдательства—члена суда и судей—судебнаго слѣдователя и почетнаго мирового судьи, то очевидно, что послѣдніе никогда не пойдутъ противъ перваго и всегда будутъ соглашаться съ нимъ, такъ какъ они не могутъ имѣть своего самостоятельнаго мнѣнія.

Пожалуй, можно спросить: почему же судебный слѣдователь, считающійся членомъ суда, и почетный мировой судья, очевидно личность въ обществѣ уважаемая, не могутъ имѣть своего мнѣнія по дѣлу и вообще не оказывать вліянія на

ходъ дѣла, противопоставляя свое мнѣніе мнѣнію предсѣдателя, разъ они находятъ его неправильнымъ? Отвѣтъ весьма ясенъ. Хотя судебный слѣдователь и считается членомъ суда, но въ дѣйствительности онъ, занятый своимъ специальнымъ дѣломъ, не слѣдитъ за развитіемъ практики по дѣлу суда и кромѣ того нужно чувствовать за собою особую нравственную силу, чтобы оппонировать членамъ суда: это можетъ повести къ столкновеніямъ, на которыя наталкиваться по чуждому для нихъ дѣлу у многихъ нѣтъ охоты. Затѣмъ, почетный мировой судья смотритъ на дѣло суда какъ на дѣло совершенно ему постороннее, а главное, не имѣя никакого о немъ понятія, не можетъ давать какихъ либо совѣтовъ. Ничего не зная, ничего не понимая въ процессуальныхъ вопросахъ, они не могутъ высказывать целесообразныхъ совѣтовъ по этимъ вопросамъ, и присутствуютъ въ засѣданіи, какъ справедливо говоритъ законъ, „для пополненія присутствія суда“, т. е. для украшенія его, для усиленія торжественности засѣданія. Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что выборъ въ почетные мировые судьи не всегда обусловливается уваженіемъ общества къ избираемымъ, а иногда обусловливается совершенно посторонними соображеніями ¹⁾).

Мы разсмотрѣли условія проявленія дѣятельности судей въ засѣданіи суда по закону и въ дѣйствительности, на практикѣ, и смѣло можемъ утверждать, что нарисованная нами картина этой дѣятельности безусловно вѣрна, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, посмотрѣвъ только на то, что дѣлаютъ судьи во время засѣданія. Каждый день приходится видѣть слѣдующую картину:

Предсѣдатель болѣе или менѣе внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣла; почетный мировой судья или рисуетъ лошадокъ

¹⁾ Намъ, наирямѣрь, извѣстны нѣсколько случаевъ (ихъ разумѣется, встрѣчалось гораздо болѣе), когда почетные мировые судьи переважно засѣдали въ качествѣ третьихъ членовъ въ засѣданіяхъ суда въ теченіи долгаго времени, а затѣмъ въ томъ же судѣ занимали мѣсто помощниковъ секретарей и судебныхъ приставовъ. По нашему мнѣнію это такая профанация идеи о коллегіальномъ судѣ, коментарія которой излишни.

и портретики, или свертываетъ изъ бумаги пѣтушковъ и лодочки, а члены суда, очевидно, не слушая дѣла, пишутъ себѣ опредѣленія или приговоры по предшествовавшимъ засѣданіямъ, торопясь окончить ихъ, чтобы не сидѣть надъ ними вечеромъ, или подписываютъ бумаги, вины которыхъ время отъ времени приносятъ на столъ помощники секретаря. Въ рѣдкихъ случаяхъ иной членъ суда изъ молодыхъ, интересующійся еще дѣломъ, начнетъ сначала слѣдить за ходомъ его, но подъ конецъ засѣданія не выдержитъ и приметъ за свои приговоры и опредѣленія.

И такой судъ признается за судъ коллегіальный! Онъ коллегіальный только по названію, а не въ дѣйствительности, ибо повторяемъ весь судъ сосредоточивается въ одномъ лицѣ—предсѣдателѣ, который и управляетъ ходомъ судебного засѣданія и разрѣшаетъ всѣ процессуальные вопросы. Всякій справедливый и знающій дѣло суда признаетъ, что по дѣламъ, рассматриваемымъ судами съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ дѣйствительности у насъ существуетъ судъ единоличный, для усиленія торжественности котораго (и какъ будто только для этого), законъ установилъ еще присутствіе двухъ членовъ суда.

Все, что было сказано нами относительно разрѣшенія судомъ процессуальныхъ вопросовъ во время судебного слѣдствія, относится точно также и къ постановкѣ вопросовъ, предлагаемыхъ судомъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей.

Практикой уже установлено, что въ обвинительномъ актѣ излагается существо обвиненія въ той формѣ, которая обнимаетъ инкриминируемое дѣяніе и должно быть предложено на разрѣшеніе присяжныхъ. По громадному большинству случаевъ судъ предлагаетъ присяжнымъ одни вопросы по обвинительному акту и потому по этимъ дѣламъ вопросы у суда готовы и обсуждать ихъ не приходится. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда на судебномъ слѣдствіи характеръ обвиненія измѣнится или защита потребуетъ постановки дополнительныхъ вопросовъ, суду предстоитъ обсудить степень осно-

вательности домогательства сторонъ и редакцію предлагаемыхъ вопросовъ. Въ такихъ случаяхъ, составляющихъ меньшинство всѣхъ дѣлъ, не смотря на относительную ихъ сложность, рѣшающее значеніе имѣетъ все таки предсѣдательствующій, въ силу тѣхъ же указанныхъ нами причинъ и всѣмъ извѣстно, что засѣдающіе судьи оказываютъ вліяніе на постановку вопросовъ весьма рѣдко,—при большомъ числѣ вопросовъ и по сложнымъ дѣламъ и только тогда, когда между ними нѣтъ ни судебного слѣдователя, ни почетнаго мирового судьи.

Такимъ образомъ оказывается: 1) что на порядки и характеръ дѣйствій предсѣдателя, какъ бы онъ пристрастенъ ни былъ, судъ вообще оказать вліянія не можетъ, какъ не можетъ отмѣнить дѣйствія предсѣдателя и обязать его измѣнить ихъ характеръ; 2) что предсѣдатель не только по управленію ходомъ судебного засѣданія, но и по разрѣшенію процессуальныхъ вопросовъ свободенъ отъ вліянія суда, и 3) что это вліяніе можетъ сказаться въ весьма слабой степени только при обсужденіи вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ на разрѣшеніе и то не всегда, а по нѣкоторымъ исключительнымъ дѣламъ и при исключительныхъ обстоятельствахъ.

Это положеніе до такой степени вѣрно и до такой степени усвоено всѣми, соприкасающимися съ судомъ, что одно имя предсѣдательствующаго по данному дѣлу служить ручательствомъ, что все засѣданіе будетъ ведено въ извѣстномъ направленіи—обвинительномъ или защитительномъ, причемъ никогда и никто не заинтересуется узнать—кто будетъ пополнять присутствіе суда, такъ какъ всѣми сознается, что судьи на предсѣдательствующаго оказать вліянія не могутъ.

Вотъ почему невольно возникаетъ вопросъ: для какой цѣли по дѣламъ, рассматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, установленъ коллегіальный судъ? Составители судебныхъ уставовъ не могли придавать серьезнаго значенія участію въ судѣ почетнаго мирового судьи, котораго низкій образовательный цензъ и полное незнакомство съ дѣломъ

суда прямо и очевидно доказывают непригодность его для пополненія присутствія суда. Допуская, хотя бы въ видѣ исключенія, приглашеніе почетнаго мирового судьи въ засѣданіе, законъ тѣмъ самымъ установилъ коллегіальный судъ не какъ коллегію серьезныхъ, знающихъ дѣло судей для разрѣшенія всѣхъ возникающихъ на судѣ вопросовъ, а какъ простую процессуальную формальность, которой по существу какъ будто и не придавалъ особо серьезнаго значенія. Въ дѣйствительности оно такъ и оказалось.

А между тѣмъ такой порядокъ ведетъ только къ тому, что члены суда, засѣдая въ судѣ вдвоемъ или втроемъ, теряютъ напрасно свои силы, время, трудъ и казенныя деньги, не принося дѣлу пользы, тогда какъ они, свободные отъ этой скучной и непроизводительной обязанности, могли бы вести лишнія сессіи и серьезнѣе подготовиться къ дѣламъ.

Пожалуй возразятъ:—что если судьи вообще не оказываютъ вліянія на веденіе дѣлъ въ засѣданіи, то все таки хотя изрѣдка, но это вліяніе сказывается и при томъ вліяніе это можетъ сказаться путемъ нравственнаго осужденія дѣйствій предсѣдательствовавшего товарищами, которымъ сообщить все происходившее членъ суда, и что боясь такого осужденія пресѣдательствующій не позволитъ себѣ ничего рѣзкаго, выходящаго изъ ряда, и компрометирующаго себя. Но такое возраженіе, если бы оно было предъявлено, невѣрно. Вліяніе судей на предсѣдательствующаго такъ рѣдко сказывается, что изъ за рѣдкаго проявленія его не стоитъ тратить столько лишняго труда, силъ и денегъ. Да притомъ, если это вліяніе иногда сказывается благотворно, то въ массѣ другихъ случаевъ оно не сказываясь ничѣмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по нашему мнѣнію (какъ увидимъ ниже), приноситъ вредъ, а не пользу. Затѣмъ, косвенно судьи, никакого вліянія на предсѣдательствующихъ не имѣютъ, ибо на дѣльнаго и порочнаго предсѣдателя нечего вліять съ этой стороны, а на иного предсѣдательствующаго ничѣмъ не повліяешь, хотя все, что творится въ судебныхъ засѣданіяхъ, дѣлается извѣстнымъ

всѣмъ и каждому и иногда служить предметомъ разговоровъ и даже насмѣшекъ.

Напротивъ, коллегіальный составъ суда по дѣламъ, рассматривающимся съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, скорѣе приноситъ вредъ дѣлу суда, чѣмъ пользу. Въ настоящее время масса ошибокъ председательствующихъ покрывается судомъ, такъ какъ ошибки эти могутъ повлечь за собою неприятности для засѣдавшихъ вмѣстѣ съ нимъ судей. Кому неизвѣстны подобные случаи? Много наблюдается казусовъ, гдѣ говорится объ ошибкахъ или неправильныхъ опредѣленіяхъ „суда“. Тѣмъ, кто знаетъ внутреннюю сторону этихъ ошибокъ, такъ сказать закулисную сторону ихъ, тѣмъ извѣстно, что судъ тутъ ни при чемъ, а виноватъ только одинъ председательствующій. Но председательствующій, какъ таковой, можетъ подлежать отвѣту или, по крайней мѣрѣ, строгому осужденію, а судъ?—Въ крайнемъ случаѣ можетъ подвергнуться замѣчанію со стороны сената.

Мало ли приходится слышать, что съ инымъ председательствующимъ члены суда не хотятъ засѣдать въ судѣ и идутъ въ засѣданіе только въ силу крайней необходимости, скрѣпя сердце. Послѣ такихъ засѣданій члены суда со скорбью и насмѣшкой рассказываютъ различные анекдоты изъ дѣйствій председательствующаго, а въ результатѣ—въ обществѣ складывается убѣжденіе, что виноватъ во всемъ этомъ судъ, а не председательствовавшій. Такъ происходитъ теперь; при единичномъ же судѣ дѣйствія и качества председателя ничѣмъ и ничѣмъ не будутъ маскироваться,—онъ не будетъ скрываться за судомъ и ошибки его не будутъ прикрываться опредѣленіями суда, а *будутъ явными ошибками его одного*. Очевидно, что это *заставитъ* многихъ председательствующихъ относиться въ дѣлу совсѣмъ иначе, чѣмъ они относятся теперь, и они не позволятъ себѣ того, что позволяютъ себѣ теперь.

Въ тоже время изъ числа всѣхъ членовъ судовъ выборъ судей, имѣющихъ право вести засѣданіе, можетъ быть дѣлаемъ и будетъ дѣланъ съ большою осмотрительностью. Пред-

сѣдатели судовъ волею неволею должны будутъ осторожнѣе рекомендовать старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ судей (т. е. членовъ суда, которые могли бы вести засѣданіе), такъ какъ постоянныя ошибки иного судьи, доказывающія его неспособность къ веденію дѣла, подорвутъ довѣріе къ предсѣдателю суда, а слѣдовательно и дискредитируютъ его значеніе,—чего ни одинъ предсѣдатель суда, разумѣется не хочетъ.

Вотъ почему давно пришла пора сознать, что коллегіальный судъ для разсмотрѣнія дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей не только не приноситъ дѣлу суда пользы, а скорѣе приноситъ ему вредъ.

Но, устанавливая единоличный судъ по этого рода дѣламъ, слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы судья не былъ исключительнымъ рѣшителемъ всѣхъ дѣлъ подъ видомъ рѣшенія ихъ присяжными засѣдателями, чтобы дѣла рѣшались присяжными болѣе или менѣе самостоятельно, а не въ силу навязаннаго имъ мнѣнія о дѣлѣ судьей. Такъ какъ судья болѣе всего можетъ вліять на присяжныхъ своимъ резюме, то необходимо ограничить его право касаться обстоятельствъ дѣла только тѣми случаями, когда стороны извратятъ ихъ въ своихъ доводахъ. Тогда судья будетъ болѣе объективенъ и, потому, болѣе подойдетъ къ типу судьи, установленному судебными уставами.

То, что хорошо въ Англіи, гдѣ судьи избираются изъ среды лучшихъ и извѣстныхъ юристовъ, то не можетъ быть и не должно быть у насъ, по весьма понятнымъ причинамъ.

XXI.

Внимательное изученіе кассационныхъ рѣшеній даетъ не только драгоценныя указанія юристу—практику, но кромѣ того еще даетъ матеріалъ для сужденія какъ о характерѣ дѣятельности судовъ и судебныхъ дѣателей, такъ и о соотвѣтствіи народной жизни того или другаго процессуальнаго порядка.

Дѣйствительно—если мы, напримѣръ, видимъ цѣлый рядъ ошибокъ судебныхъ дѣателей, указывающихъ на незнаніе

ими дѣла,—то имѣемъ основаніе заключить о недостаточной подготовкѣ многихъ изъ нихъ къ избранному ими дѣлу; если мы часто встрѣчаемся съ проявленіями стремленій склонять судъ въ одну какую либо сторону, то имѣемъ право заключить о господствѣ среди чиновъ судебного вѣдомства извѣстной тенденціи; наконецъ,—если мы встрѣчаемъ массу кассаций приговоровъ и рѣшеній присяжныхъ по одному какому либо процессуальному вопросу,—то имѣемъ полное основаніе заключить о неправильной постановкѣ его вообще или о несоотвѣтствіи его условіямъ общественной жизни, въ обширномъ смыслѣ этого понятія.

Разумѣется,—такія заключенія можно вывести только при *систематическомъ* изученіи кассационныхъ рѣшеній со времени учрежденія у насъ кассационнаго суда, такъ какъ громадная масса рѣшеній, въ особенности за первые двѣнадцать лѣтъ. когда печатались всѣ рѣшенія, даетъ увѣренность въ томъ, что выводы могутъ быть безошибочны ¹⁾).

Прослѣдивъ такимъ образомъ кассационныя рѣшенія, мы увидимъ какая масса приговоровъ суда и рѣшеній присяжныхъ отмѣняется сенатомъ по неправильному толкованію судами отвѣтовъ присяжныхъ, неправильной постановкѣ вопросовъ и неправильному пониманію ихъ присяжными засѣдателями. Точно также мы увидимъ, что кассации по этимъ нарушеніямъ не прекращаются и изъ года въ годъ до послѣдняго времени повторяются въ безконечномъ разнообразіи. Все это какъ нельзя болѣе доказываетъ, что несмотря на долговременную практику, до сихъ поръ не могутъ избѣжать ошибокъ суды при постановкѣ вопросовъ и при толкованіи рѣшеній присяжныхъ, а присяжные при толкованіи предложенныхъ имъ вопросовъ.

Если кассационныя рѣшенія по нарушеніямъ этого рода раздѣлить на группы, по характеру нарушеній, то увидимъ,

¹⁾ По этому основанію, вопреки мнѣнію противниковъ нашихъ судовъ мы имѣемъ право утверждать, что среди судебныхъ дѣателей не существуетъ тенденціи. Кассационная практика подтверждаетъ высказанное нами выше мнѣніе.

ж. гр. и уг. пр. кн. x 1886 г.

что они образуютъ три группы, изъ коихъ одна (впрочемъ весьма рѣдко) указываетъ на неправильность постановки судомъ вопросовъ, по несоотвѣтствію ихъ съ вышними признаками инкриминируемаго дѣянія; другая группа—на непониманіе присяжными предложенныхъ имъ вопросовъ, а третья на несоотвѣтствіе вопросовъ тому характеру преступнаго дѣянія, о которомъ сложилось убѣжденіе или у предсѣдателя, или у судей, или у присяжныхъ.

Вообще принято всякое непонятное или повидимому неправильное рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей ставить въ вину имъ, какъ ихъ ошибку, не разбирая насколько дѣйствительно они, а не кто либо другой, повинны въ такомъ рѣшеніи. Мы находимъ, что такіа заключенія, по меньшей мѣрѣ, неосторожны: для того, чтобы винить кого либо, надо изслѣдовать насколько можетъ быть основательно такое обвиненіе. Для насъ, какъ и для многихъ судебныхъ дѣятелей, не подлежитъ сомнѣнію, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ причины подобныхъ рѣшеній присяжныхъ коренятся въ ошибкахъ суда или предсѣдателя и обуславливаются ими.

Но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ошибки послѣднихъ не всегда проистекаютъ отъ незнанія ими дѣла, ибо часто мы видимъ, что непонятныя рѣшенія выносятъ при такомъ предсѣдателѣ, репутація котораго выше всякихъ сомнѣній, то и слѣдуетъ заключить, что источникъ ошибокъ суда присяжныхъ лежитъ также и въ условіяхъ постановки вопросовъ. Дѣйствительно, изучающимъ дѣло суда извѣстно, что ошибки суда присяжныхъ проявляются какъ отъ указанныхъ нами уже причинъ и вообще ошибокъ суда и его органовъ, такъ въ равной мѣрѣ и отъ несоотвѣтствія между собою мнѣній суда, (въ вопросахъ, когда судъ вліялъ на редакцію ихъ), предсѣдателя (въ характерѣ веденія дѣла и въ резюме) и присяжныхъ засѣдателей, несоотвѣтствія мнѣній, дающихъ себя знать въ одной изъ перечисленныхъ нами трехъ группъ нарушеній.

Кассационная практика во всемъ ея объемѣ извѣстна не всѣмъ судебнымъ дѣателямъ, но тѣмъ не менѣе всѣ они знаютъ, какъ часто приговоры судовъ отмѣняются сенатомъ по

неправильной постановкѣ вопросовъ и неправильнымъ отвѣтамъ на нихъ присяжныхъ, а среди общества, незнакомаго съ судебными порядками, можно слышать критику редакціи вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ присяжныхъ.

Точно также лица, бывшія присяжными засѣдателями, рассказываютъ какъ трудно было имъ разрѣшать иные вопросы. Изъ такихъ рассказовъ оказывается, — что иные вопросы были непонятны присяжнымъ по своимъ выраженіямъ и вообще по ихъ внѣшней формѣ, другіе были непонятны по ихъ внутреннему содержанію, а третьи не соотвѣтствовали ихъ взгляду на дѣло и на характеръ дѣянія подсудимаго; что споры присяжныхъ по поводу такихъ вопросовъ вели къ требованію разъясненій предсѣдателя, а если объясненія не разрѣшали ихъ недоразумѣній, то кончались соглашеніемъ понять данный вопросъ, а слѣдовательно и отвѣтить на него, въ извѣстномъ смыслѣ, а при невозможности придти къ такому соглашенію — оправданіемъ подсудимаго, не смотря на убѣжденіе въ виновности его, и что *разъясненія* предсѣдателя *редко* когда достигаютъ цѣли и убѣждаютъ присяжныхъ, ибо присяжные, обсуждая непонятные имъ вопросы такъ волнуются и наконецъ такъ разгорачатся, что разъясненія предсѣдателя каждый изъ нихъ понимаетъ по своему и, въ концѣ концовъ, скорѣе склоняется къ оправданію подсудимаго, чѣмъ къ требованію вторичныхъ разъясненій, которыя не приводятъ ихъ ни къ какому результату. Такъ передаютъ о своихъ совѣщаніяхъ бывшіе присяжными засѣдателями. Правдивость и вѣрность этихъ рассказовъ подтверждается какъ нельзя болѣе опытомъ, который убѣдилъ всѣхъ судебныхъ дѣятелей, — что если присяжные засѣдатели возвратились въ залу засѣданія, требуя разъясненій вопросовъ, то по всей вѣроятности они или отвѣтятъ на вопросы явно несообразно, или оправдаютъ подсудимаго, хотя бы для этого нужно было имъ уничтожить свой отвѣтъ, уже изложенный на вопросномъ листѣ. Все это доказываетъ, что, помимо трудности самаго разрѣшенія вопроса о виновности подсудимаго, условія и порядокъ постановки и разрѣшенія вопросовъ таковы, что не

облегчают присяжнымъ ихъ обязанность, но усугубляютъ трудность ихъ задачи.

Посмотримъ, каковы условія, соблюденіе коихъ требуетъ законъ при постановкѣ и разрѣшеніи вопросовъ ¹⁾).

Статья 751. Основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, въ чемъ они развиваются, дополняютъ или измѣняютъ тѣ выводы.

Статья 755. За главнымъ вопросомъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ преступномъ дѣяніи, которое составляетъ предметъ обвиненія, постановляются частные вопросы о такихъ обстоятельствахъ, которые особо увеличиваютъ или уменьшаютъ степень виновности. Объ обстоятельствахъ, имѣющихъ вліяніе на опредѣленіе лишь мѣры наказанія въ предѣлахъ одной и той же степени, вопросы не предлагаются.

Статья 756. Не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно.

Статья 757. Если событіе преступленія не вполне совершилось, то постановляется вопросъ о степени приведенія злаго умысла въ дѣйствіе.

Статья 758. Если въ преступленіи или проступкѣ участвовало нѣсколько лицъ, то о степени участія каждаго изъ нихъ постановляется отдѣльный вопросъ.

Статья 754. Вопросы о томъ: совершилось ли событіе преступленія, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и должно ли оно быть вѣнено ему въ вину, соединяются въ одинъ совокупный вопросъ о виновности подсудимаго, когда никѣмъ не возбуждено сомнѣнія ни въ томъ, что событіе преступленія дѣйствительно совершилось, ни въ томъ, что оно должно быть вѣнено подсудимому въ вину, если признано будетъ его

¹⁾ Мы сочли нужнымъ сохранить послѣдующій текстъ, не измѣняя его согласно закону 15-го мая сего года, опубликованному уже послѣ доставленія статьи въ редакцію, для того, чтобы наглядно установить своевременность закона 15 мая, и вѣрность взглядовъ автора на дѣло суда вообще и по данному вопросу въ частности. *Ред.*

дѣяніемъ. Въ случаѣ какого либо сомнѣнія по которому либо изъ сихъ вопросовъ, они должны быть поставлены отдѣльно.

Статья 763. Судъ не можетъ отказать подсудимому въ постановленіи вопроса объ одной изъ причинъ, по коимъ или содѣянное не вмѣняется въ вину, или же наказаніе уменьшается или вовсе отмѣняется, если причина эта принадлежитъ къ числу указанныхъ въ законѣ.

Статья 760. Въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предлагаемые имъ вопросы составляютъ въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсудимаго, а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій.

Статья 805. Никакіе акты изъ письменнаго производства присяжнымъ засѣдателямъ не передаются, но предсѣдатель суда предувѣдомляетъ ихъ. что если они пожелаютъ выяснить какое либо обстоятельство въ дѣлѣ, то могутъ возвратиться для сего въ залу засѣданія.

Статья 808. Въ случаѣ возвращенія присяжныхъ засѣдателей въ залу засѣданія для объясненія по дѣлу, предсѣдатель суда даетъ имъ требуемыя объясненія не иначе, какъ при подсудимомъ.

Статья 811. Рѣшеніе cadaго вопроса должно состоять изъ утвердительнаго „да“ или отрицательнаго „нѣтъ“, съ присовокупленіемъ того слова, въ которомъ заключается сущность отвѣта. Такъ, на вопросы: совершилось ли преступленіе? Виновенъ ли въ немъ подсудимый? Съ предумышленіемъ ли онъ дѣйствовалъ? Утвердительные отвѣты должны быть: „Да, совершилось. — Да, виновенъ. — Да, съ предумышленіемъ“.

Статья 812. Когда присяжные засѣдатели признаютъ, что однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ невозможно съ точностію выразить ихъ мнѣнія, то они могутъ дать надлежащее значеніе отвѣту, прибавленіемъ къ установленнымъ выраженіямъ нѣкоторыхъ словъ, напр. „Да, виновенъ, но безъ предумышленія“.

Статья 814. Если по возбужденному самими присяжными засѣдателями вопросу о томъ, заслуживаетъ ли подсудимый снисхожденія, окажется шесть голосовъ утвердительныхъ, то старшина присяжныхъ къ даннымъ отвѣтамъ присовокупляетъ: „подсудимый, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія“¹⁾).

Казалось бы, что закономъ предусмотрѣно все, что только можно было предусмотрѣть для огражденія интересовъ правосудія и вмѣстѣ съ тѣмъ, для облегченія задачи присяжныхъ засѣдателей. Вопросы предлагаются въ такой формѣ, которая болѣе всего должна быть понятна присяжнымъ, юридическіе термины и опредѣленія не допускаются, присяжные могутъ требовать разъясненій и наконецъ отвѣты свои они должны давать въ такой краткой формѣ, которая не можетъ быть затруднительна. Почему же встрѣчаются такія крупныя ошибки, которыя обязываютъ сенатъ такъ часто кассировать рѣшенія присяжныхъ? Именно потому, что законодатель, въ стремленіи облегчить задачу присяжныхъ, установилъ такія обязательныя для нихъ и для суда формы, соблюденіе которыхъ бываетъ часто невозможно, и вмѣстѣ поставилъ ихъ въ совершенно пассивное положеніе зрителей, обязанныхъ высказывать лаконически свое мнѣніе о дѣлѣ по вопросамъ людей, принимающихъ участіе въ веденіи дѣла и незнающихъ насколько вопросы имъ понятны и соотвѣтствуютъ ихъ мнѣнію. Постараемся выяснитъ нашу мысль.

„Вопросы присяжнымъ предлагаются въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступления и виновности подсудимаго, а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій“.

¹⁾ IX глава судебныхъ уставовъ „о порядкѣ постановленія приговоровъ“ во многомъ заимствована изъ закона 12 января 1844 года „объ учрежденіи суда присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ въ Женевскомъ Кантонѣ“, а нѣкоторыя статьи этого закона (52—56, 58, 59, 65 и др.) прямо внесены въ судебныя уставы въ измѣненной редакціи. Въ свою очередь законъ 12 января 1844 года заимствованъ изъ французскаго законодательства.

Присяжные засѣдатели не юристы и потому очевидно не могутъ понимать всѣхъ юридическихъ терминовъ и законныхъ опредѣленій; но это еще не значитъ, чтобы всѣ термины и опредѣленія были непонятны массѣ. Напротивъ,—многіе изъ нихъ на столько понятны и общеупотребительны, что встрѣчаются въ разговорномъ языкѣ низшихъ классовъ населенія и притомъ въ настоящемъ, а не превратномъ смыслѣ, и весьма часто „общеупотребительныя“ выраженія менѣе понятны нежели юридическіе термины и законныя опредѣленія. Между тѣмъ прямой законъ не позволяетъ употребленія послѣднихъ въ вопросахъ и обязываетъ замѣнять ихъ общеупотребительными выраженіями, а сенатъ многочисленными рѣшеніями поддержалъ обязательность такого толкованія закона. Всѣ эти кассационныя рѣшенія составляютъ своеобразную форму юридической литературы, въ коей обсуждается—могутъ ли быть признаны понятными для присяжныхъ слова „насилъно“, „оскорбительно“, „повредилъ“ и не слѣдуетъ ли судамъ выраженіе „въ запальчивости и раздраженіи“ замѣнять болѣе понятнымъ (?) выраженіемъ „въ страстномъ порывѣ“ (это для крестьянъ-то!). Такое требованіе закона и направленіе кассационной практики привело къ тому, что многіе общепонятныя опредѣленія и термины изгнаны изъ практики судовъ и замѣнены выраженіями хотя и „общеупотребительными“, но не всѣмъ понятными. Напримѣръ: слова „кража“, „укралъ“, „изнасиловалъ“, „растлилъ“, и т. п. замѣнены выраженіями: „тайное похищеніе“, „тайно похитилъ“, „сопротивился противъ ея воли, не смотря на сопротивленіе ея“, „лишилъ ея невинности“ или „нарушилъ цѣлость дѣвственной плевы“ и т. д. въ томъ же родѣ. Кромѣ того, формулировать обвиненіе и изложить его въ описательной формѣ, не упустивъ ни одного существеннаго признака преступленія и виновности, вообще не легко, а въ судебномъ засѣданіи, при постановленіи дополнительныхъ вопросовъ, еще труднѣе. Опущенное слово, перестановка фразъ, запятая,—все имѣетъ значеніе и измѣняетъ иногда смыслъ вопроса, а слѣдовательно и отвѣта, почему редактированіе вопросовъ требуетъ особой

сосредоточенности, чего не всегда можно ожидать отъ всѣхъ, при данной обстановкѣ суда. Замята одного слова подходящимъ, болѣе понятнымъ словомъ, не всегда возможна, и тогда приходится замятать его цѣлой фразой. Все это привело къ тому, что вопросы лишены должной краткости и излагаются въ длинныхъ періодахъ, въ распространенной описательной формѣ, съ многими придаточными предложениями, дополняющими одно другое и затемняющими смыслъ всего вопроса. Очевидно, что при такомъ способѣ изложенія вопросовъ сущность ихъ трудно усвоится необразованными людьми, а разъ вопросъ не будетъ хорошо усвоенъ присяжными, они не могутъ дать на него правильнаго отвѣта. Иной разъ присяжные, встрѣчая въ вопросѣ какое нибудь выраженіе, не имѣющее никакого значенія и обрисовывающее общій характеръ преступленія, становятся въ тупикъ и даютъ несообразный отвѣтъ.

Все это давно признано всѣми судебными дѣателями, а между тѣмъ сила привычки и практики таковы, что до сихъ поръ сенатъ и суды не могли измѣнить характера редакціи вопросовъ. Мы не знаемъ задавался ли кто мыслью сопоставить вопросы, предлагаемые судами, съ вопросами, которые слѣдовало бы предъявлять присяжнымъ по тѣмъ же дѣламъ. Для примѣра сдѣлаемъ такое сопоставленіе.

<i>Слѣдовало бы постановить вопросы:</i>	<i>Вопросы, предлагаемые судами:</i>
--	--------------------------------------

Виновенъ ли NN въ томъ, что тогда-то совершилъ кражу со взломомъ имущества изъ квартиры В?	Виновенъ ли NN въ томъ, что сломавъ замокъ на запертыхъ дверяхъ обитаемой квартиры В, проникнулъ внутрь ея и съ корыстной цѣлью тайно похитилъ находившееся тамъ имущество В?
--	---

Виновенъ ли NN въ томъ, что тогда-то, въ раздраженіи, нанесъ В тяжкую рану?	Виновенъ ли NN въ томъ, что тогда-то, въ страстномъ порывѣ, вызванномъ ссорой его
---	---

съ *B*, ударилъ *B* имѣвшимся у него ножомъ въ лѣвый бокъ и тѣмъ причинилъ ему раненіе грудной полости, признанное врачами тяжкимъ?

Виновенъ ли *NN* въ томъ, что тогда-то насильно растлилъ дѣвицу *B*, 12 лѣтъ?

Виновенъ ли *NN* въ томъ, что тогда-то, напавъ въ лѣсу на дѣвицу *B*, недостигшую четырнадцатилѣтняго возраста и, угрожая лишить ее жизни, если она будетъ кричать, повалилъ ее на землю, поднялъ платье и рубаху и противъ ея воли, не смотря на ея сопротивленіе, совокутился съ нею, причеиъ лишилъ ее невинности?

Виновна ли *NN* въ томъ, что тогда-то покушалась отравить мужа своего, спасеннаго отъ смерти врачебной помощью?

Виновна ли *NN* въ томъ, что задумавъ лишить жизни мужа своего *B*, тогда то, подмѣшала сильный ядъ (сулеиу) въ похлебку, которую и дала *B*, но смерть ему не послѣдовала только отъ того, что домашніе его стали давать ему молоко, а прибывшій фельдшеръ давалъ ему противоядіе— яйца и рвотное.

Сопоставивъ между собою эти вопросы, (а такое сопоставленіе можно было бы сдѣлать по всѣмъ вопросамъ, постановляемымъ судами), мы видимъ какъ тяжела редакція ихъ и какъ сравнительно съ законными опредѣленіями общественнаго употребительнаго выраженія трудно понимаются. Мы выбрали самые простые случаи и относительно самую понятную редакцію, а иногда встрѣчаются такіе, которые насилу проч-

тешь и насилиу поймешь. А между тѣмъ даже и при разрѣшеніи такихъ, относительно понятныхъ вопросовъ, весьма часто встрѣчаются недоразумѣнія. Напримѣръ, при разрѣшеніи двухъ послѣднихъ дѣлъ, случилось слѣдующее:

По первому дѣлу присяжные весьма долго совѣщались и изъ комнаты раздавались голоса громко и горячо спорившихъ; это удивляло всѣхъ, такъ какъ преступленіе по характеру и обстановкѣ его было на столько возмутительно, что подсудимый разумѣется не могъ ожидать сочувствія къ себѣ. Наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, присяжные вышли въ залу, видимо смущенные и старшина взволнованнымъ голосомъ тихо прочиталъ: „нѣтъ, не виновенъ!“

Впослѣдствіи присяжные объяснили свой вердиктъ такъ: всѣ они единогласно признали подсудимаго виновнымъ и уже написали свой отвѣтъ, какъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что въ вопросѣ сказано: „угрожая лишить ее жизни“, а онъ не можетъ признать подсудимаго виновнымъ въ покушеніи на убійство; съ этимъ согласились пять присяжныхъ, которые предпочли лучше оправдать его, чѣмъ признать виновнымъ въ покушеніи на убійство, на что никакихъ доказательствъ не было, а остальные шесть присяжныхъ признавали его виновнымъ и въ послѣднемъ преступленіи, по возмутительности самаго преступленія. При равенствѣ голосовъ послѣдовало оправданіе подсудимаго и старшина зачеркнулъ свой первый отвѣтъ. По другому дѣлу на судебномъ слѣдствіи выяснилось, что когда мужъ послѣ похлебки сталъ кричать отъ боли въ желудкѣ, то больная мать его приказала подсудимой принести крынку молока и давать мужу; въ это время пришелъ фельдшеръ, далъ больному свѣжихъ яицъ и рвотнаго. Защитникъ настаивалъ что если было отравленіе, то отравленіе нечаянное, а не умышленное, такъ какъ жена сама отпаивала мужа молокомъ, желая его спасти. Присяжные, послѣ долгаго совѣщанія, вынесли слѣдующій отвѣтъ: „да, виновна; молока не давала, но снисхожденіе заслуживаетъ“. Потомъ оказалось, что присяжные долго совѣщались потому, что недоумѣвали какъ объяснить значеніе молока, когда оно значитъ въ вопросѣ.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ можно уяснить себѣ какъ трудно бываетъ иногда разрѣшать присяжнымъ вопросы, предлагаемые судомъ въ формѣ общеупотребительныхъ выраженій? Немудрено, что они ошибаются въ отвѣтахъ.

Мы взяли четыре примѣра по преступленіямъ, точно сформулированнымъ въ законѣ и неизмѣнившимъ своего характера на судѣ. Еще труднѣе при этихъ условіяхъ, благодаря нашему уложенію, правильно постановить и разрѣшить вопросы по преступленіямъ съ сложными дѣйствіями и при обстоятельствахъ, уменьшающихъ или увеличивающихъ степень виновности, если притомъ характеръ преступленія на судѣ измѣняется. Наше уложеніе 1866 года есть кодификаціонная перепечатка уложенія 1845 года и сохранило его казуистическій характеръ, неточность опредѣленій и путаницу въ нихъ. Давая регламентацію преступленій, при неясности и путанности опредѣленій ихъ, оно не даетъ возможности обнять всѣ случаи жизни и затрудняетъ во многихъ случаяхъ примѣненіе того или другаго закона и описаніе законнаго опредѣленія въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ. На сколько трудно подвести иное дѣяніе подъ тотъ или другой законъ—знають всѣ юристы и доказываетъ кассационная практика. Лучшіе юристы и самъ сенатъ въ этомъ небезгрѣшны. Достаточно прочесть 262—275 и 1477—1496 статьи уложенія рядомъ съ сенатскими разъясненіями и почтенный трудъ Н. А. Неклюдова, въ которомъ, не смотря на его обширность и массу коментарій, не всегда можно подыскать подходящій случай, чтобы сознать—какъ трудно иной разъ формулировать обвиненіе и подвести его подъ законное опредѣленіе. Вотъ отъ этой-то трудности и происходятъ весьма часто ошибки судовъ при постановкѣ вопросовъ. Въ заботѣ формулировать сложное преступленіе въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, суды прибѣгаютъ къ пространному описанію преступленій, трудно понимаемому и, притомъ, опускаютъ иное слово, опущеніе котораго измѣняетъ характеръ обвиненія, непонимаемаго присяжными, что, въ свою очередь, вызываетъ отиѣну приговора, со всѣми неудобствами ея.

Затѣмъ существуетъ и еще одно обстоятельство, неблагоприятно вліяющее на отвѣты присяжныхъ.

„Основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, въ чемъ они развиваются, дополняютъ или измѣняютъ тѣ выводы“, т. е. если судебное слѣдствіе ни въ чемъ не измѣнило первоначальнаго обвиненія, то вопросы предлагаются по обвинительному акту, въ противномъ случаѣ они могутъ быть дополнены новыми вопросами. Инициатива измѣненія или дополненія вопросовъ принадлежитъ сторонамъ и суду, который обсуждаетъ степень уважительности домогательства сторонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ постановить новые вопросы независимо отъ просьбы сторонъ, если по его мнѣнію они вытекаютъ изъ существа дѣла.

Напримѣръ, подсудимый обвиняется въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія. Если стороны и судъ того убѣждены, что къ подсудимому можетъ быть предъявлено только это обвиненіе, а не какое либо другое (независимо отъ степени доказанности его), то вопросы предлагаются по обвинительному акту, если же прокуроръ поддерживаетъ первоначальное обвиненіе, а защитникъ доказываетъ, что корыстная цѣль убійства не доказана и къ подсудимому можетъ быть предъявлено только обвиненіе въ убійствѣ въ запальчивости, то судъ, постановивъ эти два вопроса, въ свою очередь можетъ прибавить еще и третій, напримѣръ: объ умышленномъ убійствѣ или даже о нанесеніи въ запальчивости ранъ или поврежденій, послѣдствіемъ которыхъ была смерть, если находить, что именно это обвиненіе слѣдовало бы предъявить къ подсудимому.

Мнѣніе о необходимости постановки новыхъ вопросовъ обуславливается взглядомъ на дѣло во всей его совокупности, т. е. на существо дѣла, на степень доказанности обвиненія вообще и виновность подсудимаго въ томъ или въ другомъ дѣяніи въ частности. Но вопросы постановляются для кого— для присяжныхъ, которые должны разрѣшить ихъ. И если бы

стороны знали, что присяжные уже составили себѣ определенное убѣжденіе, то, разумѣется, потребовали бы постановки вопроса, соотвѣтствующаго этому убѣжденію. Слѣдовательно, мнѣніе о необходимости постановки новыхъ вопросовъ исходить изъ предположенія, что присяжные засѣдатели взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія этихъ вопросовъ. Изъ этого очевидно, что постановка новыхъ вопросовъ сводится, такъ сказать, къ *предугадыванію мнѣнія присяжныхъ засѣдателей по дѣлу*. Мнѣніе присяжныхъ по дѣлу дѣлается извѣстнымъ только по отвѣтамъ ихъ на вопросы, да и то не всегда, а вопросъ о цѣлесообразности обвиненія въ томъ или другомъ дѣяніи, какъ понятіе, соотвѣтствующее убѣжденію каждого человѣка въ отдѣльности, разрѣшается далеко не такъ просто, какъ это кажется, и далеко не всегда исчерпывается мнѣніемъ прокурора, защитника и судей. Если по иному простому и несложному дѣлу является три мнѣнія—сторонъ и суда, то мы должны допустить, что можетъ быть еще четвертое мнѣніе по дѣлу среди двѣнадцати человѣкъ присяжныхъ засѣдателей, смотрящихъ на дѣло (не такъ, какъ смотреть на него стороны и судьи) со стороны практической жизни, взглядомъ людей, неискусившихся въ разрѣшеніи юридической казуистики и болѣе чуткихъ къ впечатлѣніямъ, чѣмъ многіе изъ судебныхъ дѣателей, привыкшихъ къ этимъ впечатлѣніямъ. Между тѣмъ у нихъ-то, у присяжныхъ засѣдателей, и не спрашиваютъ могутъ ли они разрѣшить дѣло при наличности предложенныхъ имъ вопросовъ? Соотвѣтствуютъ ли эти вопросы ихъ взгляду на дѣло или ихъ взглядъ разнится отъ существа вопросовъ? Какъ будто стороны и судъ напередъ знаютъ всѣ тѣ вопросы, которые могутъ возникнуть среди присяжныхъ, когда они удалятся въ совѣщательную комнату! И вотъ, присяжные, получивъ вопросный листъ, и не соглашаясь ни съ однимъ изъ предложенныхъ имъ на разрѣшеніе вопросовъ, все таки непремѣнно должны дать отвѣтъ на нихъ.

Ежедневный опытъ указываетъ намъ, что не всегда на обыденные вопросы можно отвѣтить короткимъ—„да“ или

„нѣтъ“, а большею частью приходится пояснять свой отвѣтъ, такъ какъ вопросъ не соответствуетъ вполнѣ даваемому отвѣту. Если, напримѣръ, задать вопросъ: ходили ли вы по такой-то улицѣ? То въ отвѣтъ можно получить: „да, проходилъ по улицѣ; да переходилъ улицу; да проѣзжалъ по улицѣ; да переѣзжалъ улицу“, и только въ томъ случаѣ, когда отвѣчающій гулялъ по улицѣ или проходилъ ее нѣсколько разъ, можно отвѣтить просто: „да, ходилъ“. Изъ этого видно, что и на самые простые вопросы не всегда могутъ послѣдовать точные отвѣты — „да“ или „нѣтъ“, безъ поясненій. Но такой свободы въ отвѣтахъ присяжныхъ закономъ не допускается. Имъ даны вопросы и на нихъ они должны отвѣтить только — „да“ или „нѣтъ“. Правда, — имъ разрѣшается пояснять свою мысль, но пояснять только въ предѣлахъ вопроса, т. е. отвергнуть какой либо признакъ или обстоятельство, указанные въ вопросѣ; самостоятельно же изложить свой отвѣтъ имъ не разрѣшается. Результатъ такого порядка очевиденъ: присяжные или выносятъ непонятныя обвинительныя и оправдательныя рѣшенія, или, не зная какъ выйти изъ такого положенія, даютъ такіе отвѣты, которые вызываютъ кассацию ихъ рѣшенія.

Возьмемъ для примѣра слѣдующій случай. Подсудимый обвинялся въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія, а защитникъ доказывалъ, что убійство совершено въ запальчивости; по этимъ обвиненіямъ и были постановлены вопросы. Присяжные, отвергнувъ корыстную цѣль преступленія, единогласно пришли къ тому, что подсудимый, нанося удары потерпѣвшему, не желалъ его смерти, и потому, не зная какъ разрѣшить вопросъ, отвѣтили: „да, виновенъ, но безъ умысла“, а когда предсѣдатель далъ имъ разъясненіе и возвратилъ къ новому совѣщанію, то они вынести отвѣтъ: „нѣтъ, не виновенъ“. Кромѣ этого примѣра можно было бы привести ихъ много (нѣсколько подобныхъ примѣровъ приведено нами выше), но они на столько хорошо извѣстны всѣмъ, что останавливаться на нихъ мы считаемъ совершенно лишнимъ.

Вотъ отсюда и становится понятнымъ, что забота зако-

подателя возможно упростить задачу и обязанности присяжных засѣдателей привела къ тому, что тяжелая и трудная задача ихъ въ дѣйствительности еще болѣе затрудняется: вмѣсто простых и ясныхъ вопросовъ имъ задаются туманные и длинные вопросы, въ коихъ казуистическія опредѣленія нашего уложенія замѣнены еще болѣе непонятными общепотребительными выраженіями; вмѣсто отвѣта, вытекающаго изъ ихъ внутренняго убѣжденія по дѣлу, отъ нихъ требуется отвѣтъ на извѣстные вопросы—и только на нихъ. Такой порядокъ могъ бы еще оправдываться, если бы нашимъ законодательствомъ разрѣшалось вторичное обвиненіе подсудимаго (по нѣкоторымъ дѣламъ) въ дѣяніяхъ низшаго порядка, при оправданіи въ дѣяніи высшаго порядка, но такъ какъ слава Богу у насъ не допускаются такія вторичныя обвиненія, то для огражденія правосудія и интересовъ общественныхъ и частныхъ необходимо измѣнить его.

По нашему мнѣнію, слѣдовало бы измѣнить и дополнить 760 и 812 статьи устава въ томъ смыслѣ, что судъ обязанъ въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предлагаемые имъ вопросы составлять возможно кратко, по существеннымъ признакамъ преступленія о виновности подсудимаго, а присяжные засѣдатели въ тѣхъ случаяхъ, когда, по ихъ мнѣнію, вопросъ не соответствуетъ или степени участія подсудимаго въ совершеніи преступленія, или степени приведенія въ исполненіе преступленія, или вообще характеру преступленія,—имѣютъ право или пояснять свой отвѣтъ, или просить судъ о постановкѣ новаго вопроса согласно ихъ взгляду на преступленіе и виновность подсудимаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что предоставленіе такого права присяжнымъ, въ связи съ измѣненіемъ характера предлагаемыхъ имъ нынѣ вопросовъ, принесетъ хорошіе результаты и болѣе обезпечить интересы правосудія. Опасаться того, что присяжные не будутъ понимать предлагаемыхъ имъ въ краткой формѣ вопросовъ—нечего, такъ какъ краткая форма вопросовъ, въ связи съ надлежащими объясненіями председателя, скорѣе будетъ понята присяжными, чѣмъ „общепотре-

бительныя“, но непонятныя выраженія, которыми излагаются вопросы въ настоящее время.

XXII.

Мы указали на главныя внѣшнія причины (всѣхъ причинъ, понятно, перечислить невозможно), вліяющія неблагоприятно на судъ присяжныхъ и въ совокупности или въ отдѣльности вызывающихъ „непонятныя“, т. е. неправильныя рѣшенія присяжныхъ. Намъ остается указать еще на другія внутреннія причины, весьма сильно вліяющія на присяжныхъ засѣдателей и обусловливающихъ ихъ рѣшенія. Мы говоримъ о той внутренней сторонѣ дѣла, которая неотразимо и разнообразно до безконечности вліяетъ на всѣхъ людей вообще и, въ частности, еще болѣе сильно и еще болѣе различно на присяжныхъ засѣдателей, сообразно ихъ образованію, положенію и проч. Эта сторона дѣла большею частью остается незамѣченною поверхностными критиками рѣшеній присяжныхъ, *тогда какъ она объясняетъ характеръ суда присяжныхъ и даетъ основаніе для серьезной критики и оцѣнки дѣятельности его.*

Очень часто слышатся упреки въ томъ, что оправдательные вердикты суда присяжныхъ при сознаніи подсудимыхъ стали обычнымъ явленіемъ, что въ рѣшеніяхъ ихъ нѣтъ никакой послѣдовательности и что по совершенно однороднымъ дѣламъ выносятся оправдательныя и обвинительныя рѣшенія, своею рѣзкою противоположною бросаящіяся въ глаза и деморализующія общество. То, что въ рѣшеніяхъ присяжныхъ нѣтъ послѣдовательности—совершенно вѣрно, но чтобы правильно оцѣнить такое явленіе надо изслѣдовать причины ихъ.

Характеръ преступности дѣянія, какъ понятіе относительное, опредѣляется людьми не одинаково, каждымъ по своему, сообразно своему міросозерцанію, и не особенно много есть преступленій, которыми все общество, какъ одинъ человекъ, глубоко возмущается. Но и относительно этихъ послѣднихъ преступленій одинаковое мнѣніе среди общества складывается

только тогда, когда ихъ разсматриваютъ какъ факты, безъ соотношенія къ личностямъ преступника и потерпѣвшаго. Какъ только преступленіе обсуждается во всей его цѣлостности, т. е. въ соотношеніи съ личностями преступника и потерпѣвшаго, такъ сейчасъ же проявляется разность мнѣній степени преступности виновнаго, а слѣдовательно и разность взглядовъ на характеръ даннаго преступленія: къ одному преступнику, совершившему болѣе тяжкое преступленіе, относятся иногда болѣе сочувственно, чѣмъ къ другому, совершившему менѣе тяжкое преступленіе. Происходитъ это отъ того, что при такомъ обсужденіи дѣла, самый фактъ преступленія разсматривается какъ выраженіе дѣянія преступника и, потому, все сужденіе сводится къ сужденію о его личности, а фактъ преступленія какъ будто отодвигается на второй планъ. Чтобы вполне уяснить эту мысль, приведемъ два случая изъ практики одного суда.

Молодой крестьянинъ обвинялся въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія кабатчика; онъ былъ вполне уличенъ, сознался и на судѣ съ удивительнымъ хладнокровіемъ рассказалъ о своемъ приготовленіи къ убійству и о самомъ убійствѣ. На вопросъ присяжныхъ: для чего онъ набросилъ зипунъ на голову убитаго, предъ тѣмъ какъ нанести ему ударъ топоромъ, и сколько разъ онъ ударилъ?—подсудимый отвѣчалъ: „ударили мы только одинъ разъ, потому больше не нужно было. Мы по плотницкой части прежде были, такъ рука у насъ вѣрная. Зипунъ мы набросили для того, чтобы кровь на насъ не брызнула и никакихъ доказательствъ на насъ не было. Мы хотя люди и необразованные, добавилъ онъ, а свой разумъ при себѣ имѣемъ и на счетъ доказательствъ имѣемъ понятіе“. Разсказъ подсудимаго, образчикъ котораго мы привели, былъ до такой степени отвратителенъ по своему цинизму и хладнокровію, что произвелъ потрясающее на всѣхъ впечатлѣніе. Судъ приговорилъ его къ безсрочной каторгѣ, но публика и многіе присяжные громко говорили, что „такому звѣрю“ (хотя онъ первый разъ судился) мѣсто только на висѣлицѣ.

Другой молодой крестьянинъ обвинялся въ убійствѣ съ

цѣлью ограбленія мельника, его жены и маленькой дочки его; онъ упросился къ мельнику на ночлегъ и ночью, принесеннымъ съ собою топоромъ, такъ избилъ ихъ, что головы обратилъ въ безформенныя массы. Мельникъ за свою доброту ко всѣмъ нуждающимся былъ очень любимъ и, потому, убійство это страшно взволновало весь околодоеъ. Убійца былъ обнаруженъ и сейчасъ же сознался. На судѣ подсудимый съ глухими рыданіями рассказалъ какъ онъ задумалъ совершить преступленіе, какъ боролся самъ съ собою, какъ совершилъ его и закончилъ просьбою на колѣняхъ присудить его по-строже, чтобы онъ „могъ самъ настрадаться“, а то теперь онъ не знаетъ покоя ночью, все ему грезится мельникъ и маленькая дочка, говорящая: „дядька не бей меня!“ „А я, разбойникъ, убилъ ее, маленькую, ангела небеснаго“, говорилъ онъ рыдая. На вопросъ присяжнаго: „зачѣмъ же онъ такъ ужасно изуродовалъ убитыхъ?“—подсудимый отвѣчалъ: „какъ только я ударилъ первый разъ, кровь брызнула мнѣ въ лицо, въ глазахъ помутилось и я билъ, билъ..... Мнѣ все казалось, что вотъ встанетъ мельникъ и скажетъ: ты не за то ли меня убилъ, что зимою я далъ тебѣ хлѣба? Только я и помню, объяснялъ подсудимый, что дѣвочка сказала: „дядька не бей меня!“ Смотритель тюрьмы, какъ свидѣтель, между прочимъ, показалъ, что подсудимый со дня поступленія въ тюрьму всѣ ночи на пролетъ тихо молится на колѣняхъ. Судебное слѣдствіе такъ измѣнило характеръ дѣла, что общее негодованіе противъ преступника замѣнилось общимъ сожалѣніемъ къ нему и у многихъ во время его рассказа показывались на глазахъ слезы. Судъ приговорилъ подсудимаго къ десятилѣтней каторгѣ, но и это наказаніе многими признавалось очень тяжкимъ.

И такъ мы видимъ, что два однородныхъ и самыхъ тяжкихъ изъ всѣхъ преступленій, вызывающихъ чувство ужаса въ каждомъ человѣкѣ, при ближайшемъ ознакомленіи съ обстоятельствами совершенія ихъ и съ обстоятельствами послѣдующими, вызываютъ на столько различное убѣжденіе о степени преступности ихъ совершителей, что одинъ

подсудимый, убившій кабатчика, справедливо заслужилъ названіе висѣльника, другой, убившій трехъ человѣкъ и въ томъ числѣ своего благодѣтеля, вызвалъ общее о себѣ сожалѣніе. Не вправѣ ли мы, помимо всякихъ теоретическихъ соображеній, только изъ этихъ двухъ примѣровъ сдѣлать такой выводъ, что внутренняя сторона дѣла, т. е. обстановка преступленія, личность преступника и все то, что обрисовываетъ картину преступленія и преступника, съ его жизнью и паденіемъ, такъ сильно вліяетъ на людей, что подъ вліяніемъ ея мѣняется взглядъ на характеръ данныхъ преступленій (не на самыя преступленія)? Не вправѣ ли мы сдѣлать выводъ, что каждое преступленіе, кромѣ особенностей своихъ, въ силу этой своей внутренней стороны не можетъ походить на другія однородныя преступленія и носить на себѣ печать безконечнаго разнообразія, вызывающаго разнообразныя мнѣнія о характерѣ преступленія (не о видѣ его) и о преступникѣ?

Но степень разнообразія мнѣній о характерѣ преступленія и преступникѣ зависитъ еще отъ способа или условія изученія дѣла и отъ личностей людей, изучающихъ его. Драматическая сторона каждаго дѣла не можетъ не производить впечатлѣнія на всѣхъ людей; но этому впечатлѣнію болѣе поддаются люди высшаго развитія и образованія и люди болѣе восприимчивые по своему характеру. Къ тому же изученіе дѣла посредствомъ чтенія отчетовъ или самаго производства не дѣлаетъ такихъ сильныхъ впечатлѣній, какія получаютъ при изученіи дѣла путемъ непосредственнаго наблюденія (на судѣ). Разумѣется, всѣмъ приходилось наблюдать, что люди вполне серьезные и развитые, читая какое нибудь произведеніе не могутъ оторваться отъ него; но вмѣстѣ съ тѣмъ не возбуждаются такъ, какъ возбуждаются въ театрѣ, гдѣ многіе изъ нихъ со слезами на глазахъ слѣдятъ за драматическимъ положеніемъ лица, изображаемаго актеромъ. Отсюда понятно, на столько сильно бываетъ возбужденіе у судей-зрителей, которые слѣдятъ за раскрытіемъ драмы настоящей, правдивой, и которые,

притомъ должны сказать свое послѣднее о ней слово, рѣшающее судьбу главныхъ, дѣйствующихъ на судѣ, лицъ. Насколько сильно бываетъ возбужденіе на судѣ можно заключить даже изъ того, всѣмъ извѣстнаго факта, что многіе жаждущіе сильныхъ ощущеній ходятъ въ судѣ слушать дѣла, какъ въ драматическій театръ, только ради возбуждающихъ нервы впечатлѣній. Но это еще не все.

Существуетъ масса преступленій, тяжко наказуемыхъ, на необходимость наказуемости которыхъ даже интеллигентная часть общества смотреть различно и большею частью оцѣниваетъ ихъ преступность по внутренней сторонѣ ихъ и по послѣдствіямъ дѣяній, а масса оцѣниваетъ ее (преступность) исключительно только по послѣдствіямъ дѣянія. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія закона, эти дѣянія тяжко преступны; съ точки же зрѣнія общества одни только безнравственны, а другія безнравственны только тогда, когда наносятъ вредъ третьимъ лицамъ. Затѣмъ, извѣстно, что на характеръ преступленія смотрятъ различно люди образованные и необразованные и даже люди различныхъ сословій, благодаря воспитанію и наслѣдственнымъ условіямъ жизни. Такъ, — крестьяне строго смотрятъ на кражи, особенно на кражи скота, и легко относятся ко всѣмъ убійствамъ безъ обдуманнаго намѣренія; особенно обращаютъ вниманіе на послѣдствія дѣянія и по нимъ охотно судятъ о самомъ преступленіи; мѣщане и не интеллигентные купцы ко всѣмъ преступленіямъ противъ собственности (кромя нѣкоторыхъ видовъ кражъ) и оскорбленіямъ чиновниковъ относятся весьма снисходительно и строго ко всякаго рода убійствамъ; люди интеллигентные относятся строго ко всякому обдуманному преступленію и не судятъ о характерѣ преступленія по его послѣдствіямъ и тому подобное. Эти общія черты, разумѣется, не суть непреложныя правила, но лишь только замѣчанія практиковъ, въ большей или меньшей степени вѣроятныя. Отсюда понятно, что приговоры суда находятся въ прямой зависимости отъ состава присяжныхъ засѣдателей, взглядъ большинства которыхъ на данное дѣло иногда обусловливаетъ то или другое рѣшеніе его.

Такимъ образомъ все это приводитъ къ тѣмъ заключеніямъ:—что если внѣшняя сторона безусловно безнравственнаго преступленія можетъ вызывать различныя мнѣнія о степени безнравственности его, то внутренняя сторона дѣла можетъ вызывать еще болѣе различныя мнѣнія о немъ; что судьи и въ особенности присяжные засѣдатели (непривыкшіе какъ судьи къ потрясеніямъ на судѣ) не могутъ смотрѣть на дѣло такъ хладнокровно, какъ смотрятъ на него читающіе о немъ отчеты, и иногда переживаютъ тяжелыя минуты; что получаемыя присяжными впечатлѣнія, а слѣдовательно и составляемыя ими мнѣнія о дѣлахъ и о подсудимыхъ, благодаря самымъ разнообразнымъ причинамъ, должны быть разнообразны до безконечности; что мнѣнія знакомящихся съ дѣломъ по отчетамъ о правильности приговоровъ суда не всегда могутъ быть вѣрны; что потому, въ большинствѣ случаевъ, непоследовательность въ рѣшеніяхъ суда присяжныхъ только кажущаяся и объясняется безконечно разнообразной внутренней стороною дѣла и что разнообразные вердикты по однороднымъ дѣламъ обусловливаются также и взглядомъ общества на нѣкоторыя преступленія и отношеніемъ къ преступленіямъ различныхъ составовъ присяжныхъ засѣдателей.

Хотя разнообразные вердикты по однороднымъ дѣламъ сами по себѣ указываютъ на непоследовательность суда присяжныхъ, но для правильной оцѣнки этой непоследовательности, т. е. прямо говоря—недостатка суда присяжныхъ въ этомъ отношеніи, надо имѣть въ виду еще и то, что каждый коронный судья не можетъ не имѣть своеобразнаго взгляда на преступленія во всей его цѣлостности и на степень его наказуемости, сообразно своему міросозерцанію (на это мы указывали въ § XVIII, говоря о дѣятельности предсѣдателей) и что, потому, не можетъ быть человѣческаго суда, въ которомъ не проявлялось бы въ большей или меньшей степени эта непоследовательность, какъ результатъ различнаго взгляда разныхъ судей на различныя преступленія. На сколько вообще судъ присяжныхъ грѣшитъ въ этомъ отношеніи, сравнительно

съ судомъ короннымъ, мы отчасти будемъ видѣть вполнѣдствіи.

Приговоръ суда только тогда удовлетворяетъ общество, когда наказаніе преступнику опредѣлено болѣе или менѣе соразмѣрно его винѣ и не переступаетъ въ ту или другую сторону извѣстныхъ границъ, соотвѣтствующихъ понятію общества о справедливомъ возмездіи. Какъ только преступникъ присужденъ къ наказанію не по мѣрѣ содѣяннаго,—приговоръ перестаетъ быть актомъ справедливости и является или пристрастіемъ къ преступнику, потворствомъ ему, или ничѣмъ неоправдываемою жестокостью, возбуждающею общество противъ судей и вызывающею сочувствіе къ осужденному.

Несоотвѣтствіе наказанія винѣ осужденнаго тѣмъ ярче бросается въ глаза, чѣмъ строже родъ и характеръ наказанія. Разница между арестомъ на недѣлю и на двѣнадцать недѣль не будетъ такъ рѣзка, какъ между тюрьмою на два мѣсяца и на полтора года, исправительными отдѣленіями на одинъ годъ и четыре года, каторгою на четыре года и на пятнадцать лѣтъ, или какъ разница между арестомъ и тюрьмою и тюрьмою и каторгою. Поэтому самый строгій приговоръ суда, опредѣлившій одно изъ слабѣйшихъ наказаній (за мелкіе проступки), не можетъ вызывать такихъ нареканій на суровость судей, какъ несоразмѣрно строгій приговоръ съ тяжкимъ наказаніемъ, хотя бы и за тяжкое преступленіе ¹⁾).

Съ другой стороны, явно несоразмѣрно слабое наказаніе точно также не можетъ удовлетворять возбужденнаго преступленіемъ негодованія общества, которое въ этомъ видитъ или тенденцію или пристрастіе къ преступнику и которое скорѣе позабудетъ оправдательный приговоръ, чѣмъ потворство подсудимому; это является понятнымъ, если имѣть въ виду, что оправданіе подсудимаго предполагаетъ сомнѣніе въ виновности его ²⁾).

¹⁾ Эти соображенія имѣютъ особую силу и значеніе среди насъ, русскихъ, которымъ чуждо понятіе о необходимости жестокихъ наказаній и которые даже на тяжкихъ преступниковъ смотрятъ какъ на „несчастныхъ“.

²⁾ На сколько памятны такіе приговоры можно судить изъ того, что не смотря на многіе годы, протекашіе со времени постановленія ихъ, о нѣкото-

Упрекъ въ пристрастіи въ дѣлѣ суда, какъ всѣмъ извѣстно, тяжелъ, но еще тяжелѣе для каждаго судьи упрекъ въ жестокости, безсердечіи. Не даромъ въ народѣ сложилось убѣжденіе объ идеальномъ судѣ, судѣ царскомъ, какъ о судѣ милостивомъ, снисходительномъ, а не суровомъ, драконовскомъ судѣ. Отсюда понятно, какъ остороженъ долженъ быть судъ при постановленіи приговора за преступленія, облагаемыя тяжкимъ наказаніемъ.

Наказаніе должно соответствовать винѣ преступника. Соответствіе это, очевидно, не можетъ быть опредѣлено для всѣхъ случаевъ мертвой буквой закона, перечисляющаго увеличивающія и уменьшающія вину обстоятельства, а опредѣляется многими условіями, которыя законъ предусмотрѣть не можетъ и сумма которыхъ слагаетъ живое убѣжденіе судьи и общества о степени виновности преступника. Судья—есть плоть отъ плоти, кровь отъ крови того же общества. Поэтому судья неминуемо носитъ въ себѣ въ большей или въ меньшей степени взгляды общества на общественную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ; а если бы онъ не раздѣлялъ этихъ взглядовъ, *то все таки онъ не можетъ не сообразоваться съ ними при разрѣшеніи дѣлъ*. Англіійскій или испанскій судья, если бы его посадить въ нашъ судъ, былъ бы невозможенъ у насъ, не понимая нашей жизни и нашихъ взглядовъ на характеръ преступленій и наказаній, а нашъ лучшій судья былъ бы невозможенъ въ англійскомъ или испанскомъ судѣ. Но при постановленіи приговора, судья опредѣляетъ наказаніе преступнику, руководясь исключительно закономъ, предоставляющимъ ему извѣстную свободу въ выборѣ размѣра или даже и рода наказанія. Изъ этого очевидно, что чѣмъ болѣе свободы предоставлено судѣ въ выборѣ размѣра наказанія, тѣмъ болѣе приговоръ его можетъ соответствовать требованіямъ справедливости, и наобо-

рыхъ изъ нихъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія какъ объ „ошибкахъ“ суда и имена „счастливецъ“, избѣгнувшихъ строгаго наказанія, приводятся какъ упрекъ новымъ судамъ.

ротъ—чѣмъ болѣе власть судьи въ опредѣленіи наказанія будетъ ограничена, тѣмъ чаще приговоры его не будутъ удовлетворять требованіямъ справедливости: въ иныхъ случаяхъ приговоръ окажется несоразмѣрно слабымъ, въ другихъ—несоразмѣрно тяжкимъ, суровымъ. И тотъ и другой приговоры непремѣнно вызовутъ упреки суду, ибо общество (въ томъ числѣ и присяжные засѣдатели) не можетъ быть знакомо съ законами на столько, чтобы точно знать права суда въ опредѣленіи наказанія въ каждомъ случаѣ. Чувствуя только одно, что судъ обязанъ опредѣлять наказаніе правомѣрно и не видя этой правомѣрности общество естественно винить судъ или въ суровости, или въ потворствѣ, т. е. въ неправосудіи. Вотъ почему для предотвращенія подобныхъ нареканій на судъ необходимо предоставленіе суду достаточной свободы въ выборѣ наказанія и опредѣленіи его размѣра. Между тѣмъ наше уложеніе, установивъ крайне несоразмѣрныя наказанія за многія преступленія, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ стѣснило судъ въ опредѣленіи наказаній, что ему остается почти что только подвести опредѣленное наказаніе, безъ соображенія на сколько оно въ данномъ случаѣ справедливо. Укажемъ для примѣра нѣсколько случаевъ.

Родители и опекуны, жестокостью своего обращенія побудившіе ввѣренное ихъ попеченію лицо къ самоубійству, наказуются тюрьмою до одного года и четырехъ мѣсяцевъ (ст. 1476).

Такое тяжкое и ужасное преступленіе не можетъ покрываться такимъ слабымъ наказаніемъ и намъ извѣстенъ случай, когда послѣ произнесенія приговора суда, присудившаго подсудимаго къ высшему наказанію, въ залѣ раздалось шиканье, а мѣстное общество долго не могло забыть этого приговора.

Растрата или присвоеніе частнымъ лицомъ свыше 300 рублей, не смотря на сумму растраченнаго, наказуется исправительными отдѣленіями на полтора года или ссылкой на житье въ западную Сибирь, съ правомъ свободно проживать на присвоенныя деньги (1681 и 1666 ст.). Служебныя и бан-

ковья растраты наказывались почти также и только въ 1884 г. установлено для особо важныхъ случаевъ ссылка на поселеніе ¹⁾).

Кража въ третій разъ или кража со взломомъ, курицы и тысячи, наказуется одинаково, тогда какъ очевидно похищающій тысячи долженъ обладать большею смѣлостью, ибо тысячи охраняются иначе, чѣмъ курицы въ курятникѣ.

Грабежъ съ насиліемъ наказуется каторгой до шести лѣтъ или ссылкой на поселеніе, а грабежъ безъ насилія—исправительными отдѣленіями, когда половина всѣхъ грабежей носить такой характеръ, что и заключеніе въ тюрьмѣ для нихъ представляется строгимъ наказаніемъ.

Изнасилованіе грозитъ каторгой отъ 4—8 лѣтъ, но судъ можетъ уменьшить наказаніе на двѣ степени и назначить ссылку на поселеніе; эти два наказанія опредѣляются безразлично и за изнасилованіе завѣдомо публичной женщины и завѣдомо почтенной женщины или дѣвушки.

Съ точки зрѣнія доктрины всѣ эти наказанія можетъ быть и правомѣрны, ибо —честь всякой женщины должна быть одинаково ограждена, кража при одинаковыхъ условіяхъ

¹⁾ Среди нѣкоторыхъ юристовъ существуетъ убѣжденіе, что у насъ исторически сложилось понятіе о растратѣ, какъ о такомъ преступленіи, которое не должно быть строго наказуемо. Мы убѣжденія этого не раздѣляемъ, ибо на *нѣкоторые* виды растраты и общество, и масса народа смотрятъ какъ на нарушеніе довѣрія и удивляется наказанію Рыкова, Юханцева и другихъ. Напротивъ, какъ прежде, такъ и теперь, въ обществѣ твердятъ, что наказаніе за растрату такъ ничтожно, что можетъ соблазнять многихъ слабохарактерныхъ къ совершенію преступленія, которое даетъ возможность жить хорошо, отбывъ легкое наказаніе или переселившись въ Сибирь. Дѣйствительно, въ Англіи, гдѣ растрата наказуется очень строго—тюрьмою съ тяжкими работами до 10 и болѣе лѣтъ,—тамъ не слыхать о такихъ миліонныхъ растратахъ, которыя у насъ стали обыденнымъ явленіемъ. Лѣтъ 8 тому въ одномъ изъ англійскихъ банковъ была совершена растрата на сумму около ста тысячъ фунтовъ. Судья приговорилъ директора къ десятилѣтнему заключенію съ тяжкими работами, а его товарищей—къ восьмилѣтнему. По этому поводу въ одной большой англійской газетѣ появилась статья, въ которой указывалось, что под бныя растраты должны наказываться очень строго, ибо они лишая сбереженій честныхъ труженниковъ, совершаютъ то же убійство и, не одного человѣка, а многихъ людей.

(взломѣ) обнаруживаетъ одинаковую степень злой воли и т. д.; но съ житейской точки зрѣнія наказанія эти для многихъ случаевъ прямо несправедливы или непомерно слабы, или непомерно суровы. Такимъ образомъ приведенные нами примѣры наглядно доказываютъ, что нашъ уголовный законъ иногда ставитъ судей въ такое положеніе, при которомъ имъ приходится только разводить руками, — недоумѣвая какой приговоръ постановить въ данномъ случаѣ?

Суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей подсудны дѣла менѣе сложныя, съ слабѣйшими наказаніями. Мы уже указывали, что въ примѣненіи этихъ послѣднихъ наказаній несправедливость менѣе рѣзка. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что эти наказанія такъ установлены, что при пониженіи ихъ на двѣ степени (что предоставлено суду) почти во всѣхъ случаяхъ возможенъ переходъ къ другому виду наказанія (отъ тюрьмы къ аресту, 38 и 39 ст.). Поэтому судъ, рѣшая дѣла безъ участія присяжныхъ засѣдателей, находится въ относительно довольно благопріятныхъ условіяхъ. Переходя къ другому наказанію и назначая его въ минимальномъ размѣрѣ, онъ легко можетъ избѣгнуть суроваго приговора.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится судъ по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, или, правильнѣе сказать, въ другомъ положеніи находятся сами присяжные засѣдатели. Наказанія, назначаемыя по дѣламъ съ ихъ участіемъ, почти всегда строги, а иногда суровы, насколько судъ не понижалъ бы ихъ. Поэтому присяжнымъ, знающимъ какое наказаніе грозитъ подсудимому, часто приходится выбирать между явною несправедливостью и оправданіемъ, къ чему они и склоняются, когда не видятъ особо вредныхъ послѣдствій дѣянія подсудимаго.

Могутъ возразить, что присяжные не знаютъ какое наказаніе грозитъ подсудимому и, потому, не могутъ задаваться вопросомъ объ оправданіи подсудимаго только въ виду строгаго, угрожающаго ему наказанія. Съ другой стороны судъ, находя опредѣляемое закономъ наказаніе не соотвѣтствующимъ винѣ, можетъ ходатайствовать о смягченіи его или, въ

крайнихъ случаевъ, о совершенномъ помилованіи подсудимаго.

О такомъ правѣ суда присяжные засѣдатели не знаютъ и предсѣдатели никогда не говорятъ имъ о немъ, а суды рѣдко, очень рѣдко обращаются съ такими ходатайствами. Если бы суды обращались съ просьбами о помилованіи по всѣмъ дѣламъ, по коимъ наказанія по ихъ мнѣнію несоразмѣрно строги, то въ результатѣ оказалось бы ходатайство не въ силу особо уменьшающихъ вину обстоятельствъ (ст. 775 и 828 устава), а въ силу несоотвѣтствія опредѣленныхъ закономъ наказаній—преступленіямъ. Понятно, что на такія ходатайства суды, вопреки закону, никогда не пойдутъ.

Что же касается до перваго возраженія, то оно вѣрно только отчасти.

Послѣ перваго дѣла присяжные приблизительно знаютъ, какое наказаніе соотвѣтствуетъ извѣстному преступленію, а между присяжными почти всегда находится одинъ любознательный, который предварительно просмотритъ соотвѣтствующія части уложенія и познакомитъ своихъ товарищей съ наказаніями. Вотъ почему по большинству дѣлъ присяжные засѣдатели знаютъ напередъ приблизительно какое наказаніе грозитъ подсудимому и легко впадаютъ въ ошибку только по дѣламъ со сложными опредѣленіями участія въ преступленіи: по дѣламъ о покушеніяхъ на преступленія, по дѣламъ съ видовыми признаками, увеличивающими вину, и по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ.

Между тѣмъ эти обстоятельства самымъ неблагопріятнымъ образомъ вліяютъ на судъ присяжныхъ. Присяжные, находя несоразмѣрность опредѣленнаго наказанія признаннымъ ими виновными подсудимымъ и не видя ходатайства суда о смягченіи наказанія и даже не зная о такомъ правѣ суда, положительно недоумѣваютъ—неужели же слѣдуетъ изъ за сломаннаго замка или „нарушенія цѣлости соломенной крыши“ наказывать арестантскими ротами на нѣсколько лѣтъ, когда подсудимый намѣревался похитить не тысячи, а грошевую вещь? Неужели справедливо отправлять на каторгу молодого

человѣка за то, что онъ насильно отняли у парня гармонику, чтобы поиграть на ней въ хороводѣ, которую потомъ вмѣстѣ съ другими и пропили? И разсудокъ и сердце громко говорятъ имъ, что такъ осудить человѣка жестоко и въ результатѣ являются оправдательные вердикты, которымъ глубоко сочувствуютъ и судьи, и прокуроръ, и противные которымъ вердикты поставили бы судъ въ самое тягостное положеніе.

Чтобы указать насколько и какъ несоразмѣрность наказаній вліяетъ на судъ присяжныхъ, остановимся на слѣдующихъ, извѣстныхъ намъ, случаяхъ изъ жизни судовъ.

Въ усадьбѣ одного помѣщика, ночью, загорѣлась одиноко стоявшая изба для рабочихъ въ то время, когда въ ней никого не было. Изба наполовину сгорѣла, но дальнѣйшее развитіе огня остановлено сбѣжавшимся народомъ, среди котораго былъ и крестьянинъ Х, принимавшій дѣятельное участіе въ тушеніи пожара. Такъ какъ виновнаго въ поджогѣ не было обнаружено, да и самый фактъ поджога не былъ точно установленъ, то дѣло о поджогѣ избы было прекращено. Черезъ годъ послѣ того Х. какъ то проговорился, что поджогъ совершилъ онъ. Возникло дѣло и Х, благодаря своему сознанию, очутился на скамьѣ подсудимыхъ. На судѣ Х. подтвердилъ свое признаніе, присяжные признали его виновнымъ и судъ приговорилъ его къ наименьшему наказанію—шестилѣтней каторгѣ. Послѣ этого присяжные, находя такое наказаніе несоразмѣрно строгимъ, по другому дѣлу о поджогѣ, несомнѣнно доказанному, вынесли оправдательный вердиктъ.

Молодой крестьянинъ обвинялся въ изнасилованіи крестьянской дѣвушки, прошлое которой было весьма небезупречно. „Желая поучить маленько озарника“, присяжные признали его виновнымъ, а судъ приговорилъ его къ наименьшему наказанію, къ ссылке на поселеніе. При провозглашеніи резолюціи, два присяжныхъ не выдержали и громко сказали „ого“! — такъ поразилъ ихъ этотъ суровый приговоръ. Въ ту же сессію разсматривалось одно возмутительное дѣло—обвинялся дядя опекунъ не безъ задней мысли такъ обращавшійся съ своею племянницей, что она повѣсилась. Судъ

приговорилъ подсудимаго къ высшему наказанію, на годъ и четыре мѣсяца въ тюрьму. Присяжные были такъ возмущены этимъ приговоромъ, что громко говорили, что это не судъ, а произволъ; одного—ни за что ссылаютъ въ Сибирь, а другаго, за убійство пригсвариваютъ въ тюрьму. Недовольство присяжныхъ судомъ выражалось настолько несдержанно, что дошло до членовъ суда и предсѣдатель счелъ нужнымъ объяснить имъ, что эти приговоры не есть произволъ суда. Объясненія предсѣдателя дѣлу не помогли; довѣріе къ суду со стороны присяжныхъ было утрачено и большинство остальныхъ дѣлъ прошло съ оправданіемъ даже такихъ подсудимыхъ, которые, разумѣется, не рассчитывали выйти изъ суда свободными. Въ числѣ послѣдующихъ дѣлъ было дѣло объ изнасилованіи крестьянки.—Присяжные вынесли оправдательный вердиктъ, объясняя потомъ, что если по первому дѣлу судъ назначилъ такое строгое наказаніе, то къ чему же бы приговорилъ этого подсудимаго?

Мы привели нѣсколько примѣровъ изъ многихъ, извѣстныхъ намъ. Въ практикѣ судовъ ихъ встрѣчалось такъ много, что каждый судебный дѣятель можетъ провѣрить справедливость сказаннаго нами по собственному опыту.

Теперь спрашивается: можно ли всегда винить присяжныхъ засѣдателей за проявляющуюся въ ихъ рѣшеніяхъ непоследовательность и можно ли бросать имъ упрекъ за нѣкоторыя „непонятныя“ рѣшенія?

Въ числѣ этихъ послѣднихъ упрековъ видное мѣсто занимаютъ упреки въ оправданіи сознавшихъ подсудимыхъ. Оправданіе таковыхъ вызываетъ громкіе толки въ печати и обществѣ и противъ этого прописывается много рецептовъ. Негодующіе, ссылаясь на примѣръ англійскаго судопроизводства, недоумѣваютъ — для чего еще нужно признаніе присяжными того обстоятельства, которое не отвергаетъ самъ подсудимый? Опровергать это мнѣніе не входитъ въ задачу нашихъ очерковъ, но мы не можемъ не высказать, что условія и порядокъ дѣятельности судей и присяжныхъ, нашихъ и англійскихъ, и взглядъ на преступленіе и на наказаніе нашего

общества и англійскаго, такъ различны, что сравнивать дѣятельность англійскаго суда съ нашимъ не приходится. Какъ мы видѣли, оправданіе виновныхъ подсудимыхъ довольно часто является прямымъ слѣдствіемъ недостатковъ нашего уголовного уложенія и несоотвѣтствіе многихъ уголовныхъ законовъ взглядамъ и понятіямъ общества на преступленія и наказанія. Къ этой причинѣ слѣдуетъ отнести большую часть оправданій сознающихся подсудимыхъ. По нашему глубокому убѣжденію, стоитъ только устранить эти условія и присяжные будутъ относиться къ сознающимся подсудимымъ совсѣмъ иначе. Теперь же, когда присяжнымъ приходится выбирать между явной несправедливостью, граничащей съ суровостью, и оправданіемъ, они очевидно выбираютъ послѣднее и упрека въ томъ имъ дѣлать не слѣдуетъ. Мы желали бы знать, кто изъ негодующихъ на оправданіе сознающихся, призналъ бы виновными подсудимыхъ по слѣдующимъ дѣламъ?

Разнощикъ съ лоткомъ пряниковъ шелъ по улицѣ; на встрѣчу ему шла толпа подгулявшихъ новобранцевъ. Новобранцы окружили разнощика, вырвали у него лотокъ и при немъ расхватали пряники, а вмѣстѣ съ ними и нѣсколько мѣдныхъ денегъ. Изъ всей толпы 14 человѣкъ созналось, что они расхватали пряники, а остальные виновными себя не признали и, разумѣется, были освобождены отъ суда.

По другому дѣлу восемь человѣкъ вольнонаемныхъ пожарныхъ, увидя проходившую мимо ихъ казармы публичную женщину, постоянно посѣщавшую ихъ, съ какимъ то парнемъ, потребовали, чтобы она оставила парня и шла къ нимъ, а когда она не согласилась, то сорвали съ нея платокъ, а съ кавалера ея свиту и шапку, и пропили все. По обоимъ дѣламъ подсудимые были преданы суду за грабежъ съ насиліемъ, а присяжные предъ этимъ разсматривали другія подобныя дѣла и подсудимые были приговорены къ каторгѣ. Могли ли присяжные рѣшиться отправить 22 человѣка на каторгу за такіе грабежи?

Въ храмовой праздникъ шелъ крестьянинъ по улицѣ; на него напали семь человѣкъ и въ видѣ шутки нѣсколько разъ ударили его. Крестьянинъ упалъ и

тутъ же умеръ, какъ оказалось отъ разрыва аорты. Восьмидесятилѣтній бѣднякъ, отставной чиновникъ, найдя въ городской управѣ на полу окладной листъ пошелъ съ нимъ къ домовладѣльцу и, назвавшись чиновникомъ управы, получилъ съ него 82 коп. Можетъ быть судебная палата и имѣла основаніе къ преданію суду этихъ подсудимыхъ, но спрашивается: какой судъ приговорилъ бы ихъ къ строгому тюремному заключенію? Разумѣется присяжные вынесли по всѣмъ дѣламъ оправдательные вердикты, которые вынесли бы и негодующіе на оправданіе сознающихся и которымъ одинаково сочувствовали общество, судьи и прокуроръ.

Пожалуй скажутъ, что приведенные нами примѣры таковы, что они выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ. Совершенно справедливо. Но если только допустить справедливость вердиктовъ по этимъ дѣламъ, то кто же можетъ возражать въ принципѣ противъ оправдательныхъ вердиктовъ сознающимся подсудимымъ и кто можетъ провести точную границу между такими дѣлами съ сознаниемъ, по коимъ присяжные могутъ выносить оправдательные вердикты и по коимъ они выносить не могутъ и не должны? Вотъ почему мы считаемъ себя вправѣ сказать, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, судъ присяжныхъ оправдывая сознающихся подсудимыхъ, т. е. признавая ихъ не подлежащими наказанію за совершенное ими дѣяніе, только удовлетворяютъ требованіямъ справедливости.

Но почему же наши прежніе суды удовлетворяли требованіямъ справедливости, хотя и не могли оправдывать сознающихся подсудимыхъ? Почему же военные суды, дѣйствующіе при такихъ же условіяхъ, удовлетворяютъ справедливости? Отвѣтъ ясенъ. Военные суды находятся въ исключительныхъ условіяхъ. Требованія военной дисциплины налагаютъ на судъ инныя обязанности и потому, на приговоры военного суда смотрятъ совсѣмъ иначе, чѣмъ на приговоръ суда гражданского. Что же касается до судовъ прежняго времени, то дѣятельность ихъ приводитъ въ примѣръ нельзя, ибо она для общества неизвѣстна и что творили прежніе суды—про то

общество не вѣдало и не вѣдаетъ. Одно только извѣстно служившимъ въ прежнихъ судахъ, что въ тюрьмахъ и въ арестантскихъ ротахъ содержалась масса *дѣйствительно несчастныхъ*, которые, не чувствуя за собою особой вины, по простотѣ сердечной, сознались въ своемъ дѣлѣ и за это (за то, что сознались) отсидивали долгіе сроки, тогда какъ дѣйствительные преступники освобождались изъ тюрьмы „*въ сильномъ подозрѣніи*“ по пяти убійствамъ съ цѣлю ограбленія, по 6 кражамъ изъ церкви, по двумъ разбоямъ, сопровождавшимся убійствомъ и поджогомъ селенія, и по множеству кражъ, только потому, что опытный преступникъ твердилъ слѣдователямъ: „знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю“. Такой именно приговоръ уголовной палаты и много подобныхъ мы можемъ указать.

Кромѣ оправданія сознающихся подсудимыхъ, сулу присяжныхъ ставится въ упрекъ еще то, что присяжные оправдываютъ по возмутительнымъ преступленіямъ, при полной доказанности виновности подсудимаго. Дѣйствительно, такіе вердикты не рѣдкость въ нашихъ судахъ; но чтобы оцѣнить степень правильности ихъ, недостаточно судить о доказанности виновности подсудимаго съ своей точки зрѣнія, или съ точки зрѣнія прокурора; необходимо понять условія, при коихъ присяжные постановляютъ рѣшенія, необходимо мысленно поставить себя въ ихъ положеніе.

Мы уже указывали на то, что степень доказанности виновности обуславливается не числомъ доказательствъ и уликъ, а главнымъ образомъ личностью судящаго о нихъ человѣка, его міросозерцаніемъ, ибо „улики и доказательства имѣютъ два конца“. Провести границу—когда можетъ кончаться сомнѣніе и когда должно начинаться убѣжденіе въ виновности, очевидно, невозможно, ибо при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ одинъ сомнѣвается въ томъ, въ чемъ другой глубоко убѣжденъ. Поэтому понятно, что опредѣлять степень доказанности виновности кого-либо своимъ собственнымъ убѣжденіемъ, равносильно требованію, чтобы весь міръ смотрѣлъ на данное дѣло извѣстнымъ взглядомъ, т. е. требованію, по меньшей мѣрѣ, неосновательному.

Затѣмъ, извѣстно, что на убѣжденіе судей, кромѣ характера улики и доказательствъ, весьма сильно вліяетъ еще и самый характеръ дѣла и что характеръ дѣла вліяетъ на судью тѣмъ сильнѣе, чѣмъ развитѣе судья, чѣмъ болѣе онъ привыкъ критически относиться къ самому себѣ и къ воспринимаемымъ имъ впечатлѣніямъ. Такъ называемыя „непосредственныя натуры“ скорѣе поддаются увлеченію перваго впечатлѣнія, чѣмъ люди съ зрѣлымъ умомъ, развитые, люди житейскаго опыта. Поэтому, развитые или опытные люди, судя о какомъ-либо фактѣ и его послѣдствіяхъ, не увлекаются сужденіемъ, а обращаютъ вниманіе на послѣдствія своего сужденія, и чѣмъ серьезнѣе послѣдствія, тѣмъ осторожнѣе они въ своихъ рѣшеніяхъ. Это мы наблюдаемъ ежедневно — и въ домашнемъ быту и въ общественной жизни. Точно тѣже требованія общество *обязано* предъявлять и къ судьямъ, которые въ силу этого *должны* особенно внимательно и осторожно рѣшать дѣла серьезныя, съ тяжкою отвѣтственностью подсудимыхъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что судьи (за малымъ исключеніемъ), при одинаковыхъ уликахъ и доказательствахъ скорѣе признаютъ виновнымъ въ какомъ-либо проступкѣ, чѣмъ въ тяжкомъ преступленіи, ибо строгость угрожающаго подсудимому наказанія невольно заставляетъ судью глубже критиковать всѣ доказательства, чтобы невиннаго не отправить на каторгу.

Убѣжденіе судьи подвергается такимъ впечатлѣніямъ, которое ближе всего назвать „судейскимъ искушеніемъ“. Иногда дѣло представляется яснымъ и убѣжденіе о виновности *какъ будто* полное, но *что-то* въ глубинѣ души говоритъ, что дѣло не такъ ясно, какъ кажется; это необъяснимое „*что-то*“ (всякій судья много разъ испыталъ его) невольно заставляетъ призадуматься передъ тѣмъ какъ произнести роковое „да“. Это „*что-то*“, мало по малу развиваясь, беспощадно ломаетъ сложившееся уже убѣжденіе и вызываетъ такое сомнѣніе, что судья останавливается въ недоумѣніи. Улики, доказательства, всѣ обстоятельства дѣла говорятъ за несомнѣнную виновность подсудимаго, а „*что-то*“ настойчиво твердитъ

свое. И сколько разъ это „что-то“ спасало людей отъ напрасной каторги! Если бы судья имѣлъ право отвѣтить вмѣсто: „да виновенъ“ или „нѣтъ, невиновенъ“ — „не доказано“, этимъ отвѣтомъ онъ высказалъ бы свою мысль, свое рѣшеніе; но отъ него требуютъ категорическаго отвѣта на вопросъ и, благодаря страху присудить невиннаго къ тяжкому наказанію, является оправдательный вердиктъ.

Кто бывалъ на судѣ въ качествѣ прокурора, тотъ много разъ испытывалъ, какъ иногда неожиданно колеблется глубокое убѣжденіе. Выходитъ прокуроръ на судъ, твердо убѣжденный въ виновности подсудимаго и въ неправильности объясненій его, опровергаемыхъ вполнѣ всеми обстоятельствами дѣла, не понимая, чего ради подсудимый дастъ такіа глупыя объясненія? На судѣ обстоятельства дѣла не измѣняютъ своего характера и убѣжденіе все глубже и неотразимѣе складывается противъ подсудимаго. И вдругъ какое нибудь, повидимому пустое, обстоятельство, даже незамѣченное другими, сильно колеблетъ убѣжденіе, и „что-то“ незамѣтно вкрадывается въ душу и вызываетъ сомнѣніе, недающее покоя и мучающее мозгъ постояннымъ вопросомъ: а что, если это дѣло не такъ просто, какъ кажется, если подкладка этого дѣла другая, если, наконецъ, онъ невиновенъ? Такое состояніе испытываетъ прокуроръ, составившій себѣ убѣжденіе въ виновности подсудимаго, заранѣе, такъ сказать, предубѣжденный противъ подсудимаго, и смотрящій на все доказательства односторонне, свозъ призму своего взгляда. Понятно, что такое состояніе гораздо чаще испытываетъ каждый изъ непредубѣжденныхъ судей, то есть присяжныхъ засѣдателей, которыхъ мысль — „а что, если?“ — заставляетъ чаще и сильнѣе призадумываться надъ утвердительнымъ отвѣтомъ о виновности подсудимаго. И вотъ, присяжные засѣдатели, сомнѣваясь въ виновности подсудимаго, отвѣчаютъ на вопросъ — „нѣтъ, не виновенъ“, а критики, небывшіе въ положеніи присяжныхъ и недавшіе себѣ труда вникнуть въ него, удивляются такому „непонятному“ рѣшенію.

Какъ иллюстрацію къ сказанному нами, приведемъ слѣ-

дующій случай. По одному дѣлу объ убійствѣ, съ весьма серьезными доказательствами, присяжные, послѣ долгаго совѣщанія, вынесли оправдательный вердиктъ, удивившій всѣхъ. Составъ присяжныхъ былъ интеллигентный, а старшиною былъ человѣкъ весьма уважаемый, котораго заподозрить въ легкомъ отношеніи къ дѣлу и въ слабости къ подсудимымъ никто не могъ. Можетъ быть, благодаря этому, оправдательный вердиктъ и былъ неожиданностью для всѣхъ, полагавшихъ, что этотъ составъ присяжныхъ, съ своимъ старшиною, не можетъ оправдать подсудимаго. Во время перерыва между присяжными и публикой завязался разговоръ о вердиктѣ и одинъ господинъ, обратясь къ старшинѣ, сказалъ: а у меня никакого сомнѣнія не возникало и я глубоко убѣжденъ, что это убійство дѣло рукъ его (подсудимаго). „Да, отвѣтилъ старшина, такого же убѣжденія были *все мы*, присяжные. А когда я взялъ перо въ руки, чтобы написать отвѣтъ, то вдругъ *всѣмъ* намъ захотѣлось и сегодня ночью, и завтра, и послѣзавтра спать, а не мучиться тѣмъ, что мы отправили на каторгу невиннаго человѣка, и рука невольно опустилась“. Этими словами поясняется смыслъ многихъ „непонятныхъ“ рѣшеній присяжныхъ.

И такъ, разсмотрѣвъ внутреннія причины, вліяющія на присяжныхъ засѣдателей, мы имѣемъ право сказать, что оправдательные вердикты при сознаніи подсудимыхъ, и кажушаяся непослѣдовательность въ ихъ рѣшеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ, обусловливаются такими побужденіями, которыя прямо указываютъ на серьезное и честное отношеніе присяжныхъ къ своимъ обязанностямъ и которыя не позволяютъ бросать камень въ судъ присяжныхъ. Пусть бросаютъ этотъ камень другіе: мы же, близко знающіе судъ присяжныхъ, не будемъ въ ихъ числѣ.

Чтобы оцѣнить правильно значеніе извѣстнаго рѣшенія, мало прочесть отчеты или выслушать вскользь дѣло, смотря на судебное слѣдствіе, какъ на драматическое представленіе. Надо самому испытать на судѣ много разныхъ впечатлѣній, перечувствовать многое, принимая активное участіе въ произ-

водствѣ дѣла, и тогда только, проверивъ себя, проанализировавъ свое душевное состояніе, дѣлаешься способнымъ понять душевное состояніе людей, рѣшающихъ безповоротно участь другихъ, ломающихъ всю жизнь ихъ. Кто наблюдалъ часто душевныя страданія другихъ и научился понимать ихъ, тотъ осторожно относится къ нимъ. Вотъ съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на рѣшенія суда присяжныхъ и тогда многое непонятное въ немъ дѣлается намъ яснымъ, а многія неожиданныя рѣшенія окажутся желаемыми, справедливыми.

И по собственному опыту, и по опыту другихъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу суда и знающихъ его, мы смѣло можемъ сказать слѣдующее. Если въ первое время иной вердиктъ присяжныхъ покажется непослѣдовательнымъ или непонятнымъ, то потомъ, хладнокровно обсуждая дѣло, приходишь къ тому, что въ большинствѣ случаевъ такой вердиктъ болѣе справедливъ, чѣмъ другой, а только въ меньшинствѣ случаевъ мы находимъ причину его въ тѣхъ внѣшнихъ вліяніяхъ, на которыя мы указали. Въ концѣ концовъ приходишь къ убѣжденію, что не много выносятся присяжными такихъ вердиктовъ, которые дѣйствительно „непонятны“.

XXIII.

Говоря, что непонятныя рѣшенія присяжныхъ объясняются условіями и порядкомъ производствъ дѣлъ и внутренней стороной ихъ, мы далеки отъ мысли, что вердикты присяжныхъ всегда правильны. Далеко нѣтъ! Между рѣшеніями присяжныхъ, хотя и рѣдко, но встрѣчаются такія, которыя ничѣмъ объяснены быть не могутъ ¹⁾. Но спрашивается, есть ли человѣческій судъ, который удовлетворялъ бывъ сегда и вполне требованіямъ правосудія? Судебныя ошибки были, есть и будутъ во всѣхъ судахъ, всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, и ихъ изъ

¹⁾ Въ практикѣ судовъ наблюдались подкупы присяжныхъ. Такіе случаи настолько единичны, что говорить о нихъ, какъ о явленіяхъ серьезныхъ, не приходится. Нѣсколько дѣлъ о подкупахъ, извѣстныхъ на перечь, когда присяжными разрѣшены сотни тысячъ дѣлъ, не могутъ давать права говорить о нихъ.

бѣжать исполнѣ невозможно. Государственная власть и общество тогда только могутъ находить недостатки даннаго судоустройства (не судопроизводства) серьезными, когда организація суда допускаетъ или тенденціонные приговоры, носящіе въ себѣ зародышъ неправосудія, или неправильные приговоры вслѣдствіе неспособности судей къ своимъ обязанностямъ, ибо рѣшенія суда внѣ этого, очевидно, обусловливаются разумнымъ и честнымъ взглядомъ на дѣло, во всей его цѣлостности, взглядомъ, неисключающимъ возможности ошибокъ.

Не касаясь вопроса — на сколько вообще лица судебного вѣдомства удовлетворяютъ требованіямъ, которыя слѣдовало бы предъявить къ нимъ, такъ какъ не намъ судить ихъ, да имъ уже и дана должная оцѣнка обществомъ, мы смѣло можемъ утверждать, что самый строгій критикъ нашего суда не найдетъ ни въ дѣятельности судей, ни въ дѣятельности присяжныхъ, какой либо тенденціи (вредной). Единственно, что можетъ замѣтить каждый бывавшій въ судѣ — это неудовлетворительность состава присяжныхъ засѣдателей, попадающихъ въ судъ благодаря совершенно непригодному порядку и способу составленія общахъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей.

Главный недостатокъ существующаго порядка составленія списковъ присяжныхъ заключается въ томъ, что условія, дающія право быть присяжнымъ, опредѣлены нераціонально. Отрѣшная отъ этого права лицъ, болѣе всего желательныхъ въ средѣ присяжныхъ — землевладѣльцевъ средняго состоянія (имѣющихъ менѣе 100 десятинъ, т. е. владѣющихъ капиталомъ, отъ 5—25 тысячъ), они предоставляютъ его или людямъ крупнаго состоянія, которыхъ вообще немного, или бѣднякамъ, мелкимъ ремесленникамъ и торговцамъ, живущимъ изо дня въ день, и безземельнымъ крестьянамъ, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ подавляющее большинство въ провинціальныхъ спискахъ. Не говоря уже о томъ, что благодаря этимъ условіямъ, иногда въ списки попадали или всѣ неграмотные, такъ что не составлялись засѣданія суда, или такіе бѣдняки, которые послѣ засѣданія ходили просить работы или

Христа ради милостыни, одно присутствіе въ судѣ большого числа мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ говорить само за себя. Непонимая часто дѣла, они не составляютъ коллегіи двѣнадцати судей и выносятъ „непонятныя“ рѣшенія, объясняемыя только составомъ присяжныхъ, ихъ поставившимъ. Отъ такихъ присяжныхъ законъ, разумѣется, напрасно ожидалъ „заботливости объ охраненіи общественной и частной безопасности и законнаго порядка“.

Мы затронули этотъ вопросъ потому, что онъ представляется весьма и весьма серьезнымъ. Во всѣхъ округахъ, кромѣ одесскаго, попадаютъ списки присяжныхъ, наполненные лицами, которые ни въ какомъ случаѣ не должны бы были находиться въ спискахъ; но такіе списки попадаютъ еще не особенно часто. Въ одесскомъ округѣ, напротивъ, существующій порядокъ составленія списковъ настолько ненормаленъ, что результаты дѣятельности судовъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, бросаются въ глаза.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы было обращено серьезное вниманіе на порядокъ и способъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, то списки значительно упорядочились бы въ своемъ составѣ, и вмѣсто лицъ, совершенно непригодныхъ къ исполненію судейской обязанности, мы видѣли бы лицъ вполне достойныхъ нести эту трудную обязанность, которыя предоставили бы полныя гарантіи правосудію ¹⁾.

¹⁾ Часто слышатся мнѣнія, что въ составленіи списковъ присяжныхъ виновны исключительно комисіи, не обращающія на это никакого вниманія. Такое мнѣніе только до нѣкоторой степени справедливо, такъ какъ намъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ комисіи, при всемъ стараніи, не могли составить иныхъ списковъ. Закономъ 3 іюня 1884 года способъ составленія очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей нѣ сколько измѣненъ, но общіе списки составляются на прежнемъ основаніи. Поэтому очередные списки упорядочились только до нѣкоторой степени и то не во всѣхъ мѣстностяхъ. Для того, чтобы вполне упорядочить составъ присяжныхъ, необходимо измѣнить условія, дающія право быть присяжнымъ обративъ особое вниманіе на то—отъ кого болѣе можно ожидать „заботливости объ охраненіи общественной и частной безопасности и законнаго порядка“. Тогда комисіи могутъ дѣлать должный выборъ лицъ при составленіи очередныхъ списковъ, что теперь для нихъ невозможно.

Только этот упрек и можно сдѣлать организаціи суда присяжныхъ, но и то сдѣлать условно, говоря, что при лучшемъ порядкѣ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, можно съ увѣренностью ожидать, что результаты суда присяжныхъ еще болѣе чѣмъ теперь будутъ удовлетворять требованіямъ государственной и общественной жизни.

Мы сказали: „еще болѣе будутъ удовлетворять требованіямъ государственной и общественной жизни“, и не отказываемся отъ своихъ словъ, такъ какъ надѣемся доказать точными цифрами, что судъ присяжныхъ и въ настоящемъ его видѣ долженъ быть признанъ судомъ, удовлетворяющимъ строгимъ требованіямъ, при условіи цѣлесообразнаго порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, и что въ этомъ отношеніи упрека суду присяжныхъ, *какъ таковому*, дѣлать не приходится. Дѣйствительно, если мы видимъ, что иной судья творитъ на судѣ Богъ знаетъ что, то мы имѣемъ право сказать только то, что такой судья не на своемъ мѣстѣ. Точно также если мы видимъ, что судъ присяжныхъ въ одной мѣстности даетъ хорошіе результаты, а въ другой, неудовлетворительные, то должны признать, что условія выбора лицъ въ присяжные засѣдатели въ послѣднемъ случаѣ неудовлетворительны и нецѣлесообразны. Съ этой стороны намъ совершенно непонятно, какъ это до сихъ поръ, въ теченіи 20 лѣтъ, судебная администрація не пришла къ заключенію о необходимости пересмотра правилъ о порядкѣ и условіяхъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, правилъ коренныхъ, служащихъ основаніемъ всего суда присяжныхъ, когда результаты суда въ одномъ судебномъ округѣ и постоянныя частныя извѣстія и свѣдѣнія, получаемыя отъ лицъ судебного вѣдомства, давно уже указывали на ненормальное положеніе вещей.

Одно изъ главныхъ основаній, приводимыхъ *вообще* противъ суда присяжныхъ, какъ у насъ, такъ и за границей, въ сущности, сводится къ тому, что присяжные засѣдатели, не отвѣтственные ни передъ кѣмъ, не особенно заботятся объ общественныхъ и государственныхъ интересахъ и къ тому же

сильно поддаются влиянію чувства, благодаря чему является масса оправдательныхъ рѣшеній, несоотвѣтствующихъ интересамъ правосудія, т. е. государственной жизни, въ обширномъ смыслѣ этого понятія. Въ доказательство приводится вообще то, что присяжные выносятъ оправдательныхъ рѣшеній вдвое болѣе, чѣмъ судьи коронные. Въ частности, противъ нашего суда присяжныхъ говорятъ, что если процентъ оправдательныхъ рѣшеній суда присяжныхъ во Франціи, гдѣ присяжные выносятъ отъ 20—30% оправданій, сравнительно съ результатами суда короннаго, отъ 8—15% оправданій, очень высокъ, то у насъ, гдѣ присяжные оправдываютъ отъ 32—50% всѣхъ подсудимыхъ, громадный процентъ оправданій несомнѣнно доказуетъ непригодность нашего суда присяжныхъ.

Дѣйствительно, не только 50%, но даже 35% оправдательныхъ рѣшеній доказываетъ на какую-то ненормальность въ дѣятельности суда; но спрашивается: слѣдуетъ ли ее искать въ характерѣ дѣятельности суда присяжныхъ или въ какихъ либо другихъ причинахъ?

Прежде всего нельзя не замѣтить, что сопоставленіе дѣятельности суда присяжныхъ у насъ и въ иностранныхъ государствахъ невозможно, потому что условія подсудности дѣлъ коронному суду и суду присяжныхъ, а равно условія и порядокъ преданія суду до такой степени различны, *что цифровые результаты дѣятельности судовъ не могутъ быть сопоставляемы.* Чтобы хотя отчасти пояснить нашу мысль, приведемъ слѣдующія соображенія.

Процентъ оправдательныхъ рѣшеній прямо зависитъ отъ степени основательности преданія суду, Чѣмъ безосновательнѣе будутъ предаваться суду, тѣмъ болѣе будетъ процентъ оправданій, хотя абсолютное число обвинительныхъ рѣшеній будетъ болѣе. Напримѣръ: если изъ 1000 оконченныхъ дѣлъ предать суду обвиняемыхъ по 400 дѣламъ, то присяжные вынесутъ оправдательныхъ рѣшеній, приблизительно, по 120 дѣламъ, а по 280 подсудимые будутъ обвинены; если изъ остальныхъ 600 дѣлъ выбрать еще триста дѣлъ и по нимъ предать суду обвиняемыхъ, то мо-

жеть быть присяжные признають виновными еще тридцать подсудимыхъ, а остальныхъ оправдають, то есть изъ 700 дѣлъ оправдательныхъ рѣшеній послѣдуетъ 390, а обвинительныхъ 310; если же и по остальнымъ тремстамъ дѣламъ предать суду обвиняемыхъ, то, можетъ быть, присяжные обвинять подсудимыхъ еще по 10 дѣламъ, т. е. всего оправдають 680, а обвинять 320 подсудимыхъ. Въ первомъ случаѣ будетъ оправдательныхъ рѣшеній 30%, во второмъ случаѣ—44%, а въ послѣднемъ—68%. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ различные результаты суда, выраженные цифрами, *сами по себѣ* ни въ какомъ случаѣ не могутъ доказывать годности или негодности суда присяжныхъ и могутъ служить тому доказательствомъ только, при соображеніи цифръ съ условіями и порядкомъ преданія суду. Поэтому, сопоставленіе результатовъ дѣятельности нашего суда и суда французскаго (мы беремъ французскій судъ—какъ болѣе сходный съ нашимъ) не можетъ дать вѣрныхъ выводовъ, если мы по опыту—и опыту серьезному—не будемъ знать: гдѣ и на сколько основательнѣе обвиняемые предаются суду—у насъ или во Франціи? Этотъ вопросъ болѣе или менѣе безошибочно можно разрѣшить только посредствомъ серьезнаго практическаго паралельнаго изученія дѣятельности судовъ у насъ и во Франціи; теоретическое же изслѣдованіе этого вопроса можетъ дать только поводъ къ поверхностнымъ выводамъ, которые не могутъ быть ни для кого убѣдительны. Вотъ почему мы остерегаемся высказывать свое мнѣніе по этому вопросу и замѣтимъ только, что намъ никогда не приходилось ни слышать, ни читать о такихъ дѣлахъ ассизныхъ судовъ во Франціи, которыя сплошь и рядомъ появляются въ нашихъ судахъ, и по коимъ на скамью подсудимыхъ сажаютъ людей совершенно непонятно для чего и почему, непонятно и для судовъ, и для присяжныхъ, и для общества и, наконецъ, для самихъ подсудимыхъ.

И такъ, число оправдательныхъ рѣшеній прямо и, главнымъ образомъ, обусловливается болѣею или меньшею степенью основательности обвиненія, т. е. взглядомъ обвинитель-

ной власти (у насъ обвинительныхъ камеръ) на условія, при коихъ должно состояться преданіе суду. Если обвинительныя камеры будутъ предавать суду при недостаточныхъ основаніяхъ, „ради рѣшенія дѣла судомъ по всестороннему его разсмотрѣнію“, то очевидно — абсолютное число обвинительныхъ приговоровъ будетъ немного больше, а относительное число оправдательныхъ приговоровъ будетъ значительно больше, т. е. опроцентъ правданій будетъ несоразмѣрно великъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что вообще процентъ оправданій можетъ служить доказательствомъ удовлетворительности суда не самъ по себѣ, а по сопоставленію его съ другими условіями. Въ частности, у насъ, при обсужденіи этого вопроса, необходимо имѣть въ виду: что судебныя палаты (какъ всѣмъ извѣстно) особенно склонны предавать суду не потому, что обвиняемый достаточно уличенъ въ совершеніи преступленія, а потому, что „является сомнѣніе въ невинности обвиняемаго, которое должно быть разъяснено всестороннимъ разслѣдованіемъ дѣла на судѣ“; что судебныя палаты относятся къ преданію суду болѣе чѣмъ формально, — образчики чего мы видѣли на приведенныхъ нами примѣрахъ, и что при такомъ направленіи дѣятельности обвинительныхъ камеръ у насъ, очевидно, *не можетъ не быть большой процентъ оправдательныхъ приговоровъ.*

На сколько правиленъ взглядъ обвинительныхъ камеръ — этого вопроса мы не будемъ касаться, ибо онъ самъ по себѣ ясенъ; но результаты такого направленія наглядны: оставляя въ сторонѣ обвинительныя камеры, они, всею своею невыгодною стороною, падаютъ на неповинный судъ присяжныхъ, непригодность котораго доказывается невѣрнымъ взглядомъ судебныхъ палатъ на условія преданія суду.

Но дѣло суда — дѣло сложное и результаты его, какъ мы видимъ ежеминутно, опредѣляются не однимъ преданіемъ суду, а массою различныхъ условій. Всѣхъ таковыхъ мы перечислять не будемъ, но укажемъ только на одно, весьма сильно вліяющее на судъ вообще и судъ присяжныхъ въ особенности.

Каждое мало-мальски серьезное преступленіе во Франціи вызываетъ оживленную дѣятельность всѣхъ органовъ власти и хорошо организованной полиціи, *стремящихся оказать дѣйствительную помощь слѣдственному судѣ*. Слѣдственный судья такъ обставленъ въ своей дѣятельности, что можетъ немедленно приступить къ слѣдствію и затратить на него много средствъ, времени и труда, не опасаясь накопить у себя массу дѣлъ. Очевидно, что при такихъ порядкѣхъ и условіяхъ результаты слѣдствія будутъ иные, чѣмъ у насъ, — гдѣ судебные слѣдователи обременены массою дѣлъ, не пользуются никакою помощью полиціи, получаютъ свѣдѣнія о происшествіяхъ черезъ недѣлю и позднѣе, и обязаны скакать на телѣгахъ по своему участку, тянущемуся отъ 50 — 150 и болѣе верстъ. Вотъ почему, помимо того, что у насъ должно раскрываться менѣе преступленій, чѣмъ во Франціи, и что у насъ слѣдствіе необходимо должно тянуться долѣе, но и дѣламъ, съ болѣе или менѣе обнаруженными виновными, долженъ быть присущъ особый характеръ недостаточной разслѣдованности, чего не можетъ быть въ слѣдствіяхъ французскихъ судовъ. Благодаря этому у насъ на судѣ чаще, чѣмъ во Франціи, должны наблюдаться неожиданные обороты дѣлъ, вызывающіе оправданія ¹⁾. Такимъ образомъ, если бы у насъ и во Франціи предавались суду съ одинаковою основательностью, то во всякомъ случаѣ, благодаря характеру слѣдствій, у насъ должно быть болѣе оправдательныхъ рѣшеній.

Вотъ почему для правильной оцѣнки дѣятельности нашего суда присяжныхъ нельзя брать голыя цифры и ими доказывать свое заранѣе составленное убѣжденіе, а необходимо, прежде всего, выяснитъ причины, порождающія тѣ или другіе результаты, или, вѣрнѣе сказать, числовые результаты суда обсуждать рядомъ съ условіями и порядкомъ дѣятельности всѣхъ судовъ и его органовъ, и потомъ уже дѣлать сопоставленія не съ цифровыми результатами иностранныхъ су-

¹⁾ Отъ неожиданныхъ оборотовъ на судѣ мы могли бы избѣгаться вполне установленіемъ права обжалованія обвинительныхъ актовъ.

довъ, а съ такими данными, которыя болѣе или менѣе сопоставимы. Такими данными для насъ могутъ служить только результаты дѣятельности короннаго суда, дѣйствующаго рядомъ съ судомъ присяжныхъ, при довольно сходныхъ условіяхъ. Но и при такомъ сопоставленіи, чтобы не ошибаться въ заключеніяхъ, мы должны хорошо помнить высказанныя нами соображенія о положеніи судей при постановленіи приговоровъ и объ условіяхъ постановленія ихъ. Сказанное нами по этому поводу, очевидно, должно приводить къ слѣдующимъ заключеніямъ:

что судъ присяжныхъ, вѣдающій болѣе серьезныя дѣла, съ болѣе тяжкими наказаніями, неминуемо долженъ быть осторожнѣе въ своихъ заключеніяхъ и, потому, долженъ гораздо чаще, чѣмъ коронный судъ, выносить оправдательныя рѣшенія при одинаковой степени (если можно такъ выразиться) доказанности обвиненія;

что явная несоразмѣрность и даже несообразность наказаній, опредѣляемыхъ нашимъ уложеніемъ, должна сильнѣе вліять на судъ присяжныхъ, чѣмъ на коронныхъ судей, которые не назначаютъ строгихъ наказаній и, потому, почти всегда могутъ избѣжать несоразмѣрныхъ наказаній, и

что, потому, въ силу этихъ причинъ, *in abstracto*, слѣдуетъ заключить, что въ судѣ присяжныхъ долженъ быть большій процентъ оправдательныхъ рѣшеній, чѣмъ въ судѣ коронномъ, при болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ преданія суду и одинаковой серьезности отношеній судей и присяжныхъ засѣдателей въ своимъ обязанностямъ.

Съ 1878 г. у насъ учреждены особыя судилища, съ спеціальною цѣлью — изъять дѣла о сопротивленіи власти изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, недостаточно, будто бы, строгаго къ нимъ: это — судебныя палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Задача этихъ судилищъ — строгая репрессія въ лицамъ такъ или иначе неповинующимся власти — говоритъ сама за себя и очевидно не допускаетъ таковаго снисхожденія къ подсудимымъ, съ которыми могли относиться къ нимъ не только судъ присяжныхъ, но и суды коронные. И дѣйствительно,

судилище это организовано съ этой стороны вполне целесообразно; въ немъ участвуютъ: старшій предсѣдатель и четыре члена судебной палаты и такіе выборные представители, которые всѣ вмѣстѣ должны составлять самый консервативный (если можно такъ выразиться) элементъ. Такое судилище, очевидно, не можетъ и не должно бы выносить много оправдательныхъ приговоровъ, тѣмъ болѣе, что къ преданію суду подсудимыхъ по этимъ дѣламъ обвинительная власть вообще относится съ особою осторожностью.

Между тѣмъ оказывается, что эти судилища выносятъ массу оправдательныхъ рѣшеній, которая поражаетъ своимъ числомъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы ¹⁾.

Оправданные и осужденные судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей за 1878—1881 гг.

О б р у г а.	Общее число подсудимыхъ	Осуждено.	Оправдано.	% отноше- ніе.
С.-Петербургскій	129	87	42	32,5%
Московскій	524	317	207	40%
Харьковскій	332	163	169	50%
Одесскій	260	156	104	40%
Казанскій	436	281	135	31%
Саратовскій	248	157	91	36,7%
Кіевскій	134	47	87	65%
Итого	2045	1208	835	40,8%

¹⁾ Эти и слѣдующія таблицы составлены по отчетамъ министерства

Изъ этой таблицы оказывается, что процентъ оправданій въ различныхъ округахъ колеблется между 31 и 50 и что въ общей сложности изъ 2045 подсудимыхъ оправдано 835, то есть 40,8%.

Спрашивается, чѣмъ же объяснить громадный процентъ оправданій, въ полтора раза превышающій процентъ оправданій суда присяжныхъ во Франціи, противъ котораго такъ кричать, и не слѣдуетъ-ли на этомъ основаніи признать полную непригодность и этого судилища? Очевидно, что такой результатъ дѣятельности нарочито учрежденнаго судилища объясняется характеромъ общаго направленія обвинительной власти, предающей суду: или по слишкомъ формальнымъ основаніямъ, или только ради разъясненія дѣла на судебномъ слѣдствіи, и что, потому, большой процентъ оправданій самъ по себѣ не даетъ права придти къ заключенію о непригодности судилища и о неспособности членовъ ихъ (завѣдомо для всѣхъ способныхъ) къ своимъ обязанностямъ.

И такъ, ознакомившись съ характеромъ направленія обвинительной власти, мы не можемъ удивляться большому числу оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ и этимъ путемъ находить недостатки суда присяжныхъ; напротивъ, мы должны ожидать въ приговорахъ нашихъ судовъ, какъ съ участіемъ, такъ и безъ участія присяжныхъ засѣдателей, громадный процентъ оправданій, въ особенности сравнительно съ судами французскими.

Дѣйствительно, возьмемъ для примѣра итоги всѣхъ судившихся въ нашихъ судахъ за время 1874 — 1881 годовъ и мы увидимъ подтвержденіе нашего мнѣнія въ нижеслѣдующей таблицѣ.

юстиціи за 1874—1881 гг. о дѣятельности судебныхъ установленій, которыя представляя точныя цифры, даютъ общую картину направленія обвинительной власти и дѣятельности нашихъ судовъ.

Оправданные и осужденные за 1874—1881 годы.

ОБРУГА.	Съ участ. присяж. зазд.			Безъ участ. присяж. зазд.		
	Осуждено.	Оправдано.	% отноше- ние оправ- данныхъ.	Осуждено.	Оправдано.	% отноше- ние оправ- данныхъ.
С.-Петербург- скій	11469	6761	37,0	4054	1387	25,5
Московскій . .	47399	25419	34,9	14502	4880	25
Харьковскій .	35085	18508	34,5	10097	5174	34,5
Одесскій . . .	16470	14846	47,4	7534	1858	20
Казанскій . .	26089	16073	37,8	10631	3149	23
Саратовскій .	15272	9520	38,4	4824	2289	32,2
Кіевскій . . .	3589	1739	32,6	1157	733	38,8
Итого . .	155373	92866	37,7	52799	19470	26,8

Изъ этой таблицы оказывается, что коронный судъ, которому подсудны дѣла со слабыми наказаніями, оправдываетъ отъ 20 до 38,8% всѣхъ подсудимыхъ, а въ общей сложности изъ 72269 подсудимыхъ оправдалъ 19479, т. е. 26,8%. Такой результатъ мы видимъ, если въ числѣ этихъ подсудимыхъ оставить бродягъ, которыхъ, какъ извѣстно, суды не могутъ оправдывать; если же число бродягъ (10385) вычесть, то окажется, что изъ 61884 подсудимыхъ судъ оправдалъ

19290, то есть 31,2 процента. Цифры говорят сами за себя. Если коронный судъ по преступленіямъ со слабыми наказаніями и по дѣламъ, большинство которыхъ совершенно просто и не сложно, выносить 31,2 процента оправданій, то какой же процентъ оправданій долженъ быть въ судѣ присяжныхъ по дѣламъ сложнымъ и со строгими наказаніями? Если бы взять за образецъ французскіе суды, гдѣ коронные судьи выносятъ вдвое меньшій процентъ оправданій, то у насъ присяжные должны были бы оправдывать, по крайней мѣрѣ, 60 подсудимыхъ изъ ста!

Такимъ образомъ, большое число оправдательныхъ приговоровъ суда присяжныхъ, повторяемъ, не только не можетъ удивлять насъ, но должно быть нами ожидаемо вслѣдствіе своеобразнаго взгляда обвинительной власти на условія преданія суду, результатомъ котораго даже въ нашихъ окружныхъ судахъ является 31,2% оправданій. Между тѣмъ, рассматривая ту же таблицу мы видимъ, что присяжные выносятъ оправданій: въ кievскомъ округѣ—32,6, въ московскомъ и харьковскомъ—34,5 и 34,9, т. е. почти столько же, сколько и коронные суды петербургскій, казанскій и саратовскій—37,0, 37,8, 37,4, и только въ одесскомъ 47,4 оправданій, въ общей же сложности 37,7%.

Послѣдняя цифра оправданій въ одесскомъ округѣ рядомъ съ другими, превышая ихъ болѣе чѣмъ на четвертую часть, прямо указываетъ на ненормальность организаціи суда присяжныхъ *въ этомъ округѣ*, т. е. на нецѣлесообразность порядка и условій составленія списковъ присяжныхъ заседателей, о чемъ мы уже говорили и что ни въ какомъ случаѣ не можетъ вліять на выводы и заключенія о дѣятельности суда присяжныхъ *вообще и въ другихъ округахъ въ частности*.

Противное мнѣніе было бы равносильно тому, если бы какой либо одинъ судъ, изъ всѣхъ коронныхъ судовъ, своею дѣятельностью доказывалъ неспособность судей. и изъ этого мы заключили-бы о неспособности и всѣхъ другихъ судей. Наоборотъ, надо измѣнить только составъ судей въ данномъ судѣ,

если завѣдомо для всѣхъ они избираются изъ среды, совсѣмъ не подходящей для дѣла суда. Вѣроятно каждый согласится, что если бы вмѣсто лицъ извѣстной среды, болѣе достаточной и, потому, болѣе развитой, въ число присяжныхъ завѣдомо и нарочно вносить „босыхъ команды“, то обвинительныхъ приговоровъ судъ присяжныхъ выносилъ бы очень мало. Между тѣмъ въ одесскомъ округѣ мы видимъ, отсутствіе въ спискахъ землевладѣльцевъ, а вмѣсто нихъ массу мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, менѣе всего подготовленныхъ къ тому, чтобы судить другихъ и, потому, менѣе всего желательныхъ присяжныхъ. Понятно, что составъ присяжныхъ въ одесскомъ округѣ даетъ себя чувствовать въ результатахъ суда. Вотъ почему одесскій округъ не можетъ служить мѣриломъ для оцѣнки дѣятельности суда присяжныхъ вообще и въ послѣдующихъ соображеніяхъ, для правильности выводовъ, намъ только остается исключать результаты дѣятельности судовъ одесскаго округа.

Разсматривая далѣе таблицу № 2, мы видимъ, что въ то время, какъ въ петербургскомъ, московскомъ, казанскомъ и саратовскомъ округахъ процентъ оправданія короннымъ суда менѣе на 12, 10, 14 и 16%, въ кievскомъ—коронный судъ выносятъ оправданій болѣе на 6,2%, а въ харьковскомъ одинаковое число; если же изъ числа подсудимыхъ харьковскаго округа вычесть бродягъ, то окажется, что изъ 100 подсудимыхъ присяжные оправдываютъ 34,5 подсудимыхъ, а коронные судьи—38. Который изъ двухъ судовъ репрессивнѣе—рѣшить не трудно. Въ особенности цифры эти представляются яркими, если имѣть въ виду, что по дѣламъ, подсуднымъ окружному суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей, суду предають прокуроры собственною властью и предають вообще всегда съ большею осторожностью, чѣмъ судебныя палаты по остальнымъ дѣламъ, ибо въ прежнее время, до закона 3 мая 1883 года, окружные суды смотрѣли на прекращеніе дѣлъ менѣе формально, чѣмъ судебныя палаты, и, зная мѣстныя условія, прекращали дѣла съ недостаточными уликами, по

коимъ никогда не вынесли бы обвинительнаго приговора; законъ 3 мая 1885 года измѣнилъ этотъ порядокъ ¹⁾).

Хотя цифры убѣдительно говорятъ сами за себя, но все-таки они позволяютъ дѣлать сопоставленія только относительныя, исходящія изъ того положенія, что судъ коронный, вѣдающій болѣе простыя, несложныя дѣла, со слабыми наказаніями, *долженъ* выносить оправдательныхъ приговоровъ менѣе, чѣмъ судъ присяжныхъ, вѣдающій болѣе серьезныя и сложныя дѣла, а между тѣмъ выносить ихъ болѣе.

Но мы имѣемъ возможность дѣлать сопоставленія суда присяжныхъ съ такимъ судомъ короннымъ, которому подсудны всѣ тѣ дѣла, кои подсудны и окружнымъ судамъ другихъ судовъ, съ участіемъ и безъ участія присяжныхъ застѣдателей. Мы говоримъ о судахъ варшавскаго округа. Такія сопоставленія въ массѣ дѣлъ, разумѣется, должны дать совершенно точные выводы. Но и здѣсь мы должны имѣть въ виду слѣдующее: извѣстно, что судебные слѣдователи варшавскаго округа находятся въ *гораздо лучшихъ* условіяхъ дѣятельности, чѣмъ судебные слѣдователи другихъ округовъ, и потому, очевидно, слѣдствія ихъ должны носить измѣнчивый характеръ (недостаточную разслѣдованность, о которой мы говорили), въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ,—что, разумѣется, не можетъ не вліять на число оправдательныхъ приговоровъ.

Сдѣлавъ такую оговорку, рассмотримъ слѣдующую сравнительную таблицу, показывающую число оправданій по годамъ, въ варшавскомъ и другихъ округахъ, въ томъ числѣ и одесскомъ:

¹⁾ Это мнѣніе мы высказываемъ не только на основаніи нашихъ личныхъ наблюденій, но и на основаніи мнѣнія, господствующаго среди многихъ судебныхъ дѣателей, которые долговременнымъ опытомъ убѣдились въ томъ же.

Общее число оправданных и осужденных по всем округам за все годы.

Въ которомъ году.	По варшавскому округу.		ПО ОСТАЛЬНЫМЪ ОКРУГАМЪ.						Всего осуж- дено.	Всего оправ- дано.	Пропенное от- ношение осуж- денныхъ.
	Осуждено под- судимыхъ.	Оправдано подсудимыхъ.	Осуждено.		Оправдано.		Безъ ун. прис. засѣд.	(Оправдано.			
			Съ участ. прис. засѣд.	Осуждено.	Съ участ. прис. засѣд.	Осуждено.					
Въ 1874 году . .	—	—	17088	8369 (32,8%)	5081	1792 (26%)	22169	10161	31,43%		
Въ 1875 году . .	—	—	18950	10815 (36,3%)	3751	1964 (25,4%)	22701	12779	36,30%		
Въ 1876 году . .	—	—	19004	11092(36,7%)	6466	2330 (26,9%)	23470	13442	35,06%		
Въ 1877 году . .	4109	1941 (32%)	19183	11567(37,2%)	6490	2670 (28%)	23973	13237	33,76%		
Въ 1878 году . .	4582	2361 (34%)	19231	11581(37,6%)	6101	2567 (29,3%)	23332	14148	35,83%		
Въ 1879 году . .	5946	2985 (33,4%)	19939	12425(38,3%)	7130	2544 (26,3%)	27069	14969	35,6%		
Въ 1880 году . .	7266	3102 (30%)	18987	12631(39,8%)	7675	2504 (24,6%)	26662	14135	36,09%		
Въ 1881 году . .	7158	3940 (32,6%)	22691	14386(38,8%)	8105	3079 (27,5%)	30796	17465	36,02%		
ИТОГО . . .	29061	14329 (33%)	153373	92866(37,4%)	52799	19470 (27%)	208172	112336	35,0%		

Оправданные и осужденные за 1874—1881 года.

О б р у г а	Всѣхъ подсудимыхъ		% Отношеніе оправданныхъ
	Осуждено	Оправдано	
С.-Петербургскій	15523	8148	34,4
Московскій	61901	30299	32,8
Харьковскій	45182	23682	34,4
Одесскій	24004	16604	40,9
Казанскій	36720	19222	34,4
Саратовскій	20096	11809	37
Кіевскій	4746	2472	34,2
Итого	208172	112336	35,0
За исключеніемъ одесскаго округа	185168	95632	33,7
Варшавскій округъ . .	29061	14329	33,0

Изъ этой таблицы оказывается, что несмотря на громадность цифры оправданій одесскаго округа, все-таки въ варшавскомъ округѣ оправдывалось всѣхъ подсудимыхъ въ 1877, 1878 и 1879 годахъ только около 2⁰/₀ менѣ чѣмъ въ другихъ округахъ, въ 1880 году—6⁰/₀ и въ 1881 году 3,6⁰/₀, а въ сложности оправдано менѣ на 2⁰/₀. Если число всѣхъ подсудимыхъ поставить по округамъ, то мы увидимъ:

что только въ одесскомъ округѣ всѣхъ оправданій состоялось 40,9% и въ саратовскомъ 37%, въ остальныхъ же округахъ 34% и въ московскомъ 32,8%; если же исключить изъ суммы подсудимыхъ—подсудимыхъ по одесскому округу, то въ результатѣ получится 95632 оправданій изъ 280800 подсудимыхъ, то есть 33,7%. Столько же оправданій сколько и въ варшавскомъ округѣ (33%)!

Далѣе по пути статистики идти намъ нечего, такъ какъ полагаемъ, что на основаніи приведенныхъ нами нѣмыхъ, но краснорѣчивыхъ цифръ, слѣдуетъ придти къ заключенію, *что судъ присяжныхъ у насъ, за исключеніемъ одесскаго округа, такъ же репрессивенъ, какъ и судъ коронный, и въ этомъ отношеніи вообще представляетъ полная гарантіи общественной и государственной жизни.*

Мы говоримъ представляетъ гарантіи и „вообще“, ибо ошибки въ судѣ присяжныхъ неминуемо должны быть, какъ и во всякомъ судѣ, а въ будущемъ если, наконецъ, обратятъ вниманіе на порядокъ и условія составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, то судъ присяжныхъ у насъ, несомнѣнно, блистательно докажетъ свою жизнеспособность.

Но говорятъ: ошибка ошибокъ рознь. Всякій судъ долженъ выносить извѣстное число ошибочныхъ приговоровъ, но въ нормальномъ судѣ ошибки будутъ носить совершенно другой характеръ, чѣмъ ошибки суда присяжныхъ, характеромъ которыхъ прямо и несомнѣнно доказывается его непригодность. Коронный судъ, вынося приговоръ, хотя и ошибочно, вмѣстѣ съ тѣмъ искренно убѣжденъ въ правильности его,—онъ заблуждается, но заблуждается честно; тогда какъ въ жизни суда присяжныхъ часто встрѣчались случаи, что послѣ „непонятнаго“ и „несообразнаго“ рѣшенія, нѣкоторые присяжные, желая снять съ себя нравственную отвѣтственность за него, приходили къ судьямъ и заявляли, что они „въ такомъ безобразномъ рѣшеніи неповинны“. Это уже само по себѣ, говорятъ противники суда присяжныхъ, доказываетъ возмутительность рѣшеній присяжныхъ, когда непринимаются

во вниманіе частныя возраженія другихъ товарищей, что встрѣчается очень часто.

На сколько часто встрѣчаются такія возмутительныя рѣшенія мы опредѣлять не беремся; но на основаніи нашего опыта и нашихъ наблюденій, и имѣющихся у насъ свѣдѣній, мы не рѣшимся сказать, чтобы возмутительныя рѣшенія встрѣчались часто. А если вспомнить все то, что нами было сказано объ условіяхъ дѣятельности суда присяжныхъ, то въ результатѣ окажется, что большинство такихъ ошибокъ объясняется дѣятельностью сторонъ или предсѣдателя. Точно также и заявленія присяжныхъ о несогласіи съ мнѣніемъ большинства ничего не доказываютъ. Судьямъ короннымъ предоставляется право остаться при мнѣніи и документально заявить всѣмъ о своемъ несочувствіи приговору, постановленному ихъ коллегами. Присяжные этого права не имѣютъ; поэтому, желая показать несочувствіе свое рѣшенію товарищей, они заявляютъ объ этомъ суду, какъ бы желая этимъ выразить свое отдѣльное мнѣніе; въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ и этимъ вовсе не оцѣнивается характеръ дѣятельности суда присяжныхъ.

Намъ, какъ и всѣмъ судебнымъ дѣателямъ, не разъ и не два приходилось выслушивать горячее осужденіе приговора, оставшимся при мнѣніи членомъ суда, глубоко имъ возмущеннаго (изъ за пустяковъ, разумѣется, членъ суда не будетъ кипятиться и писать ошибочное мнѣніе). И что же? развѣ изъ такихъ единичныхъ фактовъ можно дѣлать заключеніе о непригодности нашего суда и нашихъ судей? Это доказываетъ стойкость мнѣнія, сложившагося подъ глубокимъ убѣжденіемъ, въ большинствѣ случаевъ, серьезное отношеніе людей къ дѣлу, можетъ быть и заблуждающихся, но заблуждающихся честно, и только; но ни въ какомъ случаѣ не можетъ доказывать того, что *всегда* въ такихъ случаяхъ большинство постановляло „возмутительный приговоръ“. Напротивъ, иногда отдѣльное мнѣніе совершенно несоотвѣтствуетъ дѣлу.

Изъ множества извѣстныхъ намъ подобныхъ случаевъ приведемъ одинъ, нѣсколько комичный, который доказываетъ

какъ несправедливо иногда бываетъ мнѣніе меньшинства. Двадцатилѣтній цыганъ опредѣленіемъ палаты былъ преданъ суду за кражу лошади; единственною уликой противъ него было то, что онъ „цыганъ“; присяжные были почти исключительно крестьяне и казаки. Послѣ оправдательнаго рѣшенія, во время перерыва, присяжные вышли въ комнату, гдѣ они собирались и гдѣ было много постороннихъ, и одинъ изъ присяжныхъ, старый, типичный, но обрусѣвшій казакъ, горячо заспорилъ со своими товарищами. „Якъ же такого вора и миловать?, вінъ лошади буде красть, а мы будемъ ему казати—сдѣлайте милость воруйте? Нѣтъ я такъ не хочу! Пйду до предсѣдателя и кажу ему, что я не хочу быть присяжнымъ! Нехай предсѣдатель разбере насть!“. Да якъ-же признавать его виноватымъ“, возражаютъ казаку другіе присяжные, „якъ нема ниякихъ доказательствъ? Да вінъ у меня укравъ жеребца? „У васъ?—да когда-же?“ „Да се давні діло було“, отвѣчалъ казакъ, „літъ мабутъ двадцать, або двадцать пять“. „Да вѣдь ему всего двадцать лѣтъ“, возражали казаку. „Такъ что-жъ? Якъ не вінъ укравъ, такъ его батько, цыганъ“. Взрывъ хохота охладилъ разгорячившагося „возмутительнымъ“ приговоромъ присяжнаго.

Полагаемъ, что съ нами согласится всякій, что сообразность или несообразность приговора опредѣляется соответствіемъ приговора нашему убѣжденію и потому въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлять только этимъ „возмутительность“ приговора безпристрастному, справедливому человеку—не слѣдуетъ.

Но развѣ есть суды, которые не выносили бы „возмутительныхъ“ приговоровъ и развѣ наши коронные судьи ихъ не выносятъ? Съ полнымъ убѣжденіемъ, имѣя доказательства въ рукахъ, мы отвѣчаемъ на это утвердительно, вовсе не желая бросать упрекъ въ коронный судъ. Коронные судьи тоже люди, и могутъ подвергаться увлеченію точно также, какъ и присяжные. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Но разница въ ошибкахъ и увлеченіяхъ коронныхъ судей и присяжныхъ та, что первые разсматриваютъ дѣла менѣе интересующія общество, менѣе замѣтныя, и по-

тому ошибки ихъ не обращаютъ на себя вниманія, тогда какъ присяжнымъ всякое лыко ставятъ въ строку. Изъ многихъ приговоровъ судовъ, находящихся у насъ, мы приведемъ для примѣра приговоры двухъ судебныхъ палатъ, доказывающіе, что и наши суды въ этомъ небезгрѣшны (*да и не могутъ быть безгрѣшны*). Мы беремъ приговоры судебныхъ палатъ, такъ какъ очевидно эти высшіе суды, составленные изъ лучшихъ юристовъ, казалось бы, должны быть болѣе свободны отъ ошибокъ.

Нѣкто П., кабатчикъ, былъ преданъ суду за оскорбленіе становаго пристава площадными словами, безъ всякаго на то повода, когда приставъ пріѣхалъ къ нему описывать за долги его имущество. Окружный судъ не могъ усмотрѣть никакихъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ, а напротивъ, возмущаясь такимъ поступкомъ, приговорилъ П. къ четырехмѣсячному тюремному заключенію. Судебная палата, по апелляціи П., рассматривая дѣло, (разумѣется, безъ вызова сторонъ и свидѣтелей) нашла, что *заявленіе П., что онъ не былъ въ трезвомъ состояніи* (что опровергалось свидѣтелями) во время совершенія преступленія, *подтверждается характеромъ всего преступленія и произносимыми имъ словами, обличающими въ подсудимомъ сильное раздраженіе и невѣжество* и потому присудила его только къ полутора-мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ.

Въ данномъ примѣрѣ совершенно не важно, высидитъ ли П. въ тюрьмѣ одинъ или четыре мѣсяца, а интересна эта замѣчательная аргументація, которою палата, на основаніи только одного заявленія подсудимаго, вопреки показанію цѣлаго ряда свидѣтелей, доказываетъ, что П. былъ пьянъ, ибо въ трезвомъ состояніи онъ не можетъ ругаться, хотя произнесенная имъ брань и обличаетъ его сильное невѣжество. Эта аргументація высшаго суда, обязаннаго точно изложить основаніе своего мнѣнія, въ своемъ родѣ замѣчательна.

Другой примѣръ: частный повѣренный З. пришелъ въ канцелярію мирового съѣзда и обратился къ непремѣнному члену съ просьбою. Получивъ отказъ, онъ вышелъ изъ кан-

целяриі, хлопнувъ дверью, а потомъ возвратился и, просунувъ голову, сказалъ, обращаясь къ непремѣнному члену: „между приказными всегда встрѣчается низость и подлость“; эти обстоятельства вполне были установлены показаніями непремѣннаго члена, секретаря и помощника секретаря съѣзда, занимавшихся въ канцеляріи рядомъ съ непремѣннымъ членомъ, а сторожъ съѣзда К., на котораго ссылался обвиняемый, показалъ, что онъ въ это время въ канцеляріи съѣзда вовсе не былъ и, потому, ничего не слыхалъ и не знаетъ. Судъ приговорилъ З. къ заключенію въ смирительномъ домѣ на три мѣсяца. Палата, по апелляціи З., рассматривая дѣло, пришла „къ необходимости предварительно разъяснить: 1) значеніе произнесенныхъ З. вышеупомянутыхъ словъ, произнесеніе которыхъ онъ не отрицаетъ, и 2) если признать въ нихъ оскорбительное значеніе, то опредѣлить, къ кому именно слова эти относились и, въ частности, относились ли они къ должностному лицу, отправлявшему свои служебныя обязанности? Обращаясь къ разрѣшенію перваго обстоятельства, прежде всего нужно замѣтить, что свидѣтельскими показаніями на судебномъ слѣдствіи вполне выяснено и, вслѣдствіе того, признано и обвинительною властью. что З. произнесъ вышеупомянутыя слова не въ присутственной камерѣ, а выйдя изъ канцеляріи съѣзда, пріотворивъ дверь и стоя на порогѣ. Фактъ этотъ, независимо отъ значенія словъ, вполне доказываетъ (?) отсутствіе намѣренія нанести лично кому либо оскорбленіе, такъ какъ, выйдя и затворя дверь, нельзя быть увѣреннымъ, что, растворивъ ее вновь, найдешь тѣхъ же самыхъ лицъ въ той же комнатѣ, имѣющей сообщеніе съ другою, и въ томъ же положеніи, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, гдѣ, по показанію самого потерпѣвшаго (?), въ то время никого, кромѣ его самого, не было. Обращаясь за симъ къ самому значенію и смыслу сказанныхъ подсудимымъ словъ, судебная палата находитъ, что въ настоящее время, когда послѣ нѣсколькихъ столѣтій, приказовъ, въ смыслъ учреждений, не существуетъ и званія приказныхъ людей нѣтъ, а есть служебное сословіе чиновниковъ, слова подсудимаго являются

безсмысленным анахронизмомъ, не могущимъ имѣть того прямого, непосредственнаго значенія оскорбленія, какое необходимо для состава преступленій этого рода: не относясь ни къ какому должностному лицу, они не могутъ и оскорбить должностное лицо нынѣшняго времени. Эти же слова, сказанныя въ XVI или XVII столѣтіяхъ, т. е. въ эпоху существованія приказовъ, и только тогда, могли бы признаваться за оскорбительныя. Хотя за разрѣшеніемъ истиннаго значенія вышеупомянутыхъ словъ, второй изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ самъ собою отпадаетъ, тѣмъ не менѣе судебная палата не можетъ не обратить вниманія на то, что свидѣтельскія показанія по этому пункту разнорѣчатъ, и въ то время, когда два свидѣтеля—секретрь и его помощникъ, подтверждая показаніе потерпѣвшаго, высказываютъ, что, по ихъ мнѣнію, выраженія эти относились къ непремѣнному члену, одинъ свидѣтель—сторожъ К.—отзывается полнымъ незнаніемъ, а самъ потерпѣвшій говоритъ, что въ канцеляріи нивого, кромѣ его, не было. Такимъ образомъ доводы, на коихъ окружный судъ основалъ свой приговоръ, являются лишенными, доказательной силы. Признавъ за силою вышеизложенныхъ соображеній, подсудимаго коллежскаго регистратора З. невиновнымъ въ томъ, что, вслѣдствіе исполненія непремѣннымъ членомъ своихъ служебныхъ обязанностей, нанесъ ему оскорбленіе словами,—судебная палата опредѣляетъ: приговоръ окружнаго суда отмѣнить и З. считать по суду оправданнымъ“.

Комментаріи такого приговора излишни, ибо приговоръ говоритъ самъ за себя и доказываетъ, что и коронные суды несвободны отъ ничѣмъ необъяснимыхъ ошибокъ.

Вотъ почему мы смѣемъ утверждать, что нашъ судъ присяжныхъ по репрессіи нисколько не уступаетъ нашему суду коронному и даже превосходитъ его; что ошибки, встрѣчаемыя въ рѣшеніяхъ присяжныхъ, не могутъ не встрѣчаться, ибо отъ нихъ не свободенъ ни одинъ человѣческій судъ, и что, для полученія еще лучшихъ результатовъ дѣятельности суда присяжныхъ, необходимо немедленно, путемъ административныхъ распоряженій, съ одной стороны—упорядочить дѣя-

тельность судебных дѣателей, а съ другой—рядомъ законодательныхъ мѣръ, оградить присяжныхъ отъ насилуванія ихъ совѣсти, а главное, обратить особое вниманіе на условія и порядокъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, памятуя, что лучшій составъ судей даетъ лучшій результатъ суда.

XXIV.

20 лѣтъ протекло со времени открытія новыхъ судовъ. Двадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ все общество, предводительствуемое печатью всѣхъ отѣнковъ, встрѣчало новые суды единодушнымъ восторгомъ. Много воды утекло за это время! Восторгъ общества, какъ всякій сильный порывъ, улегся, и мало по малу замѣнился чувствомъ менѣе сильнымъ, но болѣе постояннымъ и желаемымъ,—чувствомъ уваженія и довѣрія къ суду, которымъ не было мѣста въ прежнихъ судахъ. Общество сроднилось съ новыми судами и отношенія общества къ суду установились такія, которыя лучше всего доказываютъ высокую оцѣнку дѣятельности суда и которыя служатъ залогомъ того, что великое преобразование судовъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ общественной и народной жизни. Но чѣмъ же объясняется это соотвѣтствіе суда народной жизни и чѣмъ воспиталось довѣріе общества къ суду? Не могло же оно возникнуть само по себѣ только потому, что какой-то новый судъ замѣнилъ старый, безъ какихъ либо внутреннихъ и весьма сильныхъ причинъ? Доктриной суда присяжныхъ довѣріе и любовь къ нему поддерживаться и воспитаться не могли. Не только масса народа, но и не вся образованная часть общества вѣдаетъ о доктринѣ суда присяжныхъ и о политическихъ соображеніяхъ, которыя нѣкоторые доктринеры кладутъ въ основаніе теоріи суда присяжныхъ. Тѣмъ болѣе такія соображенія не могли придти на умъ русскаго общества и народа, что у насъ судъ присяжныхъ менѣе всего носитъ отѣнокъ политическій и ему весьма разумно приданъ совершенно другой характеръ.

Воспитались эти отношенія общества къ суду присяжныхъ вовсе не теоретическими и политическими соображеніями, которыя, по существу своему, чужды русскому народу. Общество, народъ, видитъ ежедневно этотъ судъ присяжныхъ, чувствуетъ его силу и значеніе на каждомъ шагу—и въ томъ, что онъ наблюдаетъ, онъ находитъ такъ много симпатичнаго, человѣчнаго, чего онъ прежде никогда не видывалъ, что невольно преклоняется предъ нимъ и любитъ его, даже несмотря на его ошибки.

Русскій человѣкъ, прежде всего, человѣкъ добрый, „сердечный“, и по природѣ своей врагъ всякаго педантизма; ему чуждъ тотъ формализмъ, которому охотно подчиняются другія народности, можетъ быть болѣе культурныя, но менѣе его „сердечныя“, добродушныя. Поэтому русскому человѣку всегда будетъ дорогъ тотъ судъ и вообще то учрежденіе, въ которомъ формализмъ не мѣшаетъ смотрѣть правильно на сущность дѣла. Сотни лѣтъ учатъ русскій народъ различнымъ формамъ и срокамъ; много поколѣній смѣнилось за эти годы и все таки ученіе не пошло въ прокъ и народъ никогда не пойметъ этого ученія, или, по крайней мѣрѣ, много лѣтъ еще потребуется для этого ученія. Волею неволею съ такимъ отвращеніемъ къ формѣ, къ педантизму, приходится считаться и закону, и государственной власти, и отдѣльнымъ лицамъ. и мы чуть не ежедневно видимъ уступки въ этомъ отношеніи народнымъ понятіямъ не только со стороны власти, но и со стороны закона. Отсюда становится понятнымъ, что русскому народу всегда будетъ чуждъ судъ формальный, рѣшающій дѣла не „по душѣ“.

Хотя и сложилась поговорка, что русскій человѣкъ „задумчивъ“, но въ дѣйствительности у него такъ много здраваго смысла, что онъ скоро даетъ вѣрную оцѣнку всему, соприкасающемуся съ нимъ въ его жизни, и легко находитъ въ немъ слабыя и сильныя стороны. Тамъ, гдѣ иной ученый изслѣдователь потратитъ много чернилъ и бумаги для опредѣленія характера какого либо явленія, тамъ иногда одно народное замѣчаніе, одно слово, рисуетъ вѣр-

ный взглядъ, вѣрную оцѣнку его.—Знающіе русскій народъ знаютъ и это. Немудрено, что народу съ такими особенностями духа, съ почти дѣтскимъ добродушіемъ, полюбился судъ, рѣшающій существо дѣла внѣ формальностей, по разуму и сердцу, „по правдѣ“, какъ говоритъ народъ. Эта увѣренность, что присяжные „разберутъ дѣло по правдѣ“, до такой степени глубоко укоренилась въ народномъ сознаніи, что она невольно сообщается даже подсудимымъ. Благодаря этому судебные дѣятели могутъ наблюдать замѣчательное явленіе:—изъ года въ годъ увеличивающееся число сознающихся подсудимыхъ, обычные отвѣты которыхъ въ прежнее время—„знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, все рѣже и рѣже слышатся на судѣ и на слѣдствіи. Особенно это замѣтно было въ первое время по открытіи судовъ.

Какъ сейчасъ помнимъ одинъ фактъ, ярко подтверждающій наши слова. Во время производства слѣдствія объ убійствѣ одного крестьянина снохою его, къ которой онъ, въ отсутствіе мужа, сперва приставалъ съ любовными предложеніями, а потомъ, получивъ рѣшительный отпоръ, билъ и притѣснялъ, такъ что ей. снохѣ, стало „не въ моготу терпѣть мученическія муки“, сноха, молодая крестьянка, стоя предъ судебнымъ слѣдователемъ упорно смотрѣла ему въ глаза и твердила одно: „я ничего про это дѣло не знаю“. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты волостнаго правленія (гдѣ производилось слѣдствіе и гдѣ стояло много народа) вышелъ почтеннаго вида крестьянинъ и, обращаясь къ обвиняемой, горячо сталъ ей говорить: „ахъ дура ты баба! чего ты молчишь? помолись на святую икону, да говори ихъ благородіямъ правду. Нешто изверги будутъ тебя судить? Нешто судьи не разберутъ твое „страдальное“ дѣло. Вонъ спроси Петра Климича (бывшаго присяжнымъ) какъ они судили. Нешто судьи даромъ человѣческую душу загубятъ....“ Замѣчательной рѣчи своей крестьянинъ не успѣлъ закончить, потому что обвиняемая упала на колѣни, слезы полились изъ ея глазъ и она созналась.

Много подобныхъ примѣровъ извѣстно намъ и всѣмъ су-

дебнымъ дѣателямъ и всѣ эти примѣры только подтверждаютъ наши слова и, потому, не однимъ приведеннымъ случаемъ, а массою ихъ доказывается, какъ глубоко народное сознаніе, что новый судъ, судъ присяжныхъ, не загубить человѣческую душу и разберетъ всякое „страдальное“ дѣло „по правдѣ“, по совѣсти.

Разумѣется это сознаніе не могло бы родиться и воспитаться въ народѣ и обществѣ короннымъ судомъ. Какъ ни былъ бы хорошъ коронный судъ, по своему составу и своимъ традиціямъ, онъ не можетъ вполнѣ удовлетворить понятію русскаго народа о „судѣ по правдѣ“, ибо никакой коронный судъ—чистый или смѣшанный (съ шеффенами)—не можетъ не считаться съ формальной стороною дѣла, не можетъ обойти ее ¹⁾. Тамъ, гдѣ судъ присяжныхъ отвѣтомъ „да, виновенъ“, или „нѣтъ, не виновенъ“, прямо и непосредственно отвѣчаетъ понятію общества о необходимости или ненужности возмездія, тамъ коронный судъ долженъ или прибѣгать къ софизмамъ (образчики котораго мы видѣли), или постановлять приговоры, прямо противорѣчащіе понятію общества о необходимости возмездія. И то и другое всегда будутъ противны русскому обществу и народу, и потому такой судъ никогда не удовлетворитъ его ²⁾.

¹⁾ Нужно имѣть еще въ виду, что у русскаго народа *исторически* сложилось недовѣріе къ короннымъ судьямъ, которое только въ послѣднее время, по открытіи новыхъ судовъ, мало по малу исчезло. Возникшее довѣріе къ короннымъ судьямъ, разумѣется, въ значительной степени, должно быть объяснено влияніемъ суда присяжныхъ.

²⁾ Смѣшанный судъ—судъ шефеновъ, подъ предсѣдательствомъ короннаго судьи, разумѣется, будетъ носить въ себѣ всѣ недостатки формальнаго суда, со всѣми недостатками суда выборнаго, потому что коронный судья, очевидно, будетъ не только предсѣдательствовать въ судѣ, но будетъ и руководить рѣшеніями суда. т. е. въ сущности будетъ единоличнымъ вершителемъ дѣла скрывающимся только за спиною шефеновъ. То, что можетъ быть терпимо въ военномъ судѣ, въ силу условій военной службы и дисциплины, то не будетъ пригодно въ судѣ гражданскомъ. дѣйствующемъ при другихъ условіяхъ.—Въ судѣ гражданскомъ это будетъ судъ единоличный, который не мо-

Противъ суда присяжныхъ поднимается иногда шумъ и крикъ, когда присяжные выносятъ „непонятный“ оправдательный вердиктъ, особенно по громкому дѣлу. Такіе непонятные вердикты должны встрѣчаться неминуемо, когда судъ присяжныхъ разсматриваетъ не десять двадцать дѣлъ въ годъ, а 30,000! Но какъ ничтожно должно быть число „непонятныхъ“ рѣшеній, если они указываются противниками суда только очень, очень рѣдко. Вѣдь если бы они были бы обыденнымъ явленіемъ въ жизни суда присяжныхъ, то, разумѣется, каждый день указывали бы на нихъ.

Говоря о преимуществѣ суда присяжныхъ и утверждая, что никакой коронный судъ не можетъ вызвать въ русскомъ народѣ такого искреннаго чувства къ нему, мы далеки отъ мысли бросать упрекъ коронному суду и нашимъ короннымъ судьямъ. *Заслуга короннаго суда другая, болѣе важная, но менѣе замѣтная.* Судъ присяжныхъ только тогда можетъ быть правильно поставленъ, когда общество, а слѣдовательно и присяжные, относится съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ суду, ибо, въ противномъ случаѣ, правильный судъ присяжныхъ немислимъ. Судебные дѣятели это поняли и своею осторожною и порядочною дѣятельностью заслужили довѣріе къ себѣ, т. е. къ суду, въ чемъ и заключается ихъ великая заслуга предъ обществомъ, которая не бросается въ глаза, но понимается всѣми. Общество сознаетъ, что успѣхъ суда присяжныхъ у насъ, въ значительной степени, если не вполне, зависѣлъ отъ короннаго суда, въ особенности въ первое время.

И вотъ, всѣмъ этимъ судъ присяжныхъ до такой степени сроднился съ обществомъ и народомъ, до такой степени сталъ

жеть быть приоденъ уже потому, что свой характеръ и свои недостатки онъ будетъ скрывать подъ маскою суда выборнаго и исполнѣ безотвѣстнаго. Вотъ почему, по глубокому нашему убѣжденію, судъ шефеновъ не только не принесетъ пользы дѣлу суда, но причинитъ прямой вредъ. Вотъ почему насъ и удивляютъ появляющіяся въ послѣднее время въ печати мнѣнія о необходимости замѣны суда присяжныхъ судомъ шефеновъ, замѣны того суда, который имѣетъ, до нѣкоторой степени, историческую почву подъ собою, судомъ „нѣмецкимъ“, совершенно чуждымъ духу русскаго народа.

ему дорогъ, что уничтоженіе его, разумѣется, не забылось бы такъ скоро, какъ уничтоженіе другихъ какихъ либо учреждений.

Въ прошлое царствованіе, изъ всѣхъ реформъ выдѣляются по своей великости двѣ реформы: крестьянская и судебная,—и дни 19 февраля и 20 ноября никогда не забудутся русскимъ обществомъ. Русскіе люди самыхъ различныхъ убѣжденій одинаково восторженно встрѣтили ихъ. Вотъ что писалъ одинъ русскій человѣкъ по поводу открытія новыхъ судовъ:

„Немногое изъ того, что совершилось прежде, и немногое изъ того, что можетъ намъ обѣщать впередъ самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться съ этимъ великимъ преобразованиемъ. Одно изъ самыхъ необходимыхъ и плодотворныхъ условій цивилизаціи есть правильное судебное устройство и его впервые получаетъ теперь Россія. Народная жизнь, гдѣ стихія права не имѣетъ надлежащаго развитія, неспособна ни къ какому благоустройству и находится въ состояніи варварства и безсилія. Все, чѣмъ только дорожить человеческое общество, предполагаетъ прежде всего идею законности и обезпечивается прежде всего его развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни.... Съ судебнымъ преобразованиемъ входитъ въ нашу жизнь совершенно новое начало, которое положить явственную грань между прошедшимъ и грядущимъ и которое не замедлитъ отозваться на всемъ. ..

Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ живою общественною силою, и идея законности права станетъ могучимъ дѣятелемъ народной жизни.... Только благодаря этому нововведенію, то, что называется закономъ свободою и обезпеченіемъ права, будетъ уже не словами, а дѣломъ. Великое преобразование!“ (1866 г. № 86. Москов. Вѣдом.).

„Новый, вступающій въ жизнь порядокъ, встрѣчается старыми понятіями и навыками (въ чемъ они заключались—поясняется въ другомъ мѣстѣ, словами: „до сихъ поръ администрація была все во всемъ“) и весьма естественно возникаетъ опасеніе, что онъ будетъ понимаемъ неправильно, что

будутъ дѣлаемы разнаго рода попытки подорвать его силу. *Такъ всегда и вездѣ бываетъ. Такъ, по всему вѣроятію, будетъ и съ тѣми порядками, которые возникаютъ въ Россіи, вслѣдствіе великихъ и всеобъемлющихъ реформъ, долженствующихъ положить ясную черту между прошедшимъ и грядущимъ. А потому правительство и общество должны соревновать въ заботахъ о томъ, чтобы сохранилась основная мысль преобразованія и чтобы въ новое судебное устройство не прокралось чего либо въ ущербъ его достоинству и самостоятельности*“ (Моск. Вѣдом. 1866 г. № 156).

Этимъ пожеланіемъ, которое, безъ сомнѣнія, единодушно раздѣляютъ съ нами и наши читатели, мы и заканчиваемъ наши очерки.

Серій Хрулевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Е. А. Нефедьевъ. *Устраненіе судей въ гражданскомъ процессѣ.* В. 1. Казань. 1885. Стр. 170.

Западные ученые давно сознають значеніе и важность монографической разработки отдѣльных, частныхъ, повидимому мелкихъ, вопросовъ науки. Они поняли, что научный прогрессъ немислимъ безъ тщательной разработки каждой отдѣльной части, изъ коихъ слагается вся наука. У насъ эта мысль еще не пользуется правомъ гражданства; у насъ подчасъ съ ироніею, подчасъ со злобою, отзываются объ ученыхъ, неоткрывшихъ новыхъ горизонтовъ, и положившимъ весь свой талантъ и свои знанія на изученіе нѣсколькихъ детальныхъ вопросовъ науки. Ни иронія, ни злоба, однако, не въ силахъ сбить съ намѣченнаго пути тѣхъ тружениковъ науки, которые отлично понимаютъ, что безъ кирпичей зданія не выстроишь и чѣмъ лучше, совершеннѣе кирпичъ, тѣмъ зданіе будетъ солиднѣе и прочнѣе.

Сочиненіе, заглавіе котораго мы выписали, имѣетъ своимъ предметомъ одинъ очень маленькій, но очень важный научный вопросъ; маленькій настолько, что ему посвящены 2—3 статьи въ гражданско-процессуальныхъ кодексахъ, и важный настолько, что при неправильномъ его разрѣшеніи страдаетъ вся судебная машина, попирается идея правосудія.—Имя автора уже извѣстно въ литературѣ. Онъ приватъ-доцентъ казанскаго университета и издалъ въ 1881 г. монографію

„Объ освобожденія недвижимаго имущества отъ описи третьими лицами, неимѣющими на свои имущества актовъ укрѣпленія“ и въ 1882 г.—свою вступительную лекцію „Задачи и элементы науки гражданского процесса“. О послѣдней работѣ мы высказали наше мнѣніе—мы привѣтствовали появленіе на кафедрѣ молодаго собрата, поставившаго себѣ солидныя задачи при предстоящемъ ему преподаваніи (см. жур. гражд. и угол. права 1883 г. кн. 9). Самъ по себѣ тотъ фактъ, что ученый, вполне подготовленный къ своей дѣятельности, избралъ предметомъ изслѣдованія небольшой вопросъ и подвергъ его тщательному анализу, въ высшей степени отраденъ и подкупаетъ въ пользу сочиненія; трудной, но плодотворной монографической разработкѣ небольшого вопроса дано предпочтеніе передъ открытіемъ новыхъ горизонтовъ.

Авторъ останавливается главнымъ образомъ на вопросѣ объ устраненіи судей по русскому праву (стр. 85 — 170), удѣливъ столько же мѣста правамъ римскому, германскому и французскому (стр. 9 — 84). Конечно, предъявлять къ каждой изъ главъ этой, какъ бы вступительной части работы, такія же требованія, какъ и къ главной,—нельзя, но, казалось бы, автору слѣдовало примѣнить одинаковый приемъ изслѣдованія къ каждой изъ главъ. Къ сожалѣнію, этого желательнаго единства приемовъ изслѣдованія мы не находимъ. Такъ, обратившись къ русскому праву, авторъ даетъ историческій очеркъ, затѣмъ разсматриваетъ положеніе вопроса до судебной реформы, наконецъ—по уставу, причемъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ, сперва анализируетъ постановленія устава съ усвоенной имъ точки зрѣнія, въ связи съ мотивами редакторовъ, затѣмъ обсуживаетъ данныя изъ кассационной практики и наконецъ подвергаетъ критикѣ мнѣнія нѣкихъ ученыхъ. Не тотъ приемъ примѣненъ къ разбору другихъ законодательствъ. Такъ, по римскому праву онъ даетъ весьма небольшой очеркъ вопроса въ историческомъ его развитіи, по германскому—исторіи собственно не даетъ, а разсматриваетъ постановленія устава вмѣстѣ съ постановленіями уставовъ уже отмѣненныхъ; мотивовъ новаго устава не касается: практику

совершенно оставляет въ сторонѣ, мнѣнія ученыхъ излагаетъ *ad hoc*. Пріемъ, наиболѣе близкій къ пріему, примѣненному авторомъ къ русскому праву, приложенъ имъ къ праву французскому; хотя и тутъ нѣтъ той раздѣльности частей (исторія, догма, практика, теорія) какая имѣется въ первой. Отдѣлъ римскаго и германскаго (отчего одного германскаго, а не австрійскаго?) права могъ бы быть изложенъ съ должною полнотою и раздѣльностью, если бы авторъ изложилъ римскій процессъ вмѣстѣ съ каноническимъ, причемъ воспользовался бы богатою средневѣковою италіанскою доктриною и практикою, а затѣмъ, при изложеніи германскаго процесса, отдѣльно разсмотрѣлъ бы догму обще-германскаго процесса (т. е. постановленія отмѣненныхъ кодексовъ), практику его, доктрину, затѣмъ, новый уставъ, въ связи съ мотивами, практику его, и мнѣнія, главнымъ образомъ, еѣ современныхъ комментаторовъ. Мы указываемъ на этотъ внѣшній недостатокъ сочиненія г. Нефедьева потому, что не будь его, сочиненіе выиграло бы въ стройности и цѣльности своей; но недостатокъ этотъ отнюдь не умаляетъ внутреннихъ достоинствъ работы. Достоинства эти — выдающіяся. Прежде всего, что дорого для юриста — опредѣленная, ясно сформулированная основная мысль и послѣдовательное ея проведеніе во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ работы. Можно не соглашаться съ нею, но нельзя отказать автору въ умѣннѣй ставить вопросъ на прочную почву и недопускать въ дальнѣйшемъ нималѣйшихъ колебаній. Основная мысль его та, что по особому отношенію судьи къ данному дѣлу, надобно рѣзко различать судью относительно — неправопособнаго (*inhabilis*) отъ судьи подозрительнаго (*suspectus*); что устраненіе судей — институтъ и публичнаго и частнаго права; что имъ удовлетворяется публичный интересъ тѣмъ, что устраняется судья, который по взгляду закона не отвѣчаетъ идеи судьи, и частный интересъ — тѣмъ, что устраняется судья, который предполагается сторонами пристрастнымъ, хотя законъ не предполагаетъ его таковымъ; первый признается относительно — неправоспособнымъ, второй — подозрительнымъ; основное различіе то, что участіе

перваго въ дѣлѣ запрещается и дѣлаетъ рѣшенія недѣйствительнымъ, участіе втораго дозволяется, но стороны могутъ его устранить, указывая на мотивы устраненія; участіе же его въ дѣлѣ не дѣлаетъ рѣшенія недѣйствительнымъ; первый можетъ быть устраненъ и тяжущимися во всякомъ положеніи дѣла, второй можетъ быть устраненъ лишь до истеченія извѣстнаго срока. Законъ долженъ допускать устраненіе и относительно неспособнымъ и подозрительныхъ судей; основаніе устраненія первыхъ то, что они судьи въ собственномъ дѣлѣ, основанія устраненія вторыхъ могутъ быть различны; первыя могутъ быть и не перечислены въ законѣ, и если перечислены, то подлежатъ распространительному толкованію; вторыя должны быть перечислены и подлежатъ ограничительному толкованію. Вотъ основныя положенія автора, съ точки зрѣнія которыхъ онъ и обсуждаетъ положительно—правовой матеріалъ. Относительно римскаго права авторъ приходитъ къ тому выводу, что въ формулярномъ процессѣ судья считался неспособнымъ разбирать дѣло потому, что это противорѣчило бы самому понятію о судѣ; въ послѣдующемъ же періодѣ судья считался неспособнымъ еще вслѣдствіе предположенія о томъ, что онъ не могъ оставаться безпристрастнымъ, при существованіи извѣстныхъ отношеній къ тяжущимся (стр. 22). Въ виду характеристики двухъ видовъ судей, данной авторомъ, можно мысль его формулировать такъ: въ формулярномъ процессѣ устранялись судьи относительно — неспособные, въ слѣдующемъ періодѣ—и подозрительные, причемъ въ обоихъ процессахъ право стороны устранять судью было ограничено срокомъ—моментомъ *litis contestatio*. Мы позволяемъ себѣ усомниться въ правильности вывода автора относительно формулярнаго процесса. Мы думаемъ, что въ этомъ процессѣ судья, *judex*, вовсе не могъ быть устраненъ. Авторъ допускаетъ, что лишь *post litem contestatam* *judex* не могъ быть устраненъ; мы думаемъ, что это было невозможно и *ante l. c.* ибо не можемъ, въ противность прямому заявленію автора (стр. 10), назвать устраненіемъ, *recusatio*, тотъ случай, когда отвѣтчикъ въ стадіи *judicem ferre adversario*, заявляетъ о не-

желаніи своемъ судиться у указаннаго истцемъ судьи. Что это не отводъ, можно видѣть изъ словъ самого же автора: „до момента соглашенія сторонъ лицо, предложенное истцемъ въ судьи, не было судьей, а такъ сказать кандидатомъ въ судьи“ (стр. 13). Если лицо предложенное не было судьей, то зачѣмъ же говорить объ отводѣ *судьи*? Отводъ судьи предполагаетъ лицо, удовлетворяющее всѣмъ условіямъ призванія къ отправленію судейской должности, а къ такимъ условіямъ при формулярномъ процессѣ была постоянность соглашенія сторонъ; предшествующій же соглашенію отказъ одной стороны, принять предложеніе другой, отводомъ названъ быть не можетъ. Но авторъ какъ будто сознаетъ шаткость своего вывода и послѣ разсужденій своихъ о стадіи *judicem ferre adversariū*, говорить, какъ бы мимоходомъ, что судья, являющійся самъ стороною или заинтересованнымъ въ дѣлѣ, не могъ быть *назначенъ* (стр. 24). Что значить назначенъ? Вѣдь стороны избирали судей и отвѣтчикъ не принималъ предложеннаго судьи безъ указанія на мотивы? Отвѣтчикъ, понятно, не согласился бы на избраніе въ судьи истца или лица заинтересованнаго, такъ что не зачѣмъ было закону упоминать о невозможности избранія этихъ лицъ. Очевидно, произошло недоразумѣніе. Авторъ сослался на такія мѣста Дигестъ, которыя касаются не формулярнаго процесса, а процесса временъ Юстиніана: L. 5 D. de recept. IV. 8. (Marcellus) и 17 D. de judiciis V. 1 (Ulpianus). Первое мѣсто говоритъ о третейскихъ судьяхъ, коими не могли быть сами стороны, (см. Windscheid—Lehrb. d. Pand. 2 стр. 524 пр 10) второе опредѣляетъ тотъ случай, когда судья *станетъ* наслѣдникомъ стороны; обстоятельство это мѣшаетъ ему быть судьей. Оба эти мѣста никакого отношенія къ отводамъ въ формулярномъ процессѣ не имѣютъ. Такъ что то положеніе, что въ формулярномъ процессѣ судья могъ быть устраненъ, да еще до *lit. cont.*—едва ли вѣрно. Скорѣе можно допустить, что судья могъ быть устраненъ *post l. c.*, когда наступитъ такое обстоятельство, которое даетъ основаніе предположенію о его пристрастіи. — Указывая на этотъ недостатокъ разбираемаго сочиненія,

мы далека отъ мысли придавать этому недостатку существенное значеніе; это невозможно, разъ-потому, что весь вопросъ объ устраненіи судей по римскому праву имѣетъ весьма небольшое значеніе въ наукѣ, а другое,—вопроса этого романисты почти не затрогиваютъ, а если затрогиваютъ, то высказываютъ мысли, весьма близкія къ тѣмъ, которыя высказаны авторомъ (см. напр. *Bûlow-Processe in ged.* стр. 291, 293 и др.).

Что касается нѣмецкаго права, то авторъ при изслѣдованіи вопроса объ устраненіи судей по этому праву, много мѣста удѣляетъ литературѣ общегерманскаго процесса. Конечно, литература эта не могла быть игнорирована, но ее слѣдовало бы утилизировать ранѣе изложенія нынѣ дѣйствующаго процесса, а именно, при изслѣдованіи прошлаго общегерманскаго процесса, какъ предверія имперскаго. Поступивъ такимъ образомъ, авторъ предотвратилъ-бы нѣкоторыя, весьма легко возможные недоразумѣнія. Онъ напр. полемизируетъ съ Ветцелемъ, признающимъ относительно-неспособнымъ судью, имущественно заинтересованнаго въ исходѣ процесса; всѣ же другія основанія неспособности, по мнѣнію этого ученаго, даютъ лишь сторонѣ право предъявить противъ судьи отводъ, то - есть дѣлаютъ судью подозрительнымъ. Авторъ, перепечатавъ цѣликомъ ст. 41 герм. устава указавъ на то, что въ статьѣ этой рѣчь идетъ о двухъ категоріяхъ случаевъ, когда судья признается относительно-неспособнымъ и что случаи одной изъ этихъ категорій ничѣмъ не рознятся отъ случаевъ, когда судья долженъ быть признаваемъ подозрительнымъ, продолжаетъ: „это обстоятельство подало поводъ Ветцлю“ и т. д. Выходитъ такъ, будто бы Ветцель имѣлъ въ виду 41 ст., устава. Неговора уже о томъ, что Ветцель не только не имѣлъ, но и не могъ имѣть ее въ виду, поводъ къ установленію дѣлаемаго имъ различія, какъ онъ самъ замѣчаетъ въ 1 прим. 720 стр., данъ былъ ему тѣмъ, что „*progrgia causa*“ слишкомъ узкое основаніе относительной неспособности судьи. — Затѣмъ, говоря о послѣдствіяхъ относительной неспособности судьи, авторъ находитъ постановленія германскаго устава согласными

со своими положеніями, но вносить въ толкованіе устава новую мысль, съ которой нельзя согласиться. Уставъ признаетъ основаніями неоспособности судьи: *propterea causa*, общее право или обязанность со стороною, обратныя требованія къ нему стороны, затѣмъ родство, бракъ, представительство и т. д. Авторъ полагаетъ, что только въ случаяхъ предъявленія отвода по имущественной заинтересованности судъ долженъ начать особое производство, въ остальныхъ случаяхъ, въ этомъ нѣтъ надобности. Не говоря уже о томъ, что авторъ, выдѣляя „имущественную заинтересованность“, какъ особое основаніе отвода, покидаетъ свою точку зрѣнія, съ которой особое значеніе можетъ быть придано лишь „*propterea causa*“, и становятся на точку зрѣнія Ветцеля—не говоря уже объ этомъ, авторъ проводитъ слишкомъ слабые доводы въ пользу своего мнѣнія, а именно, что вопросъ о заинтересованности есть вопросъ гражданского права, требующій признанія со стороны суда и что судья можетъ оспаривать правильность заявленія стороны. Эти соображенія одинаково примѣняются и къ другимъ основаніямъ отвода судьи напр. къ довѣренности, родству, опеке; и это вопросы гражданского права, и они могутъ вызвать споръ со стороны судьи. — Затѣмъ, авторъ подвергаетъ основательной критикѣ вопросы о немотивированномъ отводѣ и *iuramentum perhorrescentiae* и рѣшаетъ ихъ въ отрицательномъ смыслѣ. Заканчивается глава нѣмецкаго права вопросами объ отводахъ подозрительныхъ судей (основаній коихъ уставъ не перечисляетъ), о самоустраненіи судьи, которое допускается уставомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ судьи можетъ быть предъявленъ отводъ и объ устраненіи суда въ полномъ составѣ.

Глава о французскомъ правѣ содержитъ въ себѣ весьма интересный очеркъ исторіи устраненія судей, гдѣ политическая сторона вопроса выступаетъ весьма рельефно. Авторомъ прекрасно изложены колебанія французскаго законодательства, завершившіяся 37 ст. *C. de pr. c.* Въ статьѣ этой перечислены основанія отводовъ судей. То, что отводы эти могутъ быть предъявлены лишь до истеченія извѣстнаго срока, и

что участіе неотведеннаго судьи не влечетъ за собою недѣйствительности рѣшенія, приводитъ къ заключенію, что французскому праву извѣстны лишь подозрительные судьи, но не извѣстны неспособные и что, слѣдовательно, институтъ устраненія судей есть институтъ не публичнаго, а частнаго права. Основаніе этому выводу авторъ черпаетъ изъ исторически сложившагося взгляда, что предьявленіе противъ судьи отвода есть оскорбленіе его чести и что въ предотвращеніе этого оскорбленія на него возлагается нравственная обязанность заявить суду объ особомъ отношеніи своемъ къ дѣлу; обязанность эта возлагается на судью въ видахъ огражденія его нравственного достоинства. Авторъ не находитъ во французскомъ законѣ указаній на относительно—неспособныхъ судей, но за то онъ находитъ это во французской литературѣ и практикѣ. Статья 378 не даетъ права отводить судью, который самъ или жена котораго является стороною въ дѣлѣ. А между тѣмъ напр. Бурбо признаетъ такого судью относительно—неспособнымъ; эта же мысль проникла, по заявленію Гарсонэ, и въ практику. Такъ что, если не по французскому законодательству, то по французскому праву (законъ, доктрина и практика) признаются судьи обѣихъ категорій. Мы думаемъ—и уже разъ имѣли случай, въ другомъ мѣстѣ, (журн. гражд. и угол. прав. 1884 кн. 1) высказать эту мысль,—что и по французскому законодательству институтъ устраненія судей есть институтъ публичнаго права; что законодательство это незнаетъ судей подозрительныхъ, а знаетъ только относительно—неспособныхъ. Не отрицая того, что взглядъ на устраненіе судей, какъ на институтъ, находящійся въ тѣсной связи съ идеею о поддержаніи нравственнаго достоинства судьи во Франціи весьма распространенъ и имѣетъ историческіе корни, мы не можемъ признать этотъ институтъ частноправовымъ по двумъ соображеніямъ: 1) обязанность судьи въ случаяхъ, указанныхъ ст. 378, есть обязанность не нравственная только, а юридическая; если законъ говоритъ: *tout juges . . . sera tenu. . .*, то это значить, что на судью лежитъ юридическая обязанность, намѣреннымъ неисполненіемъ которой судья „com-

promet la dignite de son caractere* и подлежит дисциплинарной ответственности; 2) мнѣніе истолкователей первоисточника 380 ст. — Ордонанса 1667 г. — Дагюссо и Радье убѣждаетъ, что и по смыслу 380 ст. рѣшеніе, постановленное при участіи судьи, находящимся въ особыхъ отношеніяхъ къ дѣлу, считается ничтожнымъ. Это подкрѣпляется и первымъ изъ приведенныхъ аргументовъ. Такой взглядъ на устраненіе судей, конечно, не мирится съ преклюзивностью права отвода судей, но такой характеръ этого права оказывается явнымъ противорѣчіемъ существу устраненія судей; это такая непослѣдовательность, которая можетъ быть, если не оправдана то объяснена, съ одной стороны, тою путаницей, какая прежде господствовала въ наукѣ по вопросу о процессуальныхъ возраженіяхъ, а съ другой — тою несчастною *litis contestatio*, которая имѣла смыслъ въ Римѣ и, вопреки здравому смыслу, перешла въ другіе западные процессы и вызвало непомѣрное увлеченіе въ теоретикахъ. До Бюлова наука не знала существа процессуальныхъ возраженій, какъ заявленій объ отсутствіи того или другаго предположенія процесса; не зная различія между абсолютными и относительными предположеніями, наука не различала возраженій въ собственномъ смыслѣ, отъ напоминаній суду о необходимости возбуждать вопросъ объ отсутствіи того или другаго абсолютнаго предположенія процесса; не зная этого различія, ученые придавали преклюзивный характеръ, то праву дѣлать возраженія, то праву напоминать суду или судья его обязанности. Преклюзивный характеръ былъ приданъ и праву напомнить судья его обязанность устранить себя отъ участія въ разсмотрѣніи дѣла. Что касается *litis contestatio*, то и въ современной теоріи и въ процессахъ глубоко засѣла мысль о томъ, что это есть какой-то такой моментъ процесса, до наступленія коего дѣло должно быть очищено отъ всякихъ плевелъ и за предѣлами этого момента должно явиться въ чистомъ и точно установившемся видѣ; въ такомъ видѣ, чтобы оставалось только его разрѣшить. Къ такимъ плевеламъ и была отнесена неспособность судьи, въ виду особыхъ его отношеній къ дѣлу. Такою ложною идеею только и объяснишь себѣ: почему судья могъ быть

устраненъ только „avant la commencement de la plaidoirie“. Насколько публичный характеръ присущъ институту устранения судей видно уже изъ того, что запрещеніе предъявлять противъ судьи отводъ позже опредѣленнаго срока, ровно никакого практическаго значенія имѣть не можетъ; тогда какъ во всеоружіи своего значенія выступаетъ самоустраненіе или устраненіе судьи по предложенію коллегіи, точнѣе предсѣдателя, обязаннаго наблюдать за исполненіемъ судьями и другими лицами своихъ обязанностей. Въдѣ если законъ запрещаетъ сторонамъ предъявлять отводъ противъ судьи позже опредѣленнаго срока, то это лишь значить, что сторона не можетъ настаивать на совершеніи судомъ ряда дѣйствій, слѣдующихъ за предъявленіемъ отвода; но запрещеніе это не имѣетъ того значенія, что сторона не можетъ заявить суду о неспособности судьи. Спрашиваю, разъ такое заявленіе сдѣлано, не подскажетъ ли судья то чувство нравственнаго достоинства, о которомъ такъ много и такъ хорошо говорятъ французскіе ученые, что онъ самъ долженъ себя устранить? Не можетъ быть, чтобы онъ остался совершенно безучастенъ къ заявленію стороны. Затѣмъ, если обязанность самоустраненія есть обязанность юридическая — въ чемъ мы увѣрены — то не вызываетъ ли несвоевременное заявленіе отвода необходимости вмѣшательства предсѣдателя въ формѣ указанія судья, что онъ долженъ заявить о своемъ отношеніи къ дѣлу? На эти вопросы только и возможны безусловно утвердительные отвѣты. Въ результатѣ — своевременность и несвоевременность отвода различаются лишь по процедурѣ: въ первомъ случаѣ наступаетъ сложное производство по *recusation*, на основаніи ст. 483—495, а во второмъ — судъ лишь обсуждаетъ, безъ соблюденія особыхъ формальностей, долженъ ли судья *s'abstenir*; при основательности отвода или заявленія суда, судья будетъ устраненъ и, такимъ образомъ, государственный интересъ — будетъ удовлетворенъ. Вотъ соображенія, по которымъ мы остаемся при прежнемъ взглядѣ на устраненіе судей по французскому праву. Заканчиваетъ эту главу авторъ вопросомъ объ устраненіи суда въ полномъ составѣ.

Глава объ устраненіи судей по русскому праву начинается историческимъ очеркомъ, обнимающимъ періодъ времени отъ уложенія 1649 г. до судебной реформы. Суть этой главы заключается во второй части (§ 3) гдѣ анализируются постановленія устава гражданского судопроизводства. Авторъ находитъ глубокое различіе по вопросу объ устраненіи судей между французскимъ и нашимъ уставами. Первый знаетъ лишь судей подозрительныхъ, и не знаетъ судей относительно-неспособныхъ, по второму—судья и относительно неспособенъ и подозрителенъ: основанія самоустраненія и основанія отвода—тѣже или, какъ остроумно замѣчаетъ авторъ: судья въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ лишается права быть судьей и не лишается этого права, рѣшеніе постановленное при его участіи и недѣйствительно и дѣйствительно, отводъ противъ него можетъ быть прѣявленъ во всякомъ положеніи дѣла и лишь въ извѣстной срокъ (стр. 123). Совершенно такъ, какъ по французскому праву. Авторъ, однако, этого недопускаетъ и думаетъ что противорѣчіе это объясняется тѣми редакціонными измѣненіями, которыя коммисія внесла въ первоначальный проектъ. Въ проектѣ было 5 статей: въ первой приведены основанія устраненія судей, во 2-й дозволяется приводить и другія основанія, въ 3-й—допускается и самоустраненіе и устраненіе сторонами, въ 4-й—судья обязывается устранить себя въ случаяхъ, указанныхъ въ первой ст. и въ 5-й—опредѣляется срокъ устраненія судьи сторонами. По мнѣнію автора, 5 ст. относилась только къ случаямъ, о которыхъ говорилось въ ст. 2 и слѣдовательно признано было лишь право устранять судью подозрительнаго, устраненіе же по 1 ст. не было ограничено срокомъ. Затѣмъ, 2 статья выбрасывается и благодаря этому ст. 5 стала относиться къ случаямъ, указаннымъ въ ст. 1 и появляется упомянутое противорѣчіе. Съ этимъ да позволено будетъ не согласиться. Выводъ автора былъ бы вѣренъ, если бы были вѣрны предпосылки: 5-я изъ указанныхъ статей вовсе не относится исключительно къ случаямъ, указаннымъ въ ст. 2; въ ней признается преклюзивность права устраненія судьи какъ по 1, такъ и по 2 ст. Противурѣчіе было бы и въ томъ

случаѣ, если бы 2 статья проекта вошла въ уставъ. Редакторы устава, выбросивъ ее (какъ и говорятъ въ мотивахъ) только и желали выбросить правило о подозрительныхъ судьяхъ, и въ дѣйствительности больше ничего не сдѣлали, развѣ только приблизили создаваемый ими законъ къ французскому кодексу. Всѣ соображенія, изложенныя нами по поводу послѣдняго, примѣняются и къ нашему праву, т. е. видимое противорѣчіе устраняется тѣмъ, что судья лишается въ силу закона права быть судьей, что рѣшеніе, при его участіи постановленное, недѣйствительно и заявленіе можетъ быть сдѣлано во всякомъ положеніи дѣла. Съ этимъ согласенъ и г. Нефедьевъ, высказываясь противъ тѣхъ рѣшеній сената, коими признано, что участіе въ дѣлѣ не отведеннаго судьи не есть поводъ кассачіи, и влечетъ за собою лишь наказаніе судьи; онъ одобряетъ рѣшенія противоположныя, ^(68 886, 79 1123) основанныя по египетскому не на буквальномъ смыслѣ закона. Съ этой точки зрѣнія, разумѣется, право сторонъ отводить судью есть, какъ мы, выразились въ другомъ мѣстѣ, право субсидіарное (уп. рец. стр. 141). Таковымъ авторъ и признаетъ его на стр. 132, но на стр. 121—не признаетъ.

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ совершенно вѣрной выводъ изъ законовъ объ устраненіи судей, что въ случаѣ, въ этихъ законахъ указанныхъ, судьи отводимы быть не могутъ, но высказывается противъ этого ограниченія. Мы не станемъ повторять основательныхъ соображеній редакторовъ устава въ пользу исключенія изъ проекта второй статьи, замѣтимъ лишь, что указаніе автора на то, что это ограниченіе противорѣчитъ исторіи института устраненія судей, т. е. до-реформенному законодательству, не убѣдительно; опытъ до-реформеннаго суда убѣждаетъ, что широкое, почти безграничное право отвода судей—было зло, тормозящее процессъ и профанирующее судей. Также неубѣдительно указаніе автора на то, что сама жизнь указываетъ на необходимость расширенія права отвода; сенату приходилось отмѣнять рѣшенія благодаря участію въ дѣлѣ судей подозрительныхъ, по основаніямъ неуказаннымъ въ законѣ. Прежде всего, юристъ не можетъ не признать такіа рѣшенія сената противорѣчащими прямому

смыслу закона, а затѣмъ, надо замѣтить, изъ четырехъ приведенныхъ авторомъ рѣшеній, только два могутъ быть признаны неправильными, а именно рѣшенія, коими признанъ законнымъ отводъ судьи, замѣнившаго вводный листъ, выданный имъ противнику, другимъ (⁷¹/771) и отводъ предсѣдателя сѣзда, двоюроднаго брата мирового судьи, постановившаго рѣшеніе (⁷¹/110). Въ другихъ двухъ случаяхъ сенатъ стоялъ на совершенно законной почвѣ; рѣчь шла объ устраненіи мировыхъ судей, изъ коихъ одинъ состоялъ предсѣдателемъ земскаго собранія, а другой предсѣдателемъ управы, по дѣламъ земства; положимъ, что въ одномъ случаѣ сенатъ вовсе не мотивировалъ рѣшенія, а въ другомъ привелъ невѣрный мотивъ („участіе въ дѣлѣ“), но по существу взглядъ его вѣренъ. Оба эти мировые судьи — предсѣдатели вѣдъ суть представители земства, какъ юридическаго лица, т. е. завѣдывающіе, управляющіе его дѣлами и потому подходятъ подъ категорію лицъ, упоминаемыхъ въ п. 2 ст. 195. — Вообще надо замѣтить, что авторъ оставилъ безъ разсмотрѣнія много весьма интересныхъ кассационныхъ рѣшеній напр. ⁶⁷/422, ⁷³/1608 гдѣ говорится, что даже въ случаѣ несвоевременнаго заявленія отвода, судья долженъ устранить себя отъ участія въ рѣшеніи дѣла (см. сказанное выше о французскомъ правѣ) — Затѣмъ, авторъ переходитъ къ обзору литературы, полемизируя съ гг. Малышевымъ и Анненковымъ и съ нами. На дѣлаемые намъ возраженія мы уже выше представили свои замѣчанія; полемизируя съ упомянутыми учеными, авторъ съ принятой имъ точки зрѣнія обсуждаетъ мнѣнія своихъ противниковъ. Полемика ведется спокойно и дѣльно. Послѣдній параграфъ посвященъ вопросу о самоустраненіи судей, т. е. вопросу о томъ, можетъ ли судья устранить себя внѣ случаевъ, указанныхъ въ законѣ. Отвѣтъ данъ утвердительно; съ чѣмъ и можно согласиться, хотя бы въ виду того, что законъ перечисляетъ лишь случаи, когда судья „обязанъ“ устранить себя, оставляя за нимъ „право“ устранить себя и въ другихъ случаяхъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что сдѣланными нами критическими замѣчаніями, мы далеки отъ мысли умалять значеніе

солидной, строго научной и добросовѣстной работы г. Нефедьева. Трудъ этотъ дѣйствительно цѣнный вкладъ въ нашу бѣдную гражданско-процессуальную литературу. Отъ души желаемъ, чтобы почтенный авторъ продолжалъ детальную разработку нашего гражданского процесса, и также неуклонно и послѣдовательно, какъ и въ этотъ разъ, шель по пути, намѣченному въ его „Задачахъ и элементахъ науки гражданского процесса“.

А. Гольмстенъ.

А. Поворинскій. *Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву С.ПБ. 1886 г. Стр. XVI + 392.*

Намъ еще не приходилось давать отзыва о томъ или другомъ сборникѣ или указателѣ въ томъ смыслѣ, что онъ, со стороны выполненія, слишкомъ хорошъ, т. е., что составитель разрѣшилъ свою задачу столь полно, что эта самая полнота перешла далеко за предѣлы желательнаго и необходимаго. Сборникъ г. Поворинскаго заставляетъ высказаться именно въ этомъ смыслѣ. Въ указатель вышло 6128 нумеровъ. Это, повидимому, совершенный сюрпризъ даже для занимающихся спеціально гражданскимъ правомъ. Мы обыкновенно толкуемъ о поразительной бѣдности нашей цивилистической литературы, а тутъ вдругъ 6128 сочиненій! Въ дѣйствительности, это сюрпризъ лишь мнимый—если изъ этихъ шести тысячъ сочиненій сотня имѣетъ научное значеніе и относится прямо къ гражданскому праву—это шѣхитум. Можно сказать, что указатель этотъ есть не только указатель литературы гражданского права, но и указатель всѣхъ сочиненій, имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ гражданскому праву—все, что имѣетъ таковое къ нему отношеніе вошло въ указатель; жидкія передовицы газетъ, официальные изданія, хранящіяся въ архивахъ разныхъ учреждений, рефераты и библіографическія замѣтки, нерѣдко заключающіеся въ двухъ трехъ строкахъ, печатанныя als Manu-

script лекціи профессоровъ, затѣмъ сочиненія по политической экономіи, процессу, государственному праву и т. п., наконецъ указаніе на одно и тоже сочиненіе по нѣскольку разъ (Мейеръ, Побѣдоносцевъ и др.) въ разныхъ отдѣлахъ и главахъ— все это увеличило число нумеровъ до крайности. Но такова была задача, и можно возражать противъ нея, но ужъ никакъ не противъ ея выполненія. Это уже не первый сборникъ, составленный г. Поворинскимъ; какъ раньше, такъ и нынѣ онъ обнаружилъ замѣчательное трудолюбіе, добросовѣстность и аккуратность; благодаря принятымъ имъ приемамъ, пользованіе указателемъ до нельзя облегчено: заглавія сочиненій расположены въ довольно строгой научной системѣ и кромѣ того имѣются два указателя: фамилій авторовъ и предметный. Благодаря этимъ качествамъ указатель г. Поворинскаго долженъ сдѣлаться настольною книгою, какъ для теоретиковъ, такъ и для практиковъ. На него можно положиться; прочитавъ всѣ сочиненія и статьи по тому или другому вопросу можно быть вполне увѣреннымъ, что прочелъ все, что по данному вопросу было напечатано на русскомъ языкѣ. Есть еще одна полезная сторона указателя—педагогическая. Говоримъ на основаніи опыта: указатель весьма облегчаетъ выполненіе учащимися обязательныхъ письменныхъ работъ, и нерѣдко заставляетъ ихъ выбрать тому именно по гражданскому праву, въ виду того, что, благодаря указателю, есть возможность ознакомиться съ литературою вопроса; по другимъ отраслямъ права нѣтъ такихъ указателей и приходится тратить дорогое время на розысканіе матеріала, котораго все таки и половины не разыскать.—Мы желаемъ полного успѣха этому въ высшей степени полезному труду и если бы составителю пришлось изготovitъ новое изданіе, то посовѣтавали-бы ему ни одного нумера не выбрасывать. Замѣчанія, сдѣланныя нами противъ излишней полноты, вовсе не имѣютъ того значенія, что мы возводимъ эту полноту въ недостатокъ; нѣтъ, мы только хотѣли сказать, что тотъ колоссальный трудъ, который потраченъ на розысканіе даже газетныхъ статей, могъ бы быть сбереженъ; если же онъ разъ по-

траченъ, то уничтожать плоды его нѣтъ разумнаго основанія. Затѣмъ, мы посовѣтовали бы почтенному составителю внести въ новое изданіе и сочиненія по русскому гражданскому праву, написанныя на иностранныхъ языкахъ; ихъ сравнительно немного, но есть между ними весьма цѣнные работы, напр. *Elements de droit civil russe* Леера, *Der Kaufvertrag* Соколова, *Vormund schaftsrecht* Рейца и др.

А. Гольмстенъ.

За три мѣсяца: январь, февраль и мартъ 1886 г. *Справочный сборникъ для мировыхъ судей, судебныхъ приставовъ и повѣренныхъ. Псковъ 1886 г. Стр. 58.*

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ практиковъ, не имѣющихъ, по многимъ причинамъ, возможности слѣдить за развитіемъ законодательства, судебной практики и литературы, на предпринятое во Псковѣ изданіе. Издатели предполагаютъ каждые три мѣсяца выпускать по книжкѣ, объемомъ не свыше 60-ти страницъ, содержащей въ себѣ извлеченія изъ собранія узаконеній, сборниковъ кассационныхъ рѣшеній и юридическихъ статей, помѣщенныхъ въ общихъ и специальныхъ журналахъ. Первый выпускъ толково составленъ, какъ видно, умѣлою рукою. Весь сборникъ обойдется въ годъ 80 к., а между тѣмъ дастъ читателю возможность быть au courant.

А. Гольмстенъ.

ЗА МѢСЯЦЪ.

(Юридическая хроника).

Слухи объ ограниченіи гласности судебныхъ разбирательствъ по нѣкоторымъ дѣламъ.—Недопущеніе женщинъ и дѣтей въ судебныя засѣданія.—Возраженія противъ публичности предсѣдательскихъ резюме, по дѣламъ, разбираемымъ при закрытыхъ дверяхъ.—Объ отрицат. заявленіи сторонами неудовольствія на приговоры мировыхъ судебныхъ установленій.—Измѣненіе 87 ст. улож. о нак.—По поводу 1617 ст. улож. Вопросъ изъ нотаріальной практикы.—Два обвинительныхъ приговора о редакторахъ наиболѣе распространенныхъ газетъ. Статья П. В. Муравьева—О судебной службѣ.—Новый оригинальный трудъ профессора Харьковскаго университета А. Е. Владѣмірова.

До насъ доходятъ слухи, что предполагается въ значительной мѣрѣ ограничить публичность судебныхъ засѣданій по дѣламъ, рассматриваемымъ какъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, такъ и безъ ихъ участія, и въ этомъ смыслѣ измѣнить 620—622 и 624 ст. уст. угол. суд. Безъ дыма огня не бываетъ и разъ указанный слухъ настойчиво повторяется—можно, полагаемъ, безошибочно сказать, что несомнѣнно какой либо проектъ по этому вопросу существуетъ и что имъ предположено расширить правѣ суда закрывать двери засѣданій, какъ для извѣстныхъ разрядовъ лицъ (напр. для учащихся), такъ и вообще для публики. Въ какой мѣрѣ предполагается ограниченіе гласности мы не знаемъ, но есть принципы, которые должны быть охраняемы отъ всякихъ потрясеній, какъ бы таковыя незначительны ни были. Не-

обходимость подобной охраны вполне выясняется мудрой народной пословицей, что лиха бѣда начать. Не подлежит сомнѣнію, что къ числу этихъ принциповъ долженъ быть отнесенъ и принципъ гласности. Въ медовый мѣсяцъ судебной реформы, конечно, странно было бы и доказывать это положеніе, но теперь, когда у насъ все перепуталось, когда опроверчиваются самыя дорогія идеи, положенныя въ основу судебныхъ уставовъ, когда судебное вѣдомство подвергается на страницахъ извѣстныхъ органовъ систематической травлѣ, приходится напоминать самыя элементарныя истины, приходится заниматься азбукой науки права и процесса. Читатели хроники не посѣтуютъ, поэтому, на насъ за то, что мы подробно остановимся на вопросѣ, бывшемъ 20 лѣтъ тому назадъ безспорнымъ. Впрочемъ, противъ широкой гласности, допускаемой при разборѣ уголовныхъ дѣлъ, всегда слышались возраженія. Напримѣръ, одинъ изъ такъ называемыхъ братьевъ-криминалистовъ — Я. И. Баршевъ (братъ гораздо болѣе извѣстнаго профессора Московскаго университета С. И. Баршева) доказывалъ, что „народъ, стекающійся на мѣсто суда, можетъ быть только худымъ контролеромъ судебныхъ дѣйствій“. Къ слову сказать, Я. И. еще меньше гласности одобрялъ и „словесное“ производство. Онъ утверждалъ, что „оно служитъ обыкновенно источникомъ незрѣлаго и необдуманнаго рѣшенія уголовныхъ дѣлъ и влечетъ за собою ораторство въ судахъ, столь вредное и противодѣйствующее требованіямъ правды и справедливости, что подъ покровомъ и защитой его часто самый низкій злодѣй сходитъ съ суда съ титуломъ человека невиннаго, къ явному соблазну и негодованію цѣлаго народа“. Ничѣмъ лучше нельзя оцѣнить великій трудъ составителей уставовъ, какъ сравнивая его съ мнѣніями цѣлковыхъ тогдашней русской криминалистики (старожилы увѣряютъ, что Баршевъ любилъ называть себя и брата своего С. И. цѣлками русской криминалистики). И при составленіи судебныхъ уставовъ нѣкоторые возраженія противъ гласности были приняты во вниманіе и было признано необходимымъ установить, что хотя, по общему правилу, дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ произво-

дятся публично, но изъ сего исключаются дѣла: 1) о богохуленіи, оскорбленіи святыни и порицаніи вѣры; 2) о преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ; 3) о преступленіяхъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ и 4) о развратномъ поведеніи и противоестественныхъ порокахъ и сводничествѣ (ст. 620). Основаніемъ для исключенія указанныхъ разрядовъ дѣлъ, изъ числа дѣлъ разбираемыхъ гласно, по объясненію составителей уставовъ, послужило то обстоятельство, что дѣла эти оскорбляютъ самыя святыя чувствованія, служащія основаніемъ нравственности. „Неизмѣримо велика скорбь родителей, замѣчаютъ составители уставовъ, понесшихъ оскорбленіе отъ тѣхъ, кои обязаны имъ не только воспитаніемъ и повседневными о нихъ заботами, но и самымъ существованіемъ своимъ. Выставлять такую скорбь на показъ и допускать виновныхъ къ представленію публично оправданій, которыя могутъ имѣть видъ навістовъ на родителей и сопровождаться непочтительными въ отношеніи къ нимъ возраженіями, значило бы усугублять несчастіе родителей и воспроизводить передъ публикой возмутительную для нравственного чувства картину“. Признавая изложенное соображеніе настолько важнымъ, чтобы измѣнить, благодаря ему, одно изъ коренныхъ основаній судебной реформы, составители уставовъ поспѣшили оговорить (ст. 621), что и по дѣламъ, въ ст. 620 перечисленнымъ—двери засѣданія могутъ быть закрыты только при явной въ немъ необходимости, съ точнымъ обозначеніемъ въ опредѣленіи суда, какія именно дѣйствія должны происходить при закрытыхъ дверяхъ *и по какимъ причинамъ*. Всѣ же другія возраженія противъ вреда гласности они не признали заслуживающими уваженія, а противъ требованія слушать дѣла о вредныхъ ученіяхъ, при закрытыхъ дверяхъ, составители уставовъ дали слѣдующее замѣчательное объясненіе: „Если бы судъ служилъ первоначальнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственнымъ мѣстомъ оглашенія вредныхъ ученій, то гласное обсужденіе преступленій этого рода могло бы произвести вѣкоторый соблазнъ въ средѣ присутствующихъ лицъ. Но вредныя ученія подвергаются разсмотрѣнію суда уже въ

то время, когда они успѣли проникнуть въ общество или словесною пропагандою, или чрезъ печатное слово. Распространители ихъ являются въ судъ не для своего торжества, но для обличенія проповѣданной ими лжи. Поэтому, въ открытомъ обсужденіи этихъ преступленій нельзя видѣть способъ ихъ распространенія. Не тщательное сокрытіе вредныхъ ученій, а обличеніе ихъ здоровою критикою есть самое дѣйствительное противъ нихъ оружіе. Съ этой точки зрѣнія приговоръ суда есть также критика, но болѣе еще вліятельная, такъ какъ она исходитъ отъ имени законной и всѣми уважаемой власти, которая, порицая самое ученіе, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и отвѣтственность лицъ, его распространявшихъ. Необходимо, чтобы такая критика суда, выражаемая въ его приговорѣ, происходила гласно, какъ гласно совершались самыя преступленія. Тайный судъ способенъ только дать вредному ученію большее, противъ дѣйствительности, значеніе: онъ можетъ совершенно неправильно навести на мысль, что общество страшится его и признаетъ себя безсильнымъ для гласнаго его обсужденія. Любопытство и стремленіе познать преслѣдуемыя теоріи являются только при келейномъ разборѣ этихъ преступленій. Если же отнять у нихъ привлекательные и заманчивые атрибуты таинственности, то они сдѣлаются столь же ненавистными, какъ и другія имъ подобныя дѣянія. Въ преступленіяхъ, явно совершающихся и могущихъ оказать не одно мѣстное, но и общее зло, особенно важно не подавать даже и повода къ нареканіямъ противъ справедливыхъ судебныхъ рѣшеній. По дѣламъ о распространеніи вредныхъ ученій, гласное обличеніе и осужденіе виновныхъ полезнѣе, чѣмъ во всякихъ другихъ дѣлахъ. Посему не признано пужнымъ допускать въ отношеніи къ дѣламъ этого рода какое либо изъятіе изъ общаго правила о гласности судопроизводства“. Затѣмъ, въ сравнительно позднѣйшее время, противъ гласности судебныхъ разбирательствъ было выставлено слѣдующее соображеніе. Утверждали (послѣ печальной памяти дѣла Засуличъ), что по нѣкоторымъ дѣламъ публичное разбирательство не можетъ

быть произведено безпристрастно, благодаря давленію публики. Это давленіе можетъ-де выражаться рѣзкимъ порицаніемъ, выраженнымъ участвующими лицами въ самомъ засѣданіи, и хотя остановленнымъ предсѣдателемъ, но уже послѣ того, какъ оно оказало свое дѣйствіе, или во время перерывовъ засѣданія. При чемъ эти выраженія чувствъ публики бывають иногда подготовлены самими обвиняемыми, заранѣе устроившими эти представленія (намъ указывали по этому поводу, между прочимъ, на дѣло Дубецкаго). Особенно вредно такая подтасованная публика отзывается на свидѣтеляхъ, избѣгающихъ говорить правду, въ виду рѣзко выраженного общественнаго мнѣнія.

Приведенное соображеніе не кажется намъ особенно серьезнымъ и указанная имъ опасность легко предотвратится всякимъ дѣльнымъ и опытнымъ предсѣдателемъ. Напр., по приведенному въ примѣръ дѣлу Дубецкаго, всѣ заготовленные имъ сценическіе эффекты, до выстрѣловъ включительно, не оказали никакого вліянія на постановку правильного обвинительнаго приговора.

Третье возраженіе,—которое намъ привелось слышать, указывающее на то, что по нѣкоторымъ дѣламъ публичное оглашеніе ихъ не можетъ быть допущено, какъ противорѣчащее видамъ правительства, гораздо болѣе серьезно, но говорить о немъ нечего, такъ какъ по закону 1881 г. и администрація имѣетъ право требовать отъ суда закрытія дверей засѣданія, если она находитъ, что публичное разсмотрѣніе дѣла можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка (это право принадлежитъ администраціи въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ состояніи усиленной охраны). Разъ подобное право принадлежитъ администраціи вообще, то едва ли, конечно, основательно лишать подобнаго права и администрацію юстиціи, въ рукахъ которой могутъ находиться свѣдѣнія о томъ, что извѣстное дѣло, публично разсмотрѣнное, можетъ повести за собою возбужденіе умовъ или нарушеніе порядка (хотя и въ этихъ случаяхъ осмотнительнѣе было бы просить сенатъ о переносѣ дѣла въ другой округъ).

Указанныя возраженія касаются нѣкоторыхъ категорій судебныхъ дѣлъ, но, кромѣ того лица, даже всецѣло отстаивающія принципъ гласности судебныхъ засѣданій, указываютъ на то, что этому принципу нисколько не противорѣчитъ запрещеніе извѣстнымъ категоріямъ лицъ посѣщать судебныя засѣданія и требуютъ дополненія уставовъ въ этомъ смыслѣ. Это требованіе правильнѣе предъидущихъ. Можно считать простымъ пробѣломъ отсутствіе въ уставѣ уголовного судопроизводства воспрещенія посѣщать судебныя засѣданія воспитанникамъ учебныхъ заведеній и, вообще, всѣмъ несовершеннолѣтнимъ, такъ какъ нельзя считать нарушеніемъ публичности производства недопущеніе въ публичныя засѣданія лицъ, не пользующихся всѣми гражданскими правами. Присутствіе несовершеннолѣтнихъ при такихъ важныхъ функціяхъ общественной жизни, какъ отправленіе правосудія, подрываетъ тотъ характеръ серьезности, которымъ они должны сопровождаться. Но что еще важнѣе—оно должно губительно отзываться и на самихъ юныхъ слушателямъ, немогущихъ правильно оцѣнить того, что передъ ними происходитъ. Задача суда—разборъ болѣзненныхъ явленій общественнаго быта, разборъ, который не можетъ не вліять вредно на восприимчивыя души молодежи. Министерство народнаго просвѣщенія, на обязанности котораго лежитъ забота о воспитаніи подросткаго поколѣнія, чрезъ 17 лѣтъ послѣ открытія новыхъ судовъ увидѣло, что посѣщеніе судебныхъ засѣданій гимназистами не можетъ быть отнесено къ хорошимъ педагогическимъ средствамъ, и 21 января 1884 г. запретило воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній присутствовать въ числѣ публики въ залахъ судебныхъ засѣданій. Министръ юстиціи немедленно предложилъ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ оказывать должное содѣйствіе къ исполненію этого распоряженія министра народнаго просвѣщенія. Кромѣ недопущенія несовершеннолѣтнихъ, возникалъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли запрещать присутствовать при судебныхъ засѣданіяхъ лицамъ, потерявшимъ гражданскую честь, правильнѣе сказать—осужденнымъ за совершеніе корыстныхъ преступленій. Въ Пруссіи, напр., законъ 1852 г. предоставлялъ судѣй-президенту вос-

прещать указаннымъ лицамъ входить въ залу засѣданій, если онъ усматривалъ въ ихъ присутствіи опасность для порядка. Въ старомъ австрійскомъ уставѣ § 223 давалъ президенту право позволять входить въ засѣданіе только взрослымъ и прилично одѣтымъ мужчинамъ. Въ новомъ уставѣ 1873 г. это правило не сохранилось, хотя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оно можетъ быть было бы и нелишнимъ: такъ, зимою залы нашихъ судовъ нерѣдко полны подозрительными оборванцами, пришедшими погрѣться. Конечно, ожидать, что гласность окажетъ на подобныхъ посѣтителей благотворное вліяніе и убѣдить ихъ въ нравственной пользѣ и силѣ уголовного правосудія—едва ли основательно, но трудность и неудобства разбора, возможность притѣсненій и ошибокъ, заставляютъ, однако, и въ такихъ случаяхъ стоять за допущеніе совершеннолѣтнихъ въ залы засѣданій безъ всякихъ изыятій. Судъ, какъ и храмъ, должны быть доступны для наибольшаго числа людей. Установленіе привилегій въ обоихъ случаяхъ неумѣстно и нежелательно.

Наконецъ, спорять о цѣлесообразности безусловнаго допущенія женщинъ въ залы засѣданій, по дѣламъ, въ которыхъ тѣми или другими слѣдственными дѣйствіями можетъ быть оскорблена женская стыдливость. Одни утверждаютъ, что недопущеніе женщинъ присутствовать въ засѣданіяхъ по этого рода дѣламъ, не только не противорѣчитъ началу публичности, но, наоборотъ, можетъ дать возможность суду избѣжать закрытія дверей для прочихъ лицъ. Миттермайеръ и многіе другіе криминалисты не признаютъ, однако, указаннаго обстоятельства достаточнымъ поводомъ для лишенія женщинъ права присутствовать въ судебныхъ засѣданіяхъ даже по дѣламъ, касающимся половыхъ сношеній. причемъ ссылаются на примѣръ Англіи, гдѣ хотя и существуетъ правило, что по этого рода дѣламъ, до начала засѣданія, приставъ долженъ объявить: „дѣти и женщины,—уходите“!—но на практикѣ оно никогда не исполняется и дѣла объ изнасилованіяхъ и дѣтоубійствахъ производятся публично. Мы лично не видимъ достаточныхъ основаній приравнивать женщинъ въ малолѣткамъ, и разъ до начала засѣданія

объявлено, что разбор дѣла можетъ оскорбить женскую стыдливость, то оставшихся послѣ этого въ залѣ засѣданія женщинъ, конечно, ни стороны, ни свидѣтели, стѣсняться не будутъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о гласности, нужно, хотя бы въ немногихъ словахъ, коснуться вопроса о томъ, какія дѣйствія обязательно должны быть совершаемы при открытыхъ дверяхъ.

Въ силу 624 ст. уст. угол. судопр., двери судебного засѣданія должны быть безусловно открываемы тотчасъ по окончаніи преній сторонъ, такъ что по дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, заключительныя объясненія предсѣдательствующаго на судѣ должны всегда происходить публично Ст. 624, благодаря неточной редакціи, возбуждала сомнѣніе: слѣдуетъ ли открывать двери засѣданія тотчасъ по окончаніи преній, или послѣ постановки вопросовъ, непосредственно слѣдующихъ за преніями. Теперь многіе высказываютъ мнѣніе, что такъ какъ и въ преніяхъ по постановкѣ вопросовъ и въ заключительномъ словѣ предсѣдателя возможно болѣе или менѣе подробное изложеніе дѣла, оглашеніе котораго нежелательно, то слѣдуетъ, по дѣламъ, производимымъ при закрытыхъ дверяхъ, публично объявлять лишь одинъ приговоръ. Въ подтвержденіе ссылаются на 174 § германскаго учрежденія судебн. устан. (1877 г.) и австрійскій уставъ 1873 г. Противъ этого можно возразить, что если стороны, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, часто вынуждены жертвовать мягкостью выраженій для того, чтобы выяснить дѣло присяжнымъ, убѣдить ихъ, то предсѣдатель, въ своемъ резюме, не нуждается въ рельефности выраженій и въ подчеркиваніяхъ—ему достаточно и полусловомъ наполнить присяжнымъ то или другое обстоятельство дѣла. Наконецъ, по вѣрному замѣчанію К. К. Арсеньева, „судъ не салонъ, въ которомъ царствуетъ изысканная деликатность выраженій; кто боится услышать грубое слово или рассказъ, возмущающій тонкое нравственное чувство, тому лучше не ходить въ засѣданія суда. Судъ не обязанъ заботиться о случайныхъ впечатлѣніяхъ того или другаго изъ слушателей, или слушательницъ, собравшихся въ судебное засѣданіе“. Во всѣхъ

приведенныхъ нами возраженіяхъ противъ гласности есть одна общая черта: выдвигаются частныя неудобства, и забывается общее, великое, дисциплинирующее значеніе гласности для судей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важно помянуть, что гласность есть важнѣйшая гарантія правильности судебного производства и что ею, главнымъ образомъ, поддерживается въ судьяхъ живое и добросовѣстное отношеніе въ дѣлу, и что никакой видъ служебнаго контроля и надзора надъ дѣятельностью судей, не можетъ состязаться съ силою общественнаго контроля и надзора за ними. Благодаря гласности юстиція не теряетъ связи съ жизнью и уваженія къ ея требованіямъ, въ которой лежитъ залогъ истиннаго правосудія. Если законъ, говоритъ Миттермайеръ, ограничиваетъ гласность производства даже въ видахъ общественнаго порядка или въ интересъ государства, то и тогда эти выраженія такъ неопредѣленны, что всегда можно справедливо опасаться злоупотребленій и произвола въ ограниченіи гласности.

Лицамъ, практически знакомымъ съ мировыми учрежденіями, не разъ, вѣроятно, случалось сталкиваться съ затрудненіями, порождаемыми 1 п. 181 ст. уст. угол. судопр., въ силу котораго обжалованіе приговоровъ мировыхъ судебныхъ учрежденій возможно лишь подъ условіемъ заявленія въ суточный срокъ неудовольствія на постановленный приговоръ. Правительствующій сенатъ обратилъ вниманіе на эти затрудненія и, какъ мы слышали, существуетъ предположеніе отмѣны 1 п. ст. 181. Нельзя не желать осуществленія этого проекта и нельзя не остановиться на разборѣ указанной 181 статьи, имѣющей крупное практическое значеніе.

Составители судебныхъ уставовъ, вводя правило о заявленіи неудовольствія, руководились мыслью, что у мировыхъ судей, гдѣ дѣла разсматриваются по существу, обязательное присутствіе обвиняемаго, кромѣ случая заочнаго разбирательства, обставленнаго особыми гарантіями, исключаетъ возможность фактическихъ затрудненій для заявленія, въ теченіи сутокъ, о своемъ намѣреніи обжаловать приговоръ;

относительно же мировыхъ сѣздовъ имѣлось въ виду то соображеніе, что при заявленіи неудовольствія кѣмъ либо изъ сторонъ, мировой сѣздъ обязанъ объяснить, въ какой срокъ и какимъ порядкомъ можетъ быть обжалованъ приговоръ, а по проекту учрежденія судебныхъ установленій время и мѣсто собранія мирового сѣзда должны быть заранее опредѣлены, объявлены по волостямъ и приходамъ, опубликованы во всеобщее свѣдѣніе припечатаніемъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ,—почему всякій заинтересованный въ дѣлѣ, предполагалось, будетъ имѣть возможность знать куда и когда онъ долженъ явиться.

Цѣли, которыхъ хотѣли достигнуть введеніемъ указаннаго правила въ уставѣ угол. суд., казались весьма существенными и заслуживающими серьезнаго вниманія: 1 п. 181 ст. долженъ былъ способствовать скорѣйшему окончанію дѣлъ и безотлагательному исполненію приговоровъ. Эта скорость являлась особенно желательной, потому что въ дѣлахъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ—дѣлахъ маловажныхъ, состояніе подъ судомъ не рѣдко является для обвиняемаго болѣе тяжкимъ, чѣмъ самое наказаніе, которое ему угрожаетъ; поэтому для сторонъ несомнѣнно важно знать—получило ли дѣло окончательное разрѣшеніе, или оно будетъ пересматриваться высшей инстанціей. Для нѣкоторыхъ обвиняемыхъ просидѣть дня четыре—пять подъ арестомъ, тотчасъ по рѣшеніи дѣла, не представлять особой тяготы. Ждать же двѣ недѣли вступленія приговора въ законную силу—это грозитъ потерю не четырехъ дней, а вдвое болѣе, если напримѣръ мѣстожителство обвиняемаго находится въ 60—70 верстахъ отъ уѣзднаго города, и связано съ тратами, для бѣдняка болѣе чувствительными, чѣмъ арестъ. По дѣламъ, оканчивающимся у мировыхъ судей, 1 п. 181 ст. далъ тѣ результаты, какіе отъ него ожидалось составителями судебныхъ уставовъ, но совершенно иное мы видимъ, когда поведемъ рѣчь о мировыхъ сѣздахъ. Къ разбирательству въ сѣздахъ стороны не вызываются, за исключеніемъ дѣлъ, влекущихъ за собою для обвиняемыхъ тюремное заключеніе. Явились стороны или

нѣтъ—приговоръ считается объявленнымъ, разъ онъ провозглашенъ въ засѣданіи. Пройдутъ сутки послѣ этого провозглашенія—приговоръ вступаетъ въ законную силу и путь къ отысканію правосудія въ сенатѣ закрытъ. Между тѣмъ, неявка одного изъ тяжущихся къ разбору дѣла въ сѣздъ — легко можетъ зависѣть отъ причинъ, внѣ его воли лежащихъ. Первая изъ этихъ причинъ заключается всецѣло въ организаціи нашихъ сѣздовъ. Въ рѣдкомъ сѣздѣ существуетъ такой порядокъ слушанія дѣлъ, чтобы можно было заранее разсчитать, когда будетъ слушаться оконченное тогда-то у мирового судьи дѣло. И мировые судьи грѣшатъ несвоевременнымъ представленіемъ въ сѣздъ апелляціонныхъ жалобъ, и земскія почты не рѣдко поспаливаютъ и, наконецъ, непремѣнные члены сѣздовъ часто далеко не всѣ поступившія дѣла назначаютъ къ слушанію въ ближайшее засѣданіе сѣзда, на что сенатъ уже и обращалъ вниманіе. Такимъ образомъ, чтобы не пропустить засѣданія сѣзда, нужно имѣть повѣреннаго въ городѣ, гдѣ собирается сѣздъ, а далеко не всякій тяжущійся имѣетъ на это средства. Кромѣ того, при нашихъ невозможныхъ путяхъ сообщенія и необъятныхъ пространствахъ, опоздать на сѣздъ очень нетрудно. Весною текущаго года въ сенатѣ разсматривался вопросъ—можно ли заявлять неудовольствіе на приговоръ сѣзда по телеграфу и сенатъ разъяснилъ, что можно, если судъ не усумнится въ подлинности телеграммы. Очевидно, что подобное рѣшеніе могло быть вызвано только убѣжденіемъ сената въ необходимости парализовать неудобства, вытекающія изъ 1 п. 181 ст. Сношеніе сторонъ съ судомъ посредствомъ телеграфа едва ли можетъ быть признано нормальнымъ. Убѣдиться же въ подлинности телеграммы, т. е. въ томъ, что она послана именно тѣмъ лицомъ, чья подпись на ней находится, у сѣзда нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Поэтому отмѣна 1 п. 181 ст. желательна, при чемъ обвиняемому, содержащемуся подъ стражею и необжаловавшему приговоръ мирового судьи, апелляціонный срокъ слѣдовало бы засчитывать

вать въ срокъ наказанія, безразлично—увеличить или нѣтъ этотъ срокъ мировой сѣздъ.

Наше обращеніе къ читателямъ хроники, къ нашему искреннему удовольствію, не осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь. Однимъ изъ первыхъ откликнулся членъ череповецкаго суда, А. В. Лазаревскій, приславшій намъ обстоятельный отчетъ о четырехъ сессіяхъ череповецкаго суда. Къ отчету этому мы вернемся, когда накопится матеріалъ для сужденія о дѣятельности присяжныхъ, а теперь слѣшимъ выразить признательность г. Лазаревскому и другимъ нашимъ корреспондентамъ и отвѣтить на предлагаемые ими вопросы.

Первый вопросъ, предлагаемый г. Лазаревскимъ, слѣдующій: По новому закону—растратившій общественныя деньги староста или старшина, на сумму менѣе 300 руб., и не-возвратившій ихъ своевременно, подлежитъ, за силою 3 п. 354 ст., простому тюремному заключенію; тотъ же старшина и староста, возвратившій своевременно растратенное, исключается изъ службы (2 ч. 354 ст.), каковое наказаніе, согласно 87 ст. улож., можетъ быть замѣнено тюрьмою съ лишеніемъ правъ, т. е. меньшее преступленіе влечетъ за собою болѣе строгое наказаніе—чего, конечно, не должно быть.

Сомнѣніе г. Лазаревскаго совершенно основательно и можетъ быть объяснено единственно недосмотромъ. Мы слышали, что на него уже обращено вниманіе г. управляющаго министерствомъ юстиціи. Замѣнить исключеніе изъ службы для лицъ, не изъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, какимъ либо другимъ наказаніемъ—безусловно необходимо. Исключеніе изъ службы сельскаго старосты не только не будетъ для него наказаніемъ, а напротивъ—обстоятельствомъ крайне желательнымъ, такъ какъ служба для него одна тягота. Поэтому предполагается, вмѣсто исключенія изъ службы, лицъ, отъ тѣлесныхъ наказаній неизъятыхъ, подвергать тюремному заключенію безъ лишенія правъ.

Второй вопросъ г. Лазаревскаго состоитъ въ слѣдующемъ: ст. 1617 улож. о нав. или 152 и 177 уст. предусматриваютъ случай, когда лоцманъ, ведя судно съ кулями муки и желая воспользоваться послѣднею, просверлилъ въ стѣнахъ судна дыры и пустилъ его ко дну, а затѣмъ распродалъ муку? Намъ кажется, что безусловно правильно признать это дѣяніе предусмотрѣннымъ 1 ч. 1257 улож. (2 и 3 ч. 1617 ст.), такъ какъ подъ ст. 152 уст. можетъ быть подведено лишь поврежденіе какой либо части судна, а отнюдь не потопленіе всего корабельнаго строенія. Ст. 1257 говоритъ, что корабельщикъ, провертѣвшій отверстіе въ суднѣ и тѣмъ его затопившій, подлежитъ наказанію по 1617—въ высшей мѣрѣ, а 3 ч. 1617 ст. именно и предусматриваетъ случай потопленія суда съ цѣлью воспользоваться чужимъ имуществомъ. Лоцманъ же долженъ быть причисленъ къ корабельнымъ служителямъ (а не водеходцамъ), такъ какъ онъ исправляетъ на суднѣ опредѣленныя обязанности (922 ст. торг. устава). Конечно, примѣненіе ст. 1257 и 1617 возможно лишь при условіи доказанности, что затопленіе судна не угрожало опасностью бывшимъ на суднѣ рабочимъ. Что же касается до порядка, въ которомъ должно разбираться указанное дѣло, то имѣя въ виду, что къ VIII раздѣлу уложенія, въ который входитъ ст. 1257, нѣтъ общаго примѣчанія, по которому дѣянія, имъ предусмотрѣнныя, должны были-бы разбираться въ частномъ порядкѣ, намъ кажется, что таковыя дѣла и не могутъ подлежать примирительному разбирательству, хотя для наказанія ст. 1257 и отсылаетъ къ ст. 1617.

Одинъ изъ провинціальныхъ нотаріусовъ прислалъ намъ письмо, съ просьбою отвѣтить на весьма важный и не рѣдко возникающій въ нотаріальной практикѣ вопросъ о томъ, можно ли въ купчей крѣпости продать имѣніе въ долгъ? Нѣкто продалъ свой домъ за 3000 р., съ условіемъ полученія 1000 р. при написаніи купчей, а остальные 2000 р.— въ 1 числу іюня. Купчая съ этимъ условіемъ была совершена у младшаго нотаріуса, но старшій нотаріусъ въ ут-

верженіи представленной выписи отказалъ, вслѣдствіе условленной отсрочки платежа 2000 р., въ чемъ и выдалъ копію съ журнальнаго постановленія, мотивировавъ свой отказъ нарушеніемъ 77 ст. нот. полож., и полагая, что постановленное въ купчей условіе отсрочки денегъ не согласуется съ формой, приложенной къ 1420 ст. гражд. зак. Отказъ въ утвержденіи купчей, какъ полагаетъ г. младшій нотаріусъ неправиленъ. Неправилень, потому во 1-хъ, что 77 статьею нотар. полож. требуется соблюденіе тѣхъ правилъ, установленныхъ гражданскими законами, статьи которыхъ указаны въ 22 и 23 ст. вр. правилъ по нотаріальной части, а въ данномъ случаѣ, при составленіи купчей, статьи гражд. зак., которыя должны быть приняты въ руководство, указываются пункт. а) 23 ст. врем. правилъ о нотар. части (1381—1396, 1402, 1425, 1433, 1434, 1436, 1442, 1447, 1448, 1450—1454, 1460—1468 т. X ч. 1, по прод.), гдѣ ни въ одной статьѣ не содержится запрещенія совершать купчія съ отсрочкой покупной суммы, всей или въ частяхъ, что подтверждается и въ разъясненіяхъ сената (1877 г. № 278, 1878 г. № 173) по этому предмету, въ 2-хъ, что отсрочка покупной суммы относится къ договорной сторонѣ купчей крѣпости, зависящей отъ сторонъ, а не къ самому акту укрѣпленія и въ 1530 ст. X т. ч. 1 гражд. закон. не воспрещается, а напротивъ дозволяется договаривающимся сторонамъ „включать по обоюдному согласію и по ихъ усмотрѣнію всякія условія, законамъ не противныя, о срокахъ, о платежахъ...“, что въ отношеніи купчей крѣпости и разъясняется въ рѣшеніи гражд. кас. департ. 1871 г. № 171: „По закону, продажа отнесена къ числу способовъ пріобрѣтенія правъ на имущество, независимо отъ возникающихъ изъ нея кредитныхъ отношеній, въ силу особеннаго соглашенія сторонъ, т. е. съ совершеніемъ на условіяхъ кредита купчей и съ передачею имѣнія,—переходъ онаго къ покупщику долженъ быть признанъ совершившимся, ибо вмѣсто имѣнія получено удовлетвореніе кредитомъ“; 3-хъ, что формы изданы лишь въ видѣ примѣровъ, для облегченія

нотаріусовъ (собр. узакон. 1871 г. № 68), а не для буквального ихъ выполненія; въ 4-хъ, что на основаніи ст. 92, 116 и 117 нот. пол., выпись опредѣляется той или другой сторонѣ по взаимному соглашенію, съ цѣлю обезпеченія платежей; при купчей же отъ продавца недвижимаго имущества исполнѣ зависитъ обезпечить полученіе покупной суммы, установивъ при заключеніи сдѣлки, что выпись какъ нотаріальнаго, такъ и крѣпостнаго акта, должны быть выданы продавцу (рѣш. гр. кас. деп. 1876 г. № 203 и 1877 г. № 278); въ 5-хъ, что помѣщеніемъ въ купчей условія отсрочки платежа и полученіемъ выписей продавцомъ, а не покупателемъ, исполнѣ гарантировано первымъ полученіе со втораго отсроченныхъ 2000 р., такъ какъ при этихъ только условіяхъ онъ можетъ воспользоваться правомъ, даваемымъ 1424 статьею гр. зак. Желалельно бы знать—чѣмъ рѣшилъ споръ судъ, которому обжаловано постановленіе старшаго нотаріуса?

Въ прошломъ мѣсяцѣ сильную сенсацію произвели приговоры по дѣламъ Берга и Ададуровой, по которымъ редакторы Новаго Времени и Новостей приговорены къ 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію. Такъ какъ приговоръ по второму дѣлу неокончательный, то мы воздержимся что либо говорить по его поводу. Замѣтимъ одно, что дѣло очень мало было разъяснено со стороны защиты Нотовича и г. Градовскій (защитникъ Нотовича) не воспользовался всѣмъ матеріаломъ, находящимся въ дѣлѣ.

Дѣло редактора Новаго Времени окончено. Сенатъ утвердилъ приговоръ палаты, и юридическіе вопросы, вытекающіе изъ этого дѣла, мы, быть можетъ, рассмотримъ въ слѣдующей хроникѣ. Насколько мы знаемъ, мнѣнія юристовъ по этому дѣлу расходятся только относительно размѣровъ наказанія. Но какъ бы то ни было, строго или нѣтъ осудили г. Федорова, мы крайне были удивлены и оскорблены тѣми инсинуаціями, которыя позволила себѣ эта газета по поводу приговора, и высказываемъ наше глубокое убѣжденіе, что подобное отноше-

ніе къ суду, дѣйствующему именемъ Государя Императора, — болѣе чѣмъ неприлично. Дѣлать предостереженія судьямъ *всѣхъ инстанцій* Новое Время не имѣло ни фактическаго, ни нравственнаго права, и подобныя выходки, составляющія несомнѣнное злоупотребленіе печатнымъ словомъ, не должны бы проходить даромъ. Конечно, не мы будемъ говорить противъ свободы печатнаго слова, намъ эта свобода дорога и мы готовы ратовать за нее всѣми силами, но вѣдь нельзя же позволять глумленій, шутовства и зубоскальства надъ такими учрежденіями, какъ судъ. Критикуйте, доказывайте, опровергайте — но не ругайтесь. Кто самъ неспособенъ понять эту простую истину, тому необходимо разъяснить это приговоромъ суда.

Приводимъ полученную нами замѣтку по поводу статьи Н. В. Муравьева „О судебной службѣ“, помѣщенной въ Юридическомъ Вѣстникѣ за настоящій годъ.

„Общая много по заглавію, говоритъ нашъ корреспондентъ, статья настолько бѣдна содержаніемъ, состоя изъ повтореній статей III т. и учр. суд. уст., по изд. госуд. канц., что, конечно, ей не мѣсто на страницахъ спеціальнаго журнала, и г. Муравьевъ былъ бы вполне послѣдователенъ, если бы ограничилъ распространеніе ея словесной бесѣдой въ кругу кандидатовъ на судебныя должности, для которыхъ авторъ ее и предназначалъ: ибо кому же изъ лицъ служилаго класса, изъ лицъ взрослыхъ вообще, неизвѣстно, что чиновникъ долженъ быть трудолюбивъ, доступенъ, честенъ; что къ гражданамъ, къ нему обращающимся по дѣлу, онъ „долженъ относиться со всевозможною вѣжливостью и терпѣніемъ, внимательно и заботливо“. Правда, что эти условія не всегда выполняются на практикѣ, но тѣмъ не менѣе никакъ нельзя раздѣлять соображеній г. Муравьева, что эти качества должны быть присущи лишь чинамъ судебного вѣдомства, что только „судебныя установленія существуютъ ¹⁾ не сами для себя,

¹⁾ „Юридич. Вѣст.“—сентябрь стр. 74 и 75.

ж. гр. и уг. пр. кн. х 1886 г.

а для общества“. Развѣ чиновникъ казначейства, полиціи, акциза, не тотъ же слуга общества? 712—727 (т. III) устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства, одинаково обязательны какъ для нихъ, такъ и для лицъ судебного вѣдомства. Упустивши эти обстоятельства изъ виду, г. Муравьевъ тѣмъ самымъ впалъ въ крайнюю идеализацію судебной службы; но мысль автора была бы вѣрной, если бы онъ ограничился указаниемъ, что судебныя учрежденія, призванныя къ возстановленію совершившихся правонарушеній, уже по этому одному должны состоять изъ лицъ, которыя бы служили для другихъ примѣромъ, по возможности, безупречной служебной дѣятельности и жизни вообще. Тутъ авторъ, въ противовѣсъ приведеннымъ имъ пословицамъ и стихотворенію Некрасова, въ которыхъ отразился взглядъ народа на дореформенный судъ, что „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“, могъ бы указать своимъ молодымъ слушателямъ, какъ примѣръ того довѣрія, которое успѣлъ заслужить новый судъ, въ теченіи его еще молодой 20 лѣтней жизни, на народнаго писателя И. А. Салова, у котораго кто-то изъ народа говоритъ: „какъ же можно безъ суда: судъ первое дѣло“¹⁾.

Вообще, идеализирующая судебную службу, до требованія отъ судьи „особаго свѣта совѣсти“ и „проницательнаго разума“²⁾ (какія точныя и опредѣленныя понятія!!), статья г. Муравьева грѣшитъ еще больше тѣмъ же недостаткомъ въ частности, по поводу прокурорскаго надзора: „въ отжившемъ судебномъ строѣ трудно что-либо помянуть добромъ, говоритъ авторъ, *развѣ только непотерявшую и теперь цѣлности идею закономѣрнаго надзора прокуроровъ за мѣстными учрежденіями*“.... И здѣсь авторъ, для полной послѣдовательности въ своей статьѣ, останавливаясь на выдержкахъ изъ писателей, не долженъ былъ бы забывать—какъ о дореформенномъ прокурорѣ говорилъ Собакевичъ въ „Мертвыхъ душахъ“. Что же касается „закономѣрности“ надзора прокуроровъ въ настоящее время, то врядъ-ли это

¹⁾ „Четыре времени года“ И. А. Салова въ „Недѣлкѣ“ за 1883 г.

²⁾ стр. 247 „Юридич. Вѣст.“ октябрь.

положеніе выдержитъ сколько-нибудь строгую критику, разъ потребуются факты. Вспомнимъ дѣла слѣдователей Федорова, Карновича, дѣло Мироновича, прочтемъ ревизію слѣдственной части въ Петербургѣ сенатора Н. М. Окулова и мы увидимъ, что прокурорскій надзоръ, даже въ наблюденіяхъ за слѣдственною частью, въ непосредственной его обязанности, далекъ отъ выполненія своего назначенія; еще болѣе фиктивнымъ представляется прокурорскій надзоръ за учрежденіями, при которыхъ они состоятъ. Начать съ того, что прокуроры въ высшихъ учебныхъ юридическихъ заведеніяхъ учатся тому же, что и другіе, особой школы для нихъ нѣтъ, нѣтъ и особаго депо, которое бы поставляло специальныхъ прокуроровъ, а потому безпочвеннымъ остается положеніе г. Муравьева о законѣрности прокурорскаго надзора за мѣстными учрежденіями. Внушеніе молодымъ юристамъ такихъ идей о всеилии и всезнаніи прокурорскаго надзора, какъ это дѣлаетъ г. Муравьевъ, даже вредно, ибо даетъ фальшивое представленіе о судебныхъ функціяхъ этой должности, которое, прижившись, можетъ породить ту кичливость въ средѣ будущихъ прокуроровъ, которая господствовала въ министерствѣ графа Палена и накликала даже на нихъ кличку „гвардіи министерства юстиціи“ — явленіе, слава Богу, уже отжившее и нежелательное въ возграту“.

Разъ коснувшись области текущей юридической литературы, мы не можемъ пройти молчаніемъ присворбнаго явленія. Мы говоримъ о только что вышедшей книгѣ проф. харьковскаго университета Л. Е. Владимірова „Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Особенная часть. Книга первая. Личный судейскій осмотръ и заключенія экспертовъ. Харьковъ 1886 г.“ Вышедшая книга составляетъ 3-й выпускъ изданія, предпринятаго года три-четыре назадъ, о первыхъ выпускахъ котораго въ нашемъ журналѣ была помѣщена обстоятельная статья В. К. Случевского. Приобрѣта вновъ вышедшій выпускъ, мы имѣли намѣреніе дать отчетъ о немъ въ библио-

графическомъ отдѣлѣ журнала, но, ознакомившись съ нимъ, должны были оставить это намѣреніе, по слѣдующей причинѣ: Изъ 136 страницъ *новаго труда* проф. Владимірова, 104 стр. оказались *буквальной* перепечаткой его монографіи „О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ“ (вышедшей въ 1870 г.); 12 страницъ заняты выводами изъ этого перепечатаннаго матеріала; слѣдовательно, новаго въ книгѣ всего двадцать страницъ, о которыхъ не стоитъ писать рецензіи—ни по объему, ни по содержанію. Изъ всей монографіи г. Владимірова не удостоились перепечатки только первыя 10 страницъ и опущено нѣсколько неважныхъ примѣчаній. Конечно, каждый авторъ хозяинъ своего труда, но едва ли умѣстно допустить, чтобы авторъ создавалъ совершенно невѣрное представленіе о своей книгѣ и вводилъ въ заблужденіе неопытнаго читателя; а между тѣмъ г. Владиміровъ поступаетъ именно такъ, утверждая, что онъ не желая обременять текстъ ученія о доказательствахъ *выписками* изъ монографіи „о значеніи врачей-экспертовъ“, представляетъ подробное *извлечение* изъ этой монографіи, какъ мотивы къ § 1 настоящаго отдѣла. Странное понятіе объ извлеченіи. Положимъ авторъ оговаривается, что его монографія для публики недоступна, что она библиографическая рѣдкость, но лица, имѣющія его монографію, безъ затрудненій увидятъ, что никакого извлечения нѣтъ, что подъ видомъ новой, они приобрѣли старую книгу, и это открытіе можетъ навести на размышленія, не особенно лестныя для автора. Мы отнюдь не отрицаемъ достоинствъ монографіи г. Владимірова, но вѣдь въ 16 лѣтъ много воды утекло, наука и практика сильно ушли впередъ. Неужели же они ничего не сказали новаго по вопросу объ экспертизѣ? Болѣе чѣмъ странно, поэтому, въ сочиненіи, претендующемъ на серьезное значеніе, имѣющемъ, по мнѣнію его автора, „цѣлью пополнить важный пробѣлъ въ нашей юридической литературѣ“, видѣть въ 1886 году ссылки на литературу ¹⁾ и рѣшенія сената до 70 г. и

¹⁾ Впрочемъ есть единственная новая вставная ссылка на книгу г. Штольца

читать такое примѣчаніе: „Писано до изданія обще-германскаго устава уголовного судопроизводства 1877 года“.

Монографія г. Владимірова, по ея появленіи, вызвала не мало замѣчаній. Противъ основныхъ ея положеній: „экспертъ есть научный судья“ — „экспертиза не есть уголовное доказательство,“ — возражалъ весьма серьезно К. К. Арсеньевъ, въ своей извѣстной книгѣ „Судебное слѣдствіе“. Такъ какъ эта послѣдняя книга въ настоящее время тоже слѣбалась библиографическою рѣдкостью, то мы позволимъ себѣ напомнить эти возраженія.

„Для того, чтобы повѣрить правильность положеній монографіи, говоритъ Арсеньевъ, необходимо прежде всего опредѣлить, кого можно считать судьей, что можно считать доказательствомъ. Судьею, въ техническомъ смыслѣ этого слова (а г. Владиміровъ вездѣ старается придавать употребляемымъ имъ терминамъ именно техническое значеніе), можетъ быть признаваемъ лишь тотъ, кто не только обсуждаетъ извѣстный вопросъ, но и постановляетъ о немъ рѣшеніе—рѣшеніе обязательное, пока оно не отмѣнено или не замѣнено другимъ рѣшеніемъ, въ установленномъ для того того порядкѣ. Экспертъ обсуждаетъ вопросъ, даже разрѣшаетъ его, но имѣетъ ли это рѣшеніе обязательный для кого нибудь характеръ, окончательное для чего нибудь значеніе? Можно ли считать вопросъ, о которомъ дали заключеніе эксперты, вопросомъ поконченнымъ, не подлежащимъ болѣе обсужденію при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла?—Конечно нѣтъ; этого не утверждаетъ и самъ г. Владиміровъ. И такъ, заключеніе экспертовъ нимало не обуславливаетъ собою вердикта присяжныхъ; оно должно быть разсматриваемо не какъ преюдиціальное (по выраженію г. Владимірова) рѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ, а только какъ матеріалъ для правильнаго ихъ рѣшенія. Еще болѣе сильнымъ аргументомъ противъ теоріи г. Владимірова служить устанавливаемое имъ самимъ различіе между экспертизой научной и ненаучной. Онъ признаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда предметъ экспертизы можетъ быть понятъ присяжными безъ особыхъ затрудненій, съ помощью простаго разъясненія его лицомъ компетентнымъ, экспертъ яв-

ляется не судьей, а только истолкователем известнаго вопроса. Но какъ провести разграничивающую черту между предметами доступными и не доступными для пониманія присяжныхъ, между экспертизой научной и ненаучной? Понятное для одного состава присяжныхъ, можетъ быть непонятно для другаго; хороший экспертъ можетъ сдѣлать понятнымъ то, чего никогда не сумѣетъ разъяснить другой; разрѣшеніе вопроса ненаучнаго можетъ требовать такихъ техническихъ свѣдѣній, какихъ ни одинъ экспертъ не въ состояніи будетъ передать присяжнымъ, и наоборотъ, разрѣшеніе научнаго вопроса можетъ быть иногда дѣломъ весьма легкимъ. Такъ напримѣръ, что труднѣе понять присяжнымъ: объясненіе доктора о послѣдствіяхъ выстрѣла, сдѣланнаго прямо въ сердце, или объясненіе бухгалтера по какому нибудь запутанному вопросу счетоводства? Между тѣмъ эти послѣднія объясненія едва ли могутъ быть отнесены къ экспертизѣ научной. Если соображенія г. Владимірова примѣнимы, по собственному его признанію, не ко всѣмъ видамъ экспертизы, то мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что они непримѣнимы ни къ одному изъ ея видовъ. Нельзя допустить, чтобы эксперты, призываемые въ судъ на основаніи одного и того же закона, и съ одною и тою же цѣлью, имѣли неодинаковыя права и обязанности, чтобы заключеніе ихъ могло быть разсматриваемо — то какъ рѣшеніе, то какъ пособіе для постановленія рѣшенія. Самою собою разумѣется, что нравственная, внутренняя сила заключенія экспертовъ можетъ быть до крайности различна; но она зависитъ не столько отъ предмета экспертизы, сколько отъ личности экспертовъ, отъ содержанія и формы ихъ объясненій, отъ состава присутствія присяжныхъ засѣдателей. Установить какое нибудь внѣшнее различіе между экспертами, опредѣлить, кто именно изъ нихъ и когда можетъ считаться судьей, кто и когда — истолкователемъ вопроса, представляется, по нашему мнѣнію, рѣшительно невозможнымъ. Значеніе экспертизы должно быть опредѣлено такимъ образомъ, чтобы подъ опредѣленіе подходили всѣ ея роды и виды“.

„Обратимся теперь къ другой сторонѣ вопроса и посмотримъ, можетъ ли экспертиза считаться доказательствомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ наше уголовное законодательство не знаетъ болѣе формальной теоріи доказательствъ, значеніе доказательства въ уголовномъ дѣлѣ имѣетъ безразлично все то, что можетъ способствовать образованію убѣжденія у судей или присяжныхъ, что можетъ служить основаніемъ ихъ рѣшенія. Всѣ данныя, приводимыя обвиненіемъ въ подтвержденіе виновности, защитой въ подтвержденіе невинности подсудимаго, представляются, съ этой точки зрѣнія, уголовными доказательствами. Свидѣтель удостовѣряетъ, что подсудимый, обвиняемый въ убійствѣ, бѣжалъ изъ той комнаты, въ которой найденъ убитый; экспертъ удостовѣряетъ, что ссадины на рукахъ этого подсудимаго произошли недавно и сдѣланы ногтями посторонняго лица. Какъ тотъ, такъ и другой даютъ, такимъ образомъ, матеріалъ для убѣжденія въ виновности подсудимаго; показаніе очевидца является точно такимъ же доказательствомъ, какъ и объясненіе свѣдущаго лица. Для оцѣнки этихъ доказательствъ присяжные должны прибѣгать къ средствамъ, если не тождественнымъ, то во многомъ сходнымъ; они должны спросить себя, нѣтъ ли какихъ либо особыхъ причинъ не довѣрять добросовѣстности свидѣтеля или эксперта, согласны ли ихъ показанія съ другими обстоятельствами дѣла, носятъ ли они въ самихъ себѣ отпечатокъ истины, свободны ли они отъ несообразностей и противорѣчій. Положимъ, что въ трехъ различныхъ дѣлахъ возникаетъ вопросъ о томъ, погибло ли лицо, найденое мертвымъ, отъ убійства или самоубійства. Въ одномъ случаѣ вопросъ этотъ разрѣшается письмомъ, удостовѣряющимъ, что умершій самъ посягнулъ на свою жизнь; въ другомъ случаѣ — показаніями свидѣтелей, видѣвшихъ, какъ умершій выстрѣлилъ себѣ въ грудь изъ пистолета; въ третьемъ случаѣ — показаніями свѣдущихъ людей, доказывающихъ самоубійство положеніемъ трупа и оружія, направленіемъ раны и т. п. Не очевидно ли, что письмо, свидѣтельскія показанія, заключеніе свѣдущихъ людей, представляются здѣсь въ равной мѣрѣ доказательствами само-

убійства—доказательствами различными, можетъ быть, по убѣдительности и силѣ, но совершенно однородными по процессуальному ихъ значенію? Все судебное слѣдствіе есть ничто иное, какъ попытка возстановить, раскрыть, разъяснить факты, составляющіе предметъ дѣла; осуществляется ли эта задача чрезъ посредство лицъ, непосредственно наблюдавшихъ факты, или черезъ посредство лицъ, прилагающихъ къ фактамъ воспроизводящую силу науки—во всякомъ случаѣ всѣ отдѣльныя усилія сводятся къ одной общей цѣли, входятъ въ составъ одной общей работы. Г. Владиміровъ указываетъ на то, что прежняя судимость обвиняемаго можетъ служить противъ него уликой, между тѣмъ какъ приговоръ, о немъ состоявшійся, конечно, не составляетъ уголовного доказательства въ техническомъ смыслѣ слова. Мы должны признаться, что не понимаемъ этого различія. Если прежняя судимость обвиняемаго приводится прокуроромъ какъ средство убѣжденія присяжныхъ въ виновности обвиняемаго и по разсматриваемому ими дѣлу, то приговоръ, констатирующій эту судимость, безъ сомнѣнія, является такимъ же уголовнымъ доказательствомъ, какъ и другія данныя, подтверждающія обвиненіе. „Вердиктъ присяжныхъ—говоритъ далѣе г. Владиміровъ—конечно не есть уголовное доказательство; а между тѣмъ онъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, также служитъ доказательствомъ“. Между вердиктомъ присяжныхъ и заключеніемъ экспертовъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго; вердиктъ присяжныхъ есть окончательный результатъ всего дѣла; заключеніе экспертовъ—одно изъ средствъ къ достиженію этого результата. Вердиктъ присяжныхъ соединяетъ въ себѣ всѣ условія судебного рѣшенія, которымъ, какъ мы уже видѣли, нельзя считать заключеніе экспертовъ. Правда, судъ постановляетъ свой приговоръ на основаніи рѣшенія присяжныхъ; но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы оно служило для суда доказательствомъ виновности или невинности подсудимаго. *Доказательствомъ* можно считать только то, изъ чего складается, на чемъ основывается *убѣжденіе*; между тѣмъ, судъ обязанъ постановить приго-

воръ, согласный съ рѣшеніемъ присяжныхъ даже тогда, когда онъ не убѣждается этимъ рѣшеніемъ, когда онъ признаетъ его неправильнымъ, ошибочнымъ. И такъ, для суда рѣшеніе присяжныхъ есть не доказательство, а *формальная истина*, въ силу и на основаніи которой судъ долженъ примѣнить къ данному случаю постановленіе закона. Последній доводъ г. Владимірова заключается въ томъ, что уголовныя доказательства создаются преступленіемъ, а эксперты призываются судьей; но и съ этимъ доводомъ нельзя согласиться, такъ какъ доказательный характеръ тѣхъ или другихъ данныхъ обуславливаются не происхожденіемъ ихъ, а вліяніемъ на убѣжденіе присяжныхъ“.

Смѣемъ думать, что эти возраженія, разбивающія основныя положенія г. Владимірова, не таковы, чтобы можно было ихъ оставлять безъ вниманія. Въ *новомъ* изданіи книги было бы нелишнимъ зашитить и подтвердить свои положенія и *новыми* доказательствами.

Переходя къ разсмотрѣнію дополнительныхъ къ перепечатанной нынѣ монографіи страницъ книги г. Владимірова о личномъ судейскомъ осмотрѣ, мы должны откровенно сознаться, что такихъ *упрощенныхъ* умозаключеній намъ давно не случалось читать. Трагую о *личномъ* судейскомъ осмотрѣ (?), (какъ будто существуетъ *безличный* судейскій осмотръ) г. Владиміровъ, очевидно, не потрудился дать себѣ точнаго отчета въ томъ, что собственно онъ хочетъ сказать. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть опредѣленіе, которое онъ даетъ личному судейскому осмотру. „Личнымъ судейскимъ осмотромъ, говоритъ онъ, называется такое судебное дѣйствіе, при помощи котораго судья непосредственно убѣждается въ существованіи или несуществованіи какого либо факта, имѣющаго значеніе доказательства при изслѣдованіи уголовного дѣла“. Дай такое опредѣленіе студентъ или кандидатъ на судебныя должности,—ему должно бы простить неумѣнье ясно выражаться, но вѣдь это говоритъ профессоръ! Смѣшивая осмотръ, производимый судомъ на слѣдствіи судебномъ и осмотръ слѣдователя при предварительномъ

слѣдствіи, авторъ (хотя онъ и упоминаетъ о 689 ст. уст. угол. суд.) никакого различія въ способахъ производства и значеніи этихъ осмотровъ не указываетъ. О протоколахъ осмотра онъ тоже почти ничего не говоритъ, только упоминаетъ, что протоколъ есть доказательство производное, второстепенное, такъ какъ онъ есть письменное показаніе лицъ, на судѣ неприсутствующихъ, и неподвергающихся перекрестному допросу. Но самъ же г. Владиміровъ указываетъ однако на 690 ст. уст. угол. суд., по силѣ которой, лицо, производившее осмотръ, можетъ быть допрошено въ судѣ по поводу составленнаго имъ протокола, — слѣдовательно, достоверность его *можетъ быть* провѣрена и путемъ перекрестнаго допроса. — Вотъ какъ пишутся и издаются въ наше время инныя ученныя книги!

Z.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

17 октября, въ городѣ Ялтѣ, послѣ многолѣтней болѣзни, сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей петербургской присяжной адвокатуры—Александръ Ивановичъ Языковъ. При нашей бѣдности въ талантахъ, такихъ потерь нельзя не отмѣчать. Покойный не былъ ни ученымъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, ни писателемъ, хотя и помѣщалъ иногда стихотворенія въ „Вѣстникъ Европы“, но правдивое слово въ публичномъ засѣданіи суда можетъ играть не меньшее значеніе, чѣмъ статья публициста, хотя задачи того и другой совершенно различны. Александръ Ивановичъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ судебныхъ ораторовъ, которые бьютъ въ своихъ рѣчахъ на эффектъ и грубые вкусы толпы. Его рѣчи не носили на себѣ характера напыщенности, а отличались простотой, ясностью, знаніемъ сущности дѣла и почувствованностью, которая невольно подкупала слушателя.

Окончивъ курсъ въ 1861 году въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ онъ былъ впослѣдствіи нѣкоторое время преподавателемъ, покойный Языковъ поступилъ сначала на службу въ правительствующій сенатъ, оттуда былъ назначенъ въ 1865 г. стряпчимъ полицейскихъ дѣлъ Спасской части въ Петербургѣ, а со введеніемъ реформы 20

ноября вступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ округа С.-Петербургской судебной палаты. Талантъ и знаніе вскорѣ выдѣлили его изъ среды товарищей и на первыхъ же порахъ мы видимъ его назначаемымъ на такія серьезныя защиты, какъ по дѣлу объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ и по дѣлу объ убійствѣ фонъ-Зона. Рѣчи въ обоихъ этихъ процессахъ, напечатанныя цѣликомъ въ „Судебномъ Вѣстникѣ“, являются лучшими изъ всѣхъ, имъ произнесенныхъ. Александръ Ивановичъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя смотрятъ на адвокатуру, какъ на выгодное ремесло, и всѣми правдами и неправдами стараются составить состояніе. Будучи самъ по себѣ человекомъ обеспеченнымъ, владѣя въ Тульской губерніи девятьюстами десятинами земли, онъ шелъ въ адвокатуру чисто по призванію. Да и въ началѣ дѣятельности новыхъ судовъ не родился еще типъ адвоката-ремесленника, присяжнаго повѣреннаго, мастеращаго конкурсы и бѣгающаго на описи и по пятамъ должниковъ. Это былъ золотой вѣкъ адвокатуры, когда присяжнымъ повѣреннымъ не было надобности унижаться до степени стряпчаго. У адвоката было много времени и для изученія дѣлъ и для пополненія своихъ знаній. Мы называемъ это время „золотымъ вѣкомъ“ именно поэтому, а не потому, что это было время „срыванія кушей“, какъ это принято считать въ публикѣ. Да, первые русскіе адвокаты сразу достигли высокаго матеріальнаго положенія, но достигли его цѣною дѣйствительнаго труда. Ихъ рѣчи были одинаково сильны, одинаково являлись результатомъ серьезной подготовки и тогда, когда защита была оплачиваема солиднымъ гонораромъ, и тогда, когда была безвозмездной. Языковъ и его первые товарищи работали, ради исполненія своихъ обязанностей и во имя высокаго принципа защиты, такъ—какъ нынѣшнимъ и будущимъ присяжнымъ повѣреннымъ врядъ ли придется работать. Вотъ почему глубоко неправы тѣ, кто осыпалъ ихъ, подобно Евгенію Маркову, совершенно незаслуженными упреками. Александръ Ивановичъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ первой формациі и оставался имъ до конца дней. Его рѣчи, если бы

они были собраны и отпечатаны, могли бы послужить прекраснымъ образцомъ и руководствомъ для нашихъ молодыхъ адвокатовъ, не уступающихъ, можетъ быть, въ талантѣ старикамъ, но не умѣющимъ уже такъ работать даже и тогда, когда они лично обезпечены.

Адвокатскій трудъ, требующій постоянного нервнаго напряженія, разшаталъ и безъ того слабое здоровье Языкова и онъ въ августѣ 1876 года повинулъ корпорацію петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Можетъ быть этому выходу много содѣйствовали и нападки на него нашей печати за участіе въ процессѣ Овсянникова, нападки вполне несправедливыя и показавшія, какъ мало наши публицисты знакомы съ задачами и значеніемъ защиты въ уголовномъ процессѣ. Но и покинувъ адвокатуру, и поселившись на родинѣ въ Тульской губерніи, Александръ Ивановичъ не могъ оставаться безъ живаго дѣла, безъ работы на пользу не только себя, но и общества, и принялъ горячее участіе въ дѣятельности мѣстнаго земства.

Адвокатура однако продолжала привлекать его къ себѣ, и когда здоровье его немного поправилось, то хотя адвокатура къ тому времени и сдѣлалась профессіей, на которую не нападалъ только лѣнивый, А. И. вновь вернулся въ нее, поступивъ въ 1881 году въ число присяжныхъ повѣренныхъ Московскаго округа, а затѣмъ въ 1883 году перейдя въ Петербургъ.

Всѣ, кто только зналъ Александра Ивановича—сослуживцы, товарищи и ученики—отзывались всегда о немъ съ глубокой симпатіей. Свѣтлый умъ, глубокая честность и человѣчность привлекали къ нему невольно всякаго. Какъ цѣнило его талантъ и достоинства сословіе петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ доказываетъ то, что онъ неоднократно былъ избираемъ членомъ совѣта. Умеръ онъ сравнительно весьма рано—всего сорока пяти лѣтъ, т. е. въ ту пору, когда обыкновенно общественные дѣятели только достигаютъ раз-

цвѣта своихъ силъ. Смерть его нашла отголосокъ не только среди товарищей, но даже и въ той части прессы, которая склонна скорѣе нападать на адвокатуру, нежели отдавать ей дань справедливости!

М. Гребенниковъ.

ЗАМѢТКИ.

МОАБИТЬ.

(ОБРАЗЦОВЫЙ ПЕНИТЕНЦІАРІЙ ВЪ БЕРЛИНѢ.)

Очеркъ по тюрьмовѣдѣнію.

Благодаря рекомендаціи извѣстнаго криминалиста и берлинскаго профессора Бернера, я имѣлъ случай посѣтить нѣсколько разъ Моабить въ лѣто и зиму 1884 года. Любезность директора г. Кроне и предупредительность инспектора г. Антона, при каждомъ моемъ посѣщеніи, доставили мнѣ возможность близко ознакомиться съ основнымъ и детальнымъ строемъ этого, по истинѣ, образцоваго заведенія. Принося указаннымъ лицамъ мою глубочайшую благодарность и признательность, я представляю интересующимся настоящимъ очеркъ, гдѣ я старался передать лишь то, что есть на самомъ дѣлѣ и что видѣлъ собственными глазами, тщательно избѣгая про и contra.

Въ сѣверной части Берлина, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Лертова вокзала, на углу Лертовой и Инвалидной улицъ, расположено обширное сѣро-коричневаго цвѣта зданіе, обнесенное высокой стѣной. Зданіе это—Моабить, новое пенитенціарное заведеніе нынѣшней германской имперіи, съ системой одиночнаго заключенія.

Къ постройкѣ этого заведенія, по составленному плану архитекторомъ Буссе, повелѣно было приступить въ 1842 году Высочайшимъ указомъ короля Фридриха-Вильгельма IV отъ 26 марта того же года. Работа закипѣла и черезъ 4 года часть оконченныхъ построекъ была уже отведена для помѣщенія государственныхъ преступниковъ.

ж. гр. и уг. пр. кн. х 1886 г.

Въ теченіи послѣдующихъ лѣтъ шли дополнительныя постройки, каковы напримѣръ: церковь, школа, дворы для прогулки и друг., и только въ 1856 году весь, систематически составленный, планъ одиночнаго заключенія былъ приведенъ въ исполненіе.

Заведеніе выстроено въ части города, носящей названіе Моабитъ¹⁾ и занимаетъ площадь въ 11 морг. 64 кв. рутен. и 41 кв. футовъ²⁾, обнесенную въ видѣ многоугольника каменною стѣною въ 16 фут. вышины, увѣнчанной шестью башнями на изломахъ ея. Между двумя восточными башнями возвышается трехъ-этажный корпусъ, съ церковью внутри, предназначенный частію для помѣщенія служащихъ, частію же являющійся въ качествѣ вспомогательнаго помѣщенія для одиночнаго заключенія. Какъ здѣсь, такъ и вообще во всѣхъ строеніяхъ, занимаемыхъ служащими, послѣдніе вполнѣ изолированы и ихъ семьи не имѣютъ никакого сношенія съ заключенными. При каждомъ помѣщеніи разбитъ небольшой садикъ, обнесенный каменною стѣною, часть котораго занята, по большей части, огородомъ.

Главный фасадъ обращенъ на западъ и выходитъ на Лертову улицу двумя большими флигелями, между которыми, отступя нѣсколько во внутрь, находятся ворота. Флигели эти заняты квартирами высшей администраціи заведенія. Ворота вѣчно на запорѣ и охраняются кромѣ того часовымъ, дающимъ знать привратнику о всякомъ приближающемся къ нимъ. Военный караулъ, содержащій всѣ посты внѣ и внутри заведенія, имѣетъ обширное помѣщеніе въ проходѣ, образуемомъ аркою воротъ, какъ разъ противъ квартиры привратника. Упомянутый сей часъ проходъ ведетъ въ небольшой дворикъ, обнесенный съ двухъ сторонъ стѣною и упирающійся въ фронтонъ входной двери пенитенціарнаго заведенія, главный корпусъ котораго оканчивается полукруглою залою 47¹/₂ фут. высоты. Отъ нея лучами идутъ четыре отдѣльныя, трехъ-этажныя съ подвальнымъ жильемъ корпуса, каждый въ 36 фут. высотой, 49¹/₂ фут. шириною и 180 фут. длиною. Два такихъ луча лежатъ на одной прямой, проходящей черезъ залъ, перпендикулярно къ

¹⁾ Названіе произведено отъ „terre maudite“, данное почвѣ французскими садовниками еще при Фридрихѣ I. Сперва исковеркали въ „Моабъ“, а послѣдствіе—въ „Моабитъ“.

²⁾ Прусскій моргенъ=0,233706 русской десятины; въ моргенѣ 180 кв. рут.; 10 рут.=4¹/₆ кв. метра, а 10 мет.=10¹/₇ кв. фута.

главному корпусу. Большая башня, украшенная часами, высится над главным корпусомъ. Отъ двухъ крайнихъ, только что упомянутыхъ, лучей - корпусовъ, идутъ стѣны съ воротами, упирающіяся, почти подъ прямымъ угломъ, въ окружающую все заведеніе стѣну, отдѣляя, такимъ образомъ, западную часть двора отъ восточной. Въ послѣдней, въ трехъ углахъ, образуемыхъ четырьмя корпусами, ближе къ концамъ ихъ, находятся дворы для прогулокъ. Каждый такой дворъ представляетъ два концентрическихъ круга, съ радіусами 8—9 саж. для большаго и $1\frac{1}{2}$ —2 саж.—для меньшаго. Получившееся такимъ образомъ кольцо раздѣлено по направленію радіусовъ на двадцать равныхъ частей каменными стѣнками, вышиной, приблизительно, въ двойной ростъ человѣка. Большая окружность ограничена сквозною желѣзною рѣшеткой съ дверью, а меньшая - деревянными, замкомъ запирающимися дверьми.

Вотъ эти-то дѣленія-кольца и служатъ мѣстомъ прогулокъ арестантовъ. Внутри каждого такого дворика врытъ какой либо гимнастическій приборъ, а у одной изъ стѣнокъ устроенъ стеклянный навѣсъ на случай непогоды. Для наблюденія за гуляющими, въ центрѣ круга возвышается башенка съ стекляннымъ колпакомъ, откуда надсмотрщикъ можетъ видѣть всякое подозрительное движеніе каждого изъ двадцати арестантовъ. Западная часть двора, главнымъ корпусомъ съ примыкающимъ къ его входу дворикомъ, о которомъ уже было упомянуто, раздѣляется въ свою очередь на двѣ части. Въ одной (юго-западной) разбитъ огорождъ заключенныхъ, а въ другой (сѣверо-западной) находится отдѣльное, въ видѣ правильного осьмиугольника, зданіе школы, соединенное крытымъ теплымъ корридормъ съ средней дверью нижняго этажа сѣвернаго корпуса. Вотъ въ короткихъ словахъ внѣшній абрисъ.

Какъ уже сказано, главный фасадъ обращенъ на западъ. Пройдя ворота и слѣдующій за ними небольшой дворикъ, черезъ крыльцо въ нѣсколько ступеней, вы входите въ широкий корридоръ главнаго корпуса, занимаемаго администраціей. По правой сторонѣ расположены въ слѣдующемъ порядкѣ комнаты: швейцара, двухъ духовниковъ—какъ ихъ рабочіе кабинеты, пріемная, гдѣ между прочимъ происходятъ свиданія заключенныхъ съ родными, инспектора работъ, кабинетъ директора и, наконецъ, инспектора. По лѣвой сторонѣ—редактура, регистратура и комната эконома. Всѣ эти помѣщенія выходятъ дверьми только въ корридоръ, въ концѣ котораго находятся двойныя желѣзныя двери, постоянно запертыя и веду-

ція въ полукруглую залу, откуда лучами идутъ корпуса съ однопочинными камерами. Войдя въ залу, освѣщаемую верхнимъ свѣтомъ, глазамъ представляются длинныя, свѣтлыя, въ $15\frac{2}{3}$ фут. ширины, корридоры, по обѣимъ сторонамъ которыхъ въ три этажа и расположены самыя камеры. По сторонамъ каждаго корридора, вдоль камеръ 2-го и 3-го этажей, тянутся ходы балконнаго типа около 2-хъ съ небольшимъ аршинъ шириною, вымощенные плитамы и окаймленные желѣзными перилами. По срединѣ каждаго этажа существуетъ соединительный переходъ съ одной стороны на другую, а проходящая черезъ всѣ этажи витая лѣстница въ центральный залъ и легкія желѣзныя лѣстницы, вертикально прорѣзывающія средину соединительныхъ переходовъ каждаго этажа, поддерживаютъ взаимное сообщеніе корридоровъ, освѣщаемыхся, кромѣ верхняго свѣта, еще и большими окнами по концамъ.

Въ каждомъ корридорѣ нижняго этажа по 41 камерѣ, а во 2-мъ и 3-мъ этажахъ — по 43, такъ что во всѣхъ четырехъ корридорахъ съ ихъ этажами находится 508.

Въ каждомъ корридорѣ нижняго этажа, по срединѣ, по двѣ лежащія другъ противъ друга двери, изъ которыхъ шесть ведутъ въ дворы для прогулокъ, западная же дверь южнаго корпуса выходитъ въ огорода заключенныхъ, а таковая же сѣвернаго — въ корридоръ, ведущій въ школу, которая этимъ и собственнымъ корридоромъ раздѣляется на четыре равныя части. Три части занимаютъ классныя комнаты, а четвертую — конференціонная и библіотечная. Каждая классная комната имѣетъ два отдѣльные входа — для заключенныхъ и для преподавателя. Противъ каедръ послѣдняго расположены амфитеатромъ 39 мѣстъ. Съ цѣлью полнѣйшей изоляціи, школьныя мѣста устроены въ видѣ деревянныхъ будокъ: немного менѣе человѣческаго роста, открытыхъ съ одной стороны, обращенной къ каедрѣ; въ противоположной же, глухой, находится дверка, выходящая въ проходъ между рядами и предназначенная для выхода и входа арестанта. Войдя въ такую будку, арестантъ поднимаетъ доску, служащую ему скамейкой, и усѣвшись, приподнимаетъ другую спереди, приспособленную въ видѣ пюпитра. При такомъ устройствѣ, сидящій лишается возможности заглянуть къ сосѣду и вообще вступать съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія. Малѣйшая попытка къ этому легко можетъ быть замѣчена преподавателемъ, имѣющимъ весь классъ передъ глазами, на

случай же особенной необходимости около каеэдры находится ручка звонка, проведеннаго въ главную стражу.

По бокамъ корридоровъ, какъ я сказалъ, тянутся камеры. Въ каждую изъ нихъ ведетъ массивная дверь съ прочнымъ замкомъ, отворяющаяся внутрь. Нѣсколько выше середины двери небольшая часть ея, въ формѣ прямоугольника, съ петлями внизу и замкомъ на верху, можетъ отвориться внаружу, образуя достаточное пространство для передачи нищи. Четверти на полторы выше таковой фортки устроено, горизонтально-продолговатой формы, оконце (вершка два въ большемъ діаметрѣ), прикрываемое съ наружной стороны овальною дощечкою. Черезъ это окошечко можно наблюдать арестанта во всякое время, и такимъ образомъ застать его въ распахъ, не производя шума, невольно являющагося при отпираниіи камеры. Нужно замѣтить, впрочемъ, что оконца не достигаютъ своего назначенія. Слухъ заключеннаго такъ обостряется, что при самомъ осторожномъ обращеніи съ прикрывающей окошко дощечкою, онъ уже оборачиваетъ голову ¹⁾. Какъ дверь, такъ и ея форточка, кромѣ врѣзныхъ замковъ, снабжены еще и пробоями для висачихъ.

Полъ самой камеры расположенъ нѣсколько ниже площади нижняго корридора и верхнихъ ходовъ, приблизительно на четверть или нѣсколько болѣе, а сама камера представляетъ комнату около 5½ арш. длиною, 3 арш. шириною и 4¼ высотой. Прямо противъ двери, на высотѣ приблизительно 2½ арш., въ неглубокой нишѣ, идущей отъ пола до потолка, устроеннаго въ видѣ свода, находится окно около ¾ арш. высоты и 1¼ шир. Въ большой части камеръ, сейчасъ же около двери, по лѣвую сторону, помѣщается клозетъ, съ водной промывкой, а надъ нимъ мѣдная ручка, соединенная съ проволокой, проходящей вдоль наружной стѣны, поверхъ дверей, и окончивающейся у колокола надзирателя въ центральномъ залѣ. Чтобы знать изъ какой камеры позвонили, около каждой двери со стороны корридора устроенъ откидывающійся клапанъ. Надъ дверью небольшая полка для книгъ, а справа — помѣщеніе для платья, шапки, сапожныхъ и платяной щетокъ. Вдоль

¹⁾ Во время одного изъ моихъ посѣщеній, я, по предложенію инспектора, проверялъ этотъ фактъ. Изъ 15 разъ не обернулся только одинъ заключенный, да и то, по справкамъ, оказавшійся вновь поступившимъ три—четыре дня тому назадъ.

лѣвой стѣны—газовый рожокъ, календарь съ обозначеніемъ церковныхъ чтеній, экземпляръ правилъ для заключеннаго и описъ инвентаря камеры. Въ самомъ углу, на двухъ-ярусной полкѣ, необходимая посуда: цинковая чашка для супа съ таковою же ложкой, кружка для воды, стеклянный или глиняный сосудъ для того же и другія необходимыя вещи. На правой сторонѣ располагаются обыкновенно приспособленія для работы, доходящія иной разъ до самаго умывальнаго прибора, помѣщающагося подъ платанымъ шкафомъ на особой полкѣ.

Кровати заключенныхъ трехъ типовъ. Самый старшій, кое гдѣ теперь встрѣчающійся, состоитъ изъ матраца, пристегивающагося къ соответствующимъ его ширинѣ желѣзнымъ скобамъ, вбитымъ въ стѣнѣ, другъ противъ друга, на разстояніи съ небольшимъ аршинъ отъ пола. На день такой матрацъ снимается, скатывается и ставится около двери, рядомъ съ умывальнымъ приборомъ.

Постель втораго типа напоминаетъ устройство спальныхъ вагоновъ. Матрацъ покоится на желѣзной рамѣ, которая одною, продольной, стороною своею прикрѣплена къ стѣнѣ петлями. Днемъ вся постель прилегаетъ къ стѣнѣ, а на ночь откидывается, составляя съ ней прямой уголъ. Постель такого рода хотя и представляетъ болѣе прочности, чѣмъ предыдущая, однако выводится изъ употребленія, такъ какъ черезъ чуръ загоразживаешь стѣну камеры.

Третій—представляетъ обыкновенную желѣзную кровать, съ положенными на ней тюфякомъ, подушкой и одѣяломъ. Сторона, служащая изголовьемъ, равно какъ и противоположная ей, состоитъ снаружи изъ плотнаго желѣзнаго листа, доходящаго до пола, а на каждой продольной полосѣ ея основанія, на равномъ разстояніи отъ концовъ, укрѣплены, въ видѣ прямоугольныхъ треугольниковъ, ножки, опирающіяся о полъ однимъ изъ острыхъ угловъ своихъ. Около этихъ послѣднихъ ножекъ устроены шарниры, позволяющіе примыкающей къ изголовью и противоположной сторонѣ части кровати, пригнуться до взаимной параллельности. При такомъ устройствѣ кровать, вмѣстѣ съ положенной по срединѣ матраца подушкой, будучи сложена и застегнута на крючки у изголовья, образуетъ горизонтальную поверхность, служащую столомъ, прочнымъ и устойчивымъ, свободно передвигаемымъ съ мѣста на мѣсто.

Тамъ, гдѣ поставлены кровати послѣдняго типа, столы не встрѣчаются, а существуютъ лишь табуреты; въ остальныхъ же, кромѣ табурета, поставленъ небольшой деревянный столикъ съ выдвиг-

нымъ ящикомъ, гдѣ хранятся письменный приборъ и грифельная доска съ губкой. Обыкновенно же все это помѣщается вмѣстѣ съ книгами. Стѣны камеры, равно какъ и потолокъ съ поломъ, устроены такъ, что изолируютъ всякій звукъ и шумъ. Вентиляціей служитъ окно и колѣнчатые каналы у двери, дающіе доступъ свѣжему воздуху изъ корридора.

Отапливаются камеры, какъ и всѣ помѣщенія, горячей водой, а въ 311 камерахъ, въ видахъ соблюденія равной температуры, поставлены еще, съ правой стороны двери, согрѣвающие цилиндры. Горячую воду доставляютъ паровики, помѣщающіеся въ подвальномъ этажѣ, къ которому я и перехожу. По спиральной лѣстницѣ изъ центрального зала вы спускаетесь въ подвальный этажъ, занятый всѣми необходимыми службами.

Сѣверный, сейчасъ же отъ входа, на двѣ трети своей длины занятъ кухней. Въ громадной, сводчатой комнатѣ стоятъ огромные, вмазанные въ полъ, мѣдные котлы. Въ этихъ котлахъ готовятъ пищу заключеннымъ, а изъ нихъ въ мѣдныхъ же, полуклindricalческой формы, сосудахъ разносятъ ее по этажамъ и корридорамъ. Смежное съ кухней помѣщеніе, равно какъ и прилегающую часть сѣверо-восточнаго подвального жилья, занимаютъ состоящая при кухнѣ прислуга и кладовая, съ отдѣленіями для всякой провизіи и припасовъ. За кухней тянется отдѣленіе паровиковъ (по 2 въ каждомъ этажѣ, всего 8), съ обширнымъ мѣстомъ для склада каменнаго угля. Эти паровики, чередуясь въ работѣ, разносятъ горячую воду по всѣмъ этажамъ своего корпуса, гдѣ, съ помощью трубъ и грѣющихъ аппаратовъ, отапливаютъ какъ камеры, такъ и корридоры. Самую сѣверную часть занимаютъ бани—ванны для заключенныхъ. Бани—это тѣже камеры, только меньшихъ размѣровъ. Поперекъ поставлены, придѣланные къ полу, цинковыя ванны съ двумя кранами для горячей воды и холодной и клапаномъ въ днѣ для спуска грязной. Столъ, два стула-табурета, зеркало, вѣшалка для платья и печатный экземпляръ правилъ—тѣ же, что и въ камерахъ; вотъ и все убранство. Направляясь отъ спиральной лѣстницы въ сѣверо-восточное жилье, проходишь помѣщеніе работающихъ при кухнѣ, отдѣленіе отапливающихъ паровиковъ, за которыми расположены рабочія комнаты для коллективныхъ заключенныхъ.

Половина юго-восточнаго, до самыхъ паровиковъ, занята прачешной: Въ большой комнатѣ поставлены 5—8 деревянныхъ, оваль-

ныхъ шпекъ, аршинъ по 5 въ большемъ діаметрѣ, обтянутыхъ желѣзными обручами и съ отверстіемъ въ днѣ для спуска воды. Въ этихъ-то шайкахъ и происходитъ ручная стирка всего бѣлья заключенныхъ. Рядомъ съ прачешной, по одну сторону находится комната для грязнаго, а по другую — ручной катокъ для вымытаго бѣлья, паровая сушилка съ вращающимся аппаратомъ и комната для склада чистаго бѣлья. За паровиками, до самаго конца, тянутся карцеры, гдѣ отбываютъ заключенные свои наказанія, наложенныя администраціей заведенія.

Начало южнаго подвального жилья занято паровыми машинами, разносящими холодную воду по всему заведенію и служащими, кромѣ того, рабочею силою, которую утилизируютъ нужды заведенія. Такъ напр., за машинами сейчасъ же помѣщается паровая мукомольная мельница съ большимъ отдѣленіемъ для складовъ муки и немолотаго зерна. Рядомъ съ мельницей устроена хлѣбопекарня, паровая печь которой даетъ хлѣбъ превосходнаго качества. За отопляющими цилиндрами, расположены ванны для служащихъ, устройство которыхъ такое же какъ и для заключенныхъ. Конецъ отведенъ подъ газовый резервуаръ ¹⁾).

Въ каждомъ изъ четырехъ подвальныхъ отдѣленій находятся водяные резервуары почтенной величины, куда доставляется вода изъ вырытыхъ во дворѣ колодцевъ.

Всѣ разсмотрѣнныя помѣщенія отдѣляются другъ отъ друга массивными дверями, находящимися постоянно запертыми, что, въ случаѣ надобности, можетъ быть усилено имѣющимися на каждой двери желѣзными засовами.

Въ каждомъ корпусѣ подвального этажа существуетъ по два выхода во внутренніе дворы, охраняемые постояннымъ военнымъ карауломъ и освѣщенные ночью газовыми фонарями.

Такъ какъ всѣ работы въ подвальномъ жильѣ, т. е. кухнѣ, прачешной и т. д. совершаются заключенными, то около каждого помѣщенія существуютъ камеры для ночлега, устроенныя потому же образцу какъ и наверху, находящіяся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ особыхъ надсмотрщиковъ.

Второй этажъ того корпуса, гдѣ помѣщается администрація, занятъ болѣе половины церковью, захватывающею и третій этажъ.

¹⁾ Газовое освѣщеніе корпуса администраціи и внутреннихъ дворовъ существуетъ съ 1859—60 г., а въ камерахъ введено лишь съ 1864 г.

Высоко отъ пола, на особо устроенныхъ хорахъ, висится алтарь, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены свободныя пространства, занятыя, обыкновенно, служащими. Противъ алтаря, отступя значительно отъ стѣны, тянутся амфитеатромъ 233 мѣста для заключенныхъ, такого же устройства, какъ и въ школѣ. Изъ каждаго мѣста видно пастора и все богослуженіе, а первый въ свою очередь видитъ каждаго заключеннаго.

Позади мѣстъ, почти что на такомъ же разстояніи отъ пола, какъ и алтарь, стоитъ органъ, и около него отдѣленіе для пѣвчихъ изъ заключенныхъ, составляющихъ теперь довольно большой и стройно поющій хоръ.

Церковный органъ приставленъ къ капитальной стѣнѣ, отдѣляющей церковь отъ помѣщенія лазарета, занимающаго остальную часть верхняго этажа главнаго корпуса, въ нижній корридоръ котораго и выходитъ лѣстница, являясь такимъ образомъ отдѣльнымъ, вполне изолированнымъ сообщеніемъ.

Передъ церковью, со стороны центральнаго зала, устроенъ сторожевой постъ съ колоколомъ. Чередующійся надсмотрщикъ наблюдаетъ одновременно за всѣми корридорами, идущихъ лучами, корпусовъ, и имѣя подъ началомъ своимъ достаточное число служителей, всегда можетъ удовлетворить каждому желанію заключенныхъ.

II. Персоналъ заведенія и его функціи.

Администрація заведенія раздѣляется на двѣ стадіи чиновниковъ: высшихъ и низшихъ. Всѣ получаютъ опредѣленное жалованье, и въ производствахъ по службѣ слѣдуютъ постановленіямъ военнаго устава. Присяга для нихъ обязательна. Къ чиновникамъ первой категоріи относятся: директоръ, инспекторъ, духовники, преподаватели и врачъ. Остальные къ низшимъ, которые, въ свою очередь, имѣютъ своихъ помощниковъ и подчиненныхъ. Какъ старшіе, такъ и младшіе, по большей части, живутъ въ чертѣ самаго заведенія, въ особыхъ помѣщеніяхъ, выше упомянутыхъ. Тѣже, которые не имѣютъ ихъ, аккуратно являются къ мѣсту служенія въ опредѣленный часъ. Въ число младшихъ входятъ также и спеціалисты извѣстнаго мастерства, занимающіеся обученіемъ заключенныхъ. Къ этимъ мастерамъ иногда присоединяются городскіе, временно, на тотъ случай, когда вводится какое-либо новое производство, или же должностной мастеръ заболѣлъ. Какъ въ томъ, такъ

и въ другомъ случаѣ, приглашаются лишь такіе, чья успѣшность и качество работы достаточно извѣстны, а главное люди, отличающиеся безупречной нравственностью. Последнее условіе особенно принимается во вниманіе вообще при выборѣ служащихъ для того заведенія, какъ Моабитъ. Задача каждого, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, представляетъ тяжелый подвигъ. Приходится сталкиваться съ такими субъектами, при сношеніи съ которыми для терпѣнія является хорошей искусь. Мало, если надзиратель или его помощникъ люди съ хорошею нравственностью и обладаютъ достаточнымъ запасомъ терпѣнія, необходимо еще, чтобы они умѣли обращаться съ людьми, испорченными до мозга костей, лишенными, подь часъ даже понятій о самыхъ обыденныхъ вещахъ. Вотъ почему отъ лицъ, желающихъ посвятить себя такому роду дѣятельности, требуется извѣстная подготовка, какъ теоретическая, такъ и практическая. И дѣйствительно, проглядывая списки высшихъ чиновниковъ каждого заведенія, а особенно основаннаго на системѣ одиночнаго заключенія, можно замѣтить, какую школу проходилъ каждый изъ нихъ прежде, чѣмъ занять настоящее мѣсто. Такъ облюбуется по всей Германіи, а въ Моабитѣ, какъ образцовомъ заведеніи, съ особенною тщательностью; тутъ напр., весь персоналъ низшихъ должностныхъ лицъ, т. е. непосредственно находящихся въ сношеніи съ заключенными, составляютъ члены такъ называемаго „Братства des rauhen Hauses“.

Центръ, весьма естественно, составляетъ директоръ, лицо ответственное за строй заведенія. Въ основаніи его дѣятельности, равно какъ и дѣятельности другихъ членовъ администраціи, лежатъ общія постановленія для мѣстъ заключенія вообще, которые всѣ можно совмѣстить въ одномъ - наблюденіе за правильностью службы чиновниковъ по отношенію къ заключеннымъ. „Правило очень мудрое“, сказалъ однажды директоръ Кроне. Дѣйствительно, прослѣдивъ за дѣятельностью администраціи втеченіи дня, придется согласиться съ уважаемымъ директоромъ, что одно дѣло писать наставленія, а другое наставлять по нимъ. Все утро, до $\frac{3}{4}$ девятаго, директоръ посвящаетъ на просмотръ дневныхъ рапортовъ, поданныхъ съ вечера. вмѣстѣ съ этимъ выслушиваетъ донесеніе инспектора о состояніи заведенія, сопровождаая распоряженіями на послѣдующее время. Отъ безъ $\frac{1}{4}$ девяти до четверти десятаго, въ комнатѣ конференціи (въ школьномъ зданіи) собираются высшіе чиновники на совѣщаніе, предметомъ котораго бываютъ всевозмож-

ныя нужды. До директора Кроне такія собранія происходили через каждыя двѣ недѣли, но послѣдній, практикуя ихъ ежедневно въ мѣстахъ предъидущаго своего служенія и получая хорошіе результаты, установилъ ихъ и здѣсь. По его мнѣнію, правильное исполненіе предначертанной задачи обусловливается гармоническою дѣятельностью всѣхъ членовъ, которая достигается возможно-частымъ обмѣномъ мыслей, явившихся результатомъ наблюденія съ различныхъ точекъ зрѣнія. На разсмотрѣніе такихъ конференцій поступаютъ всѣ вопросы и всѣ случаи внутренней жизни заведенія. Совершается, напр., проступокъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ—конференція разсматриваетъ его; выбылъ-ли за протеченіемъ срока, кто-либо изъ работающихъ въ томъ или другомъ отдѣленіи подвального этажа, конференція постановляетъ кого опредѣлить туда ¹⁾; доносится, напр., что такой то по своей комплекціи не въ состояніи переносить одиночное заключеніе — вопросъ, сопровождаемый особеннымъ разъясненіемъ врача, обсуждается всѣми членами, которые и рѣшаютъ куда перевести такого субъекта. Изъ самой категоріи лицъ, составляющихъ конференцію, уже можно видѣть, какъ всесторонне разсматривается все касающееся заключеннаго.

Послѣ конференціи, до 12 часовъ, происходитъ разсмотрѣніе и выслушиваніе просьбъ или со стороны заключенныхъ, получившихъ разрѣшеніе придти къ директору, или же ихъ родныхъ, желающихъ поговорить съ нимъ. Незадолго до 12 часовъ приносятъ пробу обѣда, какъ для здоровыхъ такъ и для больныхъ ²⁾. Во время обѣда заключенныхъ, директоръ самъ обходитъ камеры и выслушиваетъ заявленія и желанія, равно какъ и осматриваетъ ихъ работу.

Около двухъ часовъ возвращается директоръ въ свой кабинетъ и въ два часа отправляется обѣдать. Послѣобѣденное время опять все посвящено дѣятельности, заканчивающейся отдачей инспектору приказаній на слѣдующій день, и, по окончаніи вечерней молитвы, установленіемъ пароля для ночнаго караула. Въ 8 часовъ вечера директоръ освобождается.

¹⁾ Въ большинствѣ случаевъ въ число такихъ рабочихъ поступаютъ тѣ, которымъ недолго осталось еще пребыть въ заведеніи.

²⁾ Въ одно изъ моихъ посѣщеній, инспекторъ Антонъ предложилъ попробовать пищу. Бывшій тогда горохово-картофельный супъ для здоровыхъ, и рисовый для больныхъ, оказались вкусными, а оба сорта хлѣба (бѣлый и пеклеванный) превосходнаго качества.

Родственная дѣятельность принадлежит и инспектору, какъ ближайшему помощнику директора и заступающему мѣсто во время его отсутствія. Съ ранняго утра инспекторъ на ногахъ. Къ нему являются всѣ нисшіе чиновники, передъ тѣмъ какъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Старшимъ смотрителямъ передаетъ онъ ключи отъ камеръ, повторяя распоряженія, отданныя наканунѣ и дополняя ихъ новыми. Время до конференціи проходитъ въ приведеніи въ порядокъ свѣдѣній о минувшемъ днѣ, равно какъ и донесеній директору, съ полученіемъ отъ него приказаній. Послѣ конференціи инспекторъ обходитъ камеры, совмѣстно съ директоромъ или безъ него. Такой обходъ онъ совершаетъ раза три въ день, въ различное время, контролируя такимъ образомъ своихъ подчиненныхъ. При каждомъ случаѣ, выдающемся изъ правильной жизни заведенія, инспекторъ присутствуетъ лично и тотчасъ-же доводитъ до свѣдѣнія директора, принимая предварительныя мѣры, такъ какъ на немъ лежитъ, такъ сказать, вся полицейская часть заведенія. Вечеръ—самое тяжелое время. Кромѣ донесеній нисшихъ чиновниковъ и ихъ помощниковъ, инспекторъ долженъ выслушать дневной отчетъ отъ мастеровъ, завѣдывающихъ раздачей и приѣмомъ работъ ¹⁾, о томъ, какъ относились заключенные къ своимъ занятіямъ и къ лицамъ, руководящимъ ими. Въ это время даются инструкціи на слѣдующій день, отбираются ключи отъ камеръ и выходовъ, а центральный залъ съ его корридорами передается на ночь военному караулу.

Пасторы, преподаватели и докторъ несутъ свои обязанности каждый соотвѣтственно своему призванію. Ниже будетъ сказано болѣе подробно о ихъ дѣятельности, полной любви и терпѣнія, теперь же замѣчу, что она не столь сложная и разносторонняя, а главное, что она ограничивается одною лишь стороною человѣка—его внутреннимъ міромъ.

Понятно, что присутствіе врача и его мнѣніе имѣетъ значеніе для обѣихъ цѣлей. Безъ констатированія врачомъ здороваго состоянія организма, нельзя приступать къ нравственному леченію его, равно какъ и немислимо обременять работою физическою.

Нисшіе чиновники, въ свою очередь, раздѣляются на двѣ категоріи: одни, которые не имѣютъ никакого сношенія съ заключен-

¹⁾ Изъ этихъ мастеровъ или же лицъ компетентныхъ набирается инспекторъ работъ, слѣдящій за качествомъ и за успѣшностью ихъ.

ными, другіе же находятся съ ними почти что каждую минуту. Къ первымъ принадлежатъ всѣ, занимающіеся въ редактурѣ и регистратурѣ. Редактура, съ экономомъ во главѣ, вѣдаетъ всѣ хозяйственныя нужды заведенія, всѣ его расходы и приходы. Все это ведется по установленнымъ книгамъ, день за день, и результаты дня, мѣсяца и года сообщаются въ регистратуру. Въ послѣдней сосредоточена вся письменная часть, здѣсь же хранятся и документальныя данныя по всевозможнымъ вопросамъ за всѣ предыдущіе годы, которыя позволяютъ навести любую справку во всякое время. Особенно подробно ведутся эти данныя съ 1869 года.

Вторую категорію составляютъ служащіе, непосредственно наблюдающіе за заключенными. Изъ ихъ числа двое смотрителей главныхъ, пѣль которыхъ наблюдать за общимъ строемъ и порядкомъ. Четыре корридора раздѣлены между служащими такъ, что для каждого имѣется особый смотритель съ помощникомъ, а такъ какъ въ каждомъ корридорѣ три этажа, то, стало быть, занятыхъ присмотромъ во всемъ заведеніи 24 человѣка. Въ подвальномъ жильѣ особые смотрители для каждого отдѣленія, равно какъ и для прислуги, составленной также изъ заключенныхъ. Всѣ служащіе, какъ уже замѣчено было выше,—члены *Rauhen Haus'a*. Въ прежнее время (до директора Кроне), всѣ они, являясь утромъ въ заведеніе, начинали свою службу сообразно своему назначенію, такъ какъ будто бы эта служба есть именно тотъ искусь, который налагаютъ на нихъ статуты общества. Поэтому, передъ звонкомъ на работу, когда, слѣдовательно, въ камерахъ только что встали, умылись и одѣлись, прибравъ свою постель, они выстраивались полукругомъ въ центральной залѣ и пѣли священный стихъ, на каждый день назначенный, заключая его чтеніемъ „Отче нашъ“.

Установивши такой порядокъ, тогдашняя администрація возлагала на него извѣстное значеніе. Думали, что заключенные, слыша изъ своихъ камеръ торжественное пѣніе религіознаго стиха и чтеніе молитвы, волей неволей присоединятся сами и, такимъ образомъ, получаютъ возможность глубже заглянуть въ свой внутренній міръ. Теперешній директоръ отмѣнилъ этотъ обычай, находя, съ одной стороны, что Моабитъ служить вовсе не для того, чтобы члены какого бы то ни было общества выполняли въ немъ свои статуты, а съ другой, что разъ кто либо не хочетъ молиться—силою принудить его къ тому врядъ ли возможно. Онъ ввелъ однако пѣніе молитвы хоромъ изъ заключенныхъ пѣвчихъ.

Утро до 12 часовъ обнимаетъ то время, когда этотъ составъ служащихъ особенно занятъ. Осмотръ въ порядкѣ ли камера, выдача инструментовъ и работы, сопровождение арестантовъ въ школу или другое мѣсто для занятія, во дворы для гулянья и, наконецъ, раздача пищи—все это требуетъ особеннаго напряженія и вниманія, послѣ чего весьма естественно воспользоваться часовымъ отдыхомъ, полагаемымъ на время ихъ обѣда. Остальное время до вечера не столь хлопотливо. Раздача вечернихъ порцій, выводъ заключенныхъ пѣвчихъ на вечернюю молитву, да осмотръ камеръ—вотъ и все, что нужно исполнить, передъ тѣмъ, какъ представить дневной отчетъ инспектору и передать ключи.

Дѣятельность остальныхъ служащихъ, какъ то: швейцара входной двери, машиниста, разсыльнаго, больничнаго служителя, цырульника, двухъ ночныхъ стражей и двухъ привратниковъ у главныхъ воротъ, не составляетъ чего либо особеннаго и понятна сама собою.

III. День заключеннаго.

Каждый вновь поступающій въ Моабитъ проходитъ послѣдовательно всѣ помѣщенія главнаго корпуса, занимаемаго администраціей. Сдавъ свое платье подъ соотвѣтствующій № и получивъ казенное, онъ сообщаетъ регистратурѣ свѣдѣнія о своемъ имени и фамилии, мѣстожительствѣ, семейномъ положеніи, родѣ занятій, прежней судимости и настоящей причинѣ осужденія. Затѣмъ врачъ подробно осматриваетъ его, отмѣчая малѣйшее измѣненіе въ его организмѣ. Послѣ этого происходитъ испытаніе познаній Духовникъ и преподаватель экзаменуютъ его каждый по своему отдѣлу и опредѣляютъ сейчасъ же степень его познаній. Всѣ полученные такимъ образомъ свѣдѣнія заносятся въ дневной журналъ, съ обозначеніемъ № камеры и назначенной работы, которую опредѣляетъ заканчивающій пріемъ директоръ, сообразуясь съ его предшествующей дѣятельностью.

По соблюденіи всѣхъ этихъ формальностей, вновь поступающаго отводятъ въ камеру, передаютъ весь инвентарь по описи, висащей на стѣнѣ рядомъ съ правилами, которыя также ему сообщаются. Затѣмъ запираютъ камеру и начинается строго опредѣленная жизнь.

Въ три четверти 5 го лѣтомъ (съ 1 апрѣля по 1 октября) и въ 5³/₄ зимою раздается звонъ колокола въ центральномъ залѣ¹⁾. Съ

¹⁾ Въ праздничные дни и дни рожденія Императора встаютъ почти часомъ позднѣе.

первыми ударами каждый заключенный, разъ онъ здоровъ, долженъ подняться съ своей постели, умыться, причесаться и одѣться, вычистивъ предварительно свою обувь и платье. Постель убирается, послѣ чего камера должна быть выметена и пыль повсюду вытерта. На все это полагается полчаса, по прошествіи котораго новымъ звонкомъ дается сигналъ къ началу работы до 6¹/₄, т. е. до времени утренняго завтрака, состоящаго изъ ¹/₂ литра кофе съ хлѣбомъ ¹) или такого же количества супу. Подъ работами, производимыми въ Моабитѣ, не должно понимать какихъ либо опредѣленныхъ ранѣе, исключительныхъ работъ. Уже при поступленіи, у заключеннаго спрашивается, чѣмъ онъ занимался ранѣе совершенія преступленія или проступка. Эту отрасль производства даютъ ему и здѣсь, разъ только она удобовыполнима въ камерѣ. Если же ранѣе вновь поступающій не зналъ никакого мастерства, то онъ проходитъ различныя испытательныя стадіи, пока наконецъ не отыщется работа по его способностямъ. Бываютъ однако такіе субъекты (въ настоящее время такихъ трое), которымъ никакая работа не дается. Чтобы не сидѣть сложа руки, они занимаются чисткой картофеля.

Послѣ завтрака, на который дается полчаса, работа идетъ снова до самаго обѣда, прерываясь школьными занятіями и гуляньемъ, на которое лѣтомъ полагается ³/₄ часа, а зимою ¹/₂ часа. Во время утреннихъ работъ происходятъ посѣщенія дистанціонныхъ смотрителей, а иногда и инспектора, врача и другихъ лицъ. Имъ сообщаетъ заключенный свои желанія и нужды.

Отправляясь въ школу или на прогулку, заключенный снимаетъ свой рабочій фартукъ, надѣваетъ куртку, къ груди прикрѣпляетъ № своей камеры, а на голову надѣваетъ шапочку, напоминающую скуфью, съ большимъ козырькомъ—клапаномъ изъ той же матеріи. Клапанъ этотъ, снабженный отверстіями для глазъ, будучи опущенъ, закрываетъ все лицо и, слѣдовательно препятствуетъ знакомству. Для большей же гарантіи въ изоляціи, заключенные на прогулку или въ школу идутъ другъ отъ друга на разстояніи десяти шаговъ, за чѣмъ тщательно слѣдятъ сопровождающіе ихъ надсмотрщики. Гулянье происходитъ ежедневно, а школьныя занятія три раза въ недѣлю.

¹) Всего въ день выдается каждому 625 грам. хлѣба.

Обѣдаютъ заключенные въ 12 часовъ. Нѣсколько ранѣе этого времени изъ кухни приносятъ обѣдъ въ центральный залъ, гдѣ изъ кастрюли, на выборъ, наливаютъ пробу директору. По звонку прекращаютъ работу и смотрители разносятъ пищу по всѣмъ этажамъ и корридорамъ, состоящую изъ 1 литра супа съ хлѣбомъ. На обѣдъ и отдыхъ дается часъ. Послѣ обѣда работа идетъ до самаго вечера, прерываемая иногда лишь посѣщеніемъ директора или кого либо изъ инспекторовъ; что же касается до служащихъ второй категоріи, то они наблюдаютъ за заключеннымъ черезъ оконце. Такъ какъ въ числѣ работающихъ есть такіе, которые занимаются тяжелой, сравнительно съ другими, работой, требующей при этомъ извѣстной крѣпости мускуловъ, то такимъ въ три часа дается добавочная порція.

Въ 5¹/₂ часовъ вечера разносятъ послѣднюю порцію супа (³/₄ литра съ хлѣбомъ). Черезъ полчаса, работы еще разъ возобновляются до 6³/₄. Въ это время колоколъ звонитъ прекращеніе работъ, которыя въ субботу и наканунѣ праздниковъ приостанавливаются ранѣе. Заключенные, имѣющіе острые инструменты, должны собрать ихъ и передать одному изъ надсмотрщиковъ, обходящихъ въ это время камеры, разнося свѣжую воду ¹⁾. Послѣ второго звонка, въ 7 часовъ, газъ въ камерахъ долженъ быть потушенъ и заключенные, приготовивъ постель, раздѣвшись и сложивъ свои вещи, должны лечь спать. Одинъ изъ смотрителей осматриваетъ черезъ окошечки все ли вездѣ соблюдено по правиламъ.

Разъ въ недѣлю каждый получаетъ чистое бѣлье, только для него предназначенное, для чего извѣстное число занумеровывается однимъ и тѣмъ же №. Постельное бѣлье мѣняется зимой черезъ шесть, а лѣтомъ черезъ четыре недѣли.

Въ двѣ недѣли разъ берется баня-ванна, брать же холодный душъ позволяется и чаще, но всякій разъ съ разрѣшенія врача.

Воскресные и праздничные дни посвящаются чтенію, письму и рисованію съ черченіемъ — словомъ тому, что способствуетъ благоустройству и развитію понятій.

Послѣ этого очерка дня заключеннаго, слѣдуетъ указать на характеръ индустріальныхъ и школьныхъ занятій, упомянутыхъ выше.

¹⁾ Свѣжую воду разносятъ по камерамъ 4 раза въ день.

А) Индустриальная занятія.

Работа въ одиночномъ заключеніи есть непремѣнное условіе самаго заведенія. Съ другой же стороны самая обстановка вызываетъ потребность, какого либо физическаго, мускульнаго труда, чтобъ не впасть въ расстройство умственныхъ способностей, находящихся волею неволею подъ постояннымъ гнетомъ минувшаго времени. Что это дѣйствительно такъ, явствуетъ изъ слѣдующаго разсказа директора Кроне. „Можно привести много примѣровъ, что одиночное заключеніе возбуждаетъ дѣятельность, вызывая желаніе работать. Я вамъ укажу на слѣдующій случай. Года два тому назадъ поступаетъ къ намъ нѣкто, за что — не припомню. По соблюденіи всѣхъ формальностей, я обращаюсь къ нему съ вопросомъ: какую работу онъ можетъ исполнять и не знаетъ ли онъ какого либо мастерства? — Я журналистъ, писатель, отвѣчаетъ онъ съ гордостію. Прекрасно! Что же все таки вы будете дѣлать? Писать корреспонденціи изъ вашего будущаго помѣщенія нельзя. Писать романъ или какое либо иное литературное произведеніе, вы, во первыхъ, должны подъ моимъ контролемъ, а во вторыхъ, только въ томъ случаѣ, если имя ваше настолько извѣстно, что въ издателяхъ не будетъ недостатка и ваше произведеніе уже ожидается съ нетерпѣніемъ. Ничего этого за вами нѣтъ. Слѣдовательно, мнѣ остается самому назначить вамъ занятіе. Угодно вамъ заниматься перепиской? — Какъ, мнѣ назначаютъ работу простаго писца? Нѣтъ? — Какъ хотите! Въ такомъ случаѣ потрудитесь отправиться въ вашу камеру и внимательно прочитать правила нашего заведенія, а также и тѣ, которыя долженъ соблюдать каждый заключенный. — Черезъ три дня мой гордый авторъ, Христомъ Богомъ, просилъ дать ему хоть картофель чистить! Тоска, говорить, взяла невыносимая“.

Какъ замѣчено было выше. опредѣленныхъ, исключительныхъ работъ нѣтъ. Наряду съ очисткой картофеля, можно видѣть производство стульевъ самаго изящнаго фасона. То видите вы, что цѣлый день заключенный разрѣзываетъ оберточную бумагу на мѣшочки для фруктовщиковъ и бакалейщиковъ, то почти что вся камера заставлена машиной, выбивающей заразъ 50—100 конвертовъ. Производство багетовъ, самыхъ разнообразныхъ узоровъ и размѣровъ, шитье башмаковъ и туфель, вязанье чулковъ на машинѣ, заклепка конвертовъ (также машиной), переплетное мастерство — всѣ имѣютъ своихъ представителей. Нѣкоторые производства, какъ

напримѣръ производство стульевъ, распадаются на нѣсколько операций, изъ которыхъ иные совершаются въ другихъ камерахъ. Такъ, въ одной, дубовыя и буковыя доски распиливаютъ на планки опредѣленной ширины; въ другой точатъ ножки и колонки для спинокъ; въ третьей всё это связываютъ; въ четвертой вилетаютъ сидѣнья и только въ пятой полируютъ или вощаютъ. Но рядомъ съ такимъ производствомъ существуютъ и камеры, гдѣ стулъ начинается и оканчивается, являясь, почасти, дѣйствительно художественной работой. При такомъ производствѣ, какъ напр. вязанье чулковъ на машинѣ, отдѣльные фазисы его захватываютъ большее число камеръ. Въ одной камерѣ только разматываютъ бумагу, въ другой ее разрѣзываютъ, въ третьей наматываютъ на шпульки и только въ четвертой стоитъ вязальная машина. Иногда къ этимъ камерамъ присоединяется еще одна, гдѣ производится окраска разрѣзанной уже бумаги.

Само собою разумѣется, что количество работы, производимой въ день заключеннымъ, весьма различно. Тамъ гдѣ производство машинное, какъ напр. выбивка и склейка конвертовъ, результаты дня выражаются въ тысячахъ; выбивка кружевообразныхъ кружковъ для кондитерскихъ и букетовъ, причемъ шахматъ пять штукъ за разъ, оканчивается сотнями и т. д. Какъ количественное такъ и качественное отношеніе, конечно очень много зависитъ отъ навыка и вниманія работающаго, равно какъ и продолжительности работы, а это всё обуславливаетъ число ежедневнаго продукта. Время, посвящаемое занятіямъ въ школѣ, сокращаетъ рабочіе часы и понятно, что происшедшая убыль не можетъ быть поставлена въ вину заключенному ¹⁾. Для точнаго опредѣленія работы существуетъ извѣстный масштабъ, который для приговоренныхъ кромѣ заключенія еще и къ работѣ, называется пензумъ, т. е. извѣстный урокъ. По прошествіи нѣкотораго времени, когда результаты работы заключеннаго подвинутся настолько, что кромѣ пенсумъ онъ вырабатываетъ нѣкоторое лишнее количество, ему, въ видѣ награды, за хорошее поведеніе или прилежаніе, даютъ счетъ, подобно другимъ, работающимъ безъ пенсумъ. Последніе отбываютъ только наказаніе одиночнаго заключенія, а работа является какъ слѣдствіе, въ силу чего ихъ продукты обязательно поступаютъ въ продажу,

¹⁾ За перерывъ работы школьными занятіями заключенному сокращаютъ 2 дня въ мѣсяцъ.

Изъ полученной чистой суммы $\frac{1}{3}$ идетъ въ фондъ заключеннаго, откуда онъ имѣетъ право расходовать нѣкоторую сумму еженедѣльно или на свои собственные нужды, или отсылать роднымъ, остальные $\frac{2}{3}$ поступаетъ въ пользу заведенія, потратившагося на покупку инструментовъ ¹⁾, наемъ обучающихся мастеровъ и т. д. Размѣръ фонда зависитъ отъ слѣдующихъ условій: во первыхъ,—отъ продолжительности пребыванія заключеннаго; во вторыхъ—отъ количества вырабатываемаго продукта, поступающаго въ продажу; въ третьихъ отъ величины суммы, расходуемой еженедѣльно заключеннымъ на свои нужды, и въ четвертыхъ, наконецъ, отъ количества выручки, поступающей въ фондъ. Послѣднее условіе, въ свою очередь, находится въ зависимости отъ того, поступала ли всегда извѣстная часть въ фондъ или же она измѣнялась подъ вліяніемъ дисциплинарныхъ наказаній.

Выучиваются работѣ чрезвычайно скоро и занимаются довольно охотно, что, какъ уже замѣчено было выше, вызывается самою обстановкою. Большею частію въ Моабитѣ занимаются слѣдующими видами производствъ: точеніе металла, преимущественно мѣди; точеніе кости и дерева; столярное и слесарное производство; башмачничество, шитье туфель, выдѣлка плюша съ подготовительными работами, выдѣлка пуговицъ, портмоне, золоченыхъ багетовъ, конвертовъ, вязанье чулокъ, щеточное производство, кружки для кондитерскихъ и портняжничество

Б). Школьные занятія.

Выше было указано, что рабочее время прерывается школьными занятіями. Чтобы предварительно дать понятіе о томъ колоссальномъ трудѣ, который преодолеваетъ администрація, приводимъ выдержку изъ отчета пастора Ольденберга за 1859 годъ ²⁾. „Весьма характернымъ признакомъ того состоянія, изъ котораго вырастаетъ населеніе камеръ, служить изумительное невѣжество, господствующее въ большей, если не у самой большей, части поступающихъ сюда. Мало того, что они незнакомы съ обыденнымъ чтеніемъ и письмомъ, не имѣютъ даже понятія объ основнѣхъ ученіяхъ спасенія,

¹⁾ Всѣ потребные матеріалы закупаются администраціею, которая и дѣлаетъ затѣмъ штучную раздѣлку.

²⁾ Отчеты слѣдующихъ годовъ весьма мало отличаются отъ этого и также наполнены достаточно всѣми примѣрами.

о главнѣйшихъ эпизодахъ священной исторіи, о значеніи христіанскихъ началъ, десяти заповѣдяхъ и даже объ „Отче нашъ“, но былъ одинъ 22 лѣтній парень, который насилу вспомнилъ, что разъ онъ былъ въ церкви...

Выдающееся невѣжество, приносимое большею частію заключенныхъ, обнаруживается не исключительно только у жителей деревень и провинціальныхъ городовъ, но въ гораздо большей степени у природныхъ берлинцевъ. Быть можетъ покажется невѣроятнымъ, если я скажу, что большая часть поступившихъ не знала какой годъ мы теперь пишемъ. Весьма и весьма немногіе сомнѣвались въ томъ, что Павелъ былъ братъ Авраама и что псалмы находятся въ новомъ завѣтѣ... Отвѣты не были слѣдствіемъ ошибки, а напротивъ, являлись результатомъ полнѣйшаго убѣжденія. Одинъ, напримѣръ, объяснилъ, что Иисусъ Христосъ родился въ 500 годъ послѣ Р. Х.; другой, что прошло 10000 лѣтъ какъ жилъ Спаситель; третій увѣрялъ, что Иисусъ Христосъ жилъ въ Австріи; только четвертый сказалъ, что Христосъ жилъ въ Іерусалимѣ. Но на вопросъ, гдѣ находится Іерусалимъ, пятый отвѣчалъ: вотъ тутъ на Шире, потому что прежде Берлинъ назывался Іерусалимомъ: шестой никогда не слыхалъ о томъ, что Иисусъ Христосъ былъ распятъ. Въ особенности поразительно было незнаніе отечественной исторіи и, притомъ, какъ я убѣдился изъ горькаго опыта, одинаковое, какъ у городскихъ, такъ и иногородныхъ. Кто нашъ король — знали весьма немногіе, а что онъ боленъ — слышали только иные! О Фридрихѣ Великомъ, о войнѣ за освобожденіе, о Блюхерѣ — изъ двадцати — едва-едва одинъ былъ въ состояніи сказать что нибудь! Берлинскій парень, напримѣръ, не могъ объяснить, кого изображаетъ монументъ подъ Липами ¹⁾!..“

Школьныя занятія или, лучше сказать, программа ихъ, подвергалась измѣненіямъ съ 1860 по 1872 г., пока наконецъ она не была принаровнена къ той, которая охватываетъ народныя школы вообще. Школа раздѣляется на три отдѣленія, соотвѣтствующія познаніямъ заключенныхъ. Съ сравнительно хорошими познаніями составляютъ I классъ; среднія свѣдѣнія — II, который раздѣляется на три параллельные класса; люди съ весьма ограниченными знаніями образуютъ III классъ, съ четырьмя параллельными классами. Каж-

¹⁾ При началѣ улицы „Подъ липами“ поставленъ памятникъ Фридриху Великому.

дое отдѣленіе занимается 4 часа въ недѣлю. Кромѣ этихъ трехъ подраздѣленій изъ освобожденныхъ отъ обязательнаго посѣщенія школы, равно какъ и изъ тѣхъ, уровень познаній которыхъ стоитъ выше элементарнаго, образуется одинъ высшій классъ, съ еженедѣльнымъ одночасовымъ занятіемъ. И такъ, всѣхъ отдѣленій девять, съ занятіями 33 часовъ въ недѣлю.

Самостоятельно отъ этого существуетъ классъ хороваго пѣнія, 2 часа въ недѣлю—куда выбираются 30—40 заключенныхъ, независимо отъ ихъ школьныхъ познаній.

Преподаваніе сосредоточено на библейской исторіи, нѣмецкомъ языкѣ, т. е. правильномъ чтеніи и письмѣ, ариметикѣ, практическихъ свѣдѣніяхъ и пѣніи. Библейской исторіей занимаются часъ въ недѣлю. Главной задачей поставлено развитіе пониманія священнаго писанія, путемъ знакомства съ событіями изъ ветхаго и новаго завѣта. Вотъ почему всѣ эпизоды проходятся въ порядкѣ, принятомъ въ библии, которая, слѣдовательно, и служитъ первымъ пособіемъ для достиженія основной задачи. Въ лѣтнее полугодіе проходитъ ветхій завѣтъ, а въ зимнее—новый, обязательно во всѣхъ классахъ.

При занятіяхъ по исторіи новаго завѣта не существуетъ заранѣе составленнаго изъ всѣхъ евангелій, опредѣленнаго курса для каждаго класса или, лучше сказать, основнаго дѣленія. Преподаваніе идетъ по той же основной задачѣ такъ, что нисшее отдѣленіе проходитъ все евангеліе отъ Матвея, среднее—все отъ Луки, а высшее—отъ Іоанна.

Во время между святой и тронцей, въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій проходитъ по 4 избранныхъ эпизода изъ апостольской исторіи, съ подробнымъ, по возможности, разъясненіемъ отношеній каждаго событія къ богослуженію.

Для болѣе яснаго пониманія библии, которая понемногу прочитывается въ классахъ всѣхъ отдѣленій, ежемѣсячно изучается по одной церковной пѣсни ¹⁾, которая предварительно объясняется и разбирается.

Занятія нѣмецкимъ языкомъ также варьируются сообразно съ отдѣленіемъ. При двухъ часахъ въ недѣлю они такъ распределены, что въ нисшемъ отдѣленіи главная задача правильное, громкое

¹⁾ Напримѣръ: „Како пріиму тя“, „Да будетъ милость Твоя“, „Укажи пути Твоя“, и т. д.

чтеніе; въ среднемъ—чтеніе безъ запинки нѣмецкаго и латинскаго шрифта, стало быть въ высшее отдѣленіе переходятъ лишь тѣ, которые читають всякую печать.

Касательно письма необходимо замѣтить слѣдующее. Въ классахъ письменныхъ матеріаломъ служить грифельная доска, на которой и пишутся диктанты. Эти диктанты заключенные берутъ съ собою въ камеру, гдѣ и переписываютъ чернилами въ особую тетрадь, которую затѣмъ и представляютъ преподавателю при его посѣщеніяхъ. Всѣ письменныя упражненія распределены сообразно съ познаніями. Такъ, самое младшее отдѣленіе занимается списываніемъ съ печатнаго, а къ концу года, составленіемъ простыхъ писемъ и небольшихъ разсказовъ, служившихъ темой класснаго занятія. Въ среднемъ отдѣленіи расширяють примѣненіе письменныхъ упражненій, переходя къ болѣе сложнымъ разсказамъ или описаніямъ, преимущественно изъ области бесѣдъ о разныхъ, чисто практическихъ, свѣдѣніяхъ изъ міра видимаго, причемъ особенное вниманіе обращается на корреспонденцію въ торговомъ дѣлѣ. Высшее отдѣленіе дополняетъ программу предыдущаго, захватывая въ большей степени торговую переписку тѣхъ предпріятій и занятій, которыя чаще всего могутъ представиться заключенному по выходѣ его изъ заведенія.

Занятія собственно нѣмецкимъ языкомъ не составляютъ особой задачи, а присоединены къ занятію чтеніемъ. во время котораго и сообщаются необходимыя свѣдѣнія о грамматическомъ строѣ рѣчи и знакахъ препинанія.

Въ каждомъ отдѣленіи обращается вниманіе лишь на то, что доступно пониманію слушателей и что необходимо для дальнѣйшаго обученія.

На ариметику полагается 1 часъ въ недѣлю. Нисшее отдѣленіе съ его подраздѣленіями, проходитъ четыре правила съ простыми и именванными числами.

Два низшихъ подраздѣленія средняго отдѣленія знакомятся съ простыми и десятичными дробями, послѣ чего, черезъ полгода, переходятъ въ послѣднее старшее, гдѣ проходятъ тройное правило, правила товарищества, смѣшенія, учета процентовъ и т. д., а затѣмъ уже поступаютъ въ высшее отдѣленіе. Здѣсь повторяють все предыдущее, развивая болѣе широкое примѣненіе правилъ, съ совокупленіемъ ученія о планиметріи, съ вычисленіемъ площадей.

Во всѣхъ случаяхъ преподаванія, главное вниманіе обращается на рѣшеніе задачъ, которыя и совершаются письменно въ камерахъ.

Практическія свѣдѣнія и понятія вещей видимаго міра захватываютъ двухлѣтній курсъ. Для каждого отдѣленія существуетъ книга для чтенія, по которой и идутъ бесѣды, переходя отъ простыхъ до болѣе сложныхъ и обнимая то, что укладывается въ понятіе: исторіи, географіи и естественной исторіи въ обширномъ смыслѣ этого слова. Такъ напр., изъ исторіи выбираются эпизоды народной жизни, древней бранденбургской исторіи и древне-германской. Болѣе подробно проходится время 30 лѣтней войны и послѣдующая исторія, начиная съ правленія великаго курфюрста. Изъ географіи сообщается, кромѣ основныхъ понятій о движеніи, измѣненіяхъ суточныхъ и годовыхъ, общее свойство полушарій и отдѣльных частей свѣта, вдаваясь въ подробности при описаніи ихъ лишь настолько, чтобы быть въ состояніи перечислить главныя государства съ главными городами, рѣками и горными хребтами. Большее же вниманіе обращается на географію отечественную. Понятіе вещей видимаго міра или естественная исторія, въ обширномъ смыслѣ, начинается съ разясненіемъ того, что попадаетъ на каждомъ шагу на глаза заключеннаго. Животныя, растенія, особенно служащія для питанія, одежды и жилища; ископаемые продукты и проч. и проч., все, что идетъ на пользу или вредъ для человѣка, подвергается описанію и объясненію въ бесѣдахъ и чтеніи. Разсматриваются явленія природы, съ ихъ истиннымъ происхожденіемъ, а сообщаемыя основныя свѣдѣнія о различныхъ силахъ природы, приложенныхъ послѣдними открытіями и изобрѣтеніями къ пользованію человѣка, даютъ возможность, въ общихъ чертахъ конечно, объяснить устройство паровоза и локомотива, телеграфа и т. д. и т. д. Какъ уже было указано, всѣ бесѣды эти служатъ болѣею частію матеріаломъ для письменныхъ работъ, и въ такомъ случаѣ являются лучшимъ и вѣрнымъ доказательствомъ того, что сообщенное понято и усвоено и, стало быть, не нуждается въ повтореніи.

Подобныя занятія идутъ круглый годъ и только дважды прерываются, уступая спеціальнымъ, на сіи случаи назначеннымъ. Это приходится въ дни рожденія императора и Лютера. Въ первомъ случаѣ читается что либо изъ жизни императора или же изъ исторіи Гогенцолеровъ, а во второмъ—эпизоды изъ жизни Лютера.

Кромѣ обученія хорошему пѣнію, каждое воскресенье въ послѣ-

объденное время бываетъ особый часъ пѣнія въ церкви, въ которомъ всегда принимаетъ участіе половина заключенныхъ, разучивая хоралы и священныя пѣсни.

Вотъ, такъ сказать, школьная программа. Изъ нея видно, какъ усиленно направлены старанія администраціи на подъемъ умственного и нравственного міровоззрѣнія заключеннаго. Эти старанія не ограничиваются однимъ лишь школьнымъ временемъ. Въ часы, назначенные для отдыха послѣ утренней, объденной и вечерней бды, каждого заключеннаго посѣщаетъ пасторъ или преподаватель. Въ это время происходитъ пересмотръ письменныхъ работъ; въ это же время идетъ своимъ путемъ облагороживаніе души и понятій, опираясь на десять заповѣдей Божіихъ. Все, что только можетъ вести прямо или косвенно къ этой цѣли, принимается во вниманіе администраціей, а богатая, прекрасно составленная бібліотека, даетъ возможность знакомиться со всѣмъ выдающимся по всѣмъ отраслямъ знаній.

Благодаря такимъ средствамъ нисколько неудивительно, что письма заключенныхъ ¹⁾ поражаютъ своею грамматическою правильностью, ясностью изложенія, а порой и глубиною мысли.

IV. Дисциплина.

Въ Моабитѣ, какъ и вообще во всѣхъ германскихъ пенитенціарныхъ заведеніяхъ, господствуетъ военный порядокъ, съ особенно сильно развитымъ чинопочитаніемъ, начиная отъ высшихъ чиновниковъ и кончая послѣднимъ, прислужникомъ. Тоже самое начало проведено и по отношенію къ заключеннымъ, которые, съ одной стороны, видятъ окружающій строй, а съ другой, въ силу наставленій своихъ ближайшихъ надсмотрщиковъ, волею неволею и сами проникаются имъ. Но вступить въ эту жизнь, всю разсчитанную по часамъ, не особенно легко. Натура заключеннаго, нѣтъ нѣтъ да и прорвется сквозь сѣть пунктуальнаго строя и, такимъ образомъ, нарушить его. Противъ такихъ нарушеній и существуютъ дисциплинарныя наказанія, а тѣ правила или, лучше сказать, рамки, изъ которыхъ не долженъ выступать заключенный, находятся въ каждой камерѣ въ печатномъ экземплярѣ. Нужно ска-

¹⁾ Вся корреспонденція, какъ исходящая, такъ и входящая, проходитъ черезъ руки пастора или директора.

зять вообще, что, сравнивая число приложенных дисциплинарных наказаний въ Моабитѣ, съ таковымъ же другихъ заведеній Германской Имперіи, для перваго получится минимальная величина (0,14). Наказанія въ Моабитѣ различнаго вида Самымъ тяжелымъ считается сажаніе въ камеру, полъ которой, равно какъ и стѣны, обшиты тонкими планками, ребромъ внаружу, отступя на палецъ другъ отъ друга. Хожденіе по такому полу и облакачиванье на стѣну или выступъ ея причиняетъ невыносимую боль, впиваясь въ тѣло довольно острыми ребрами планокъ (Latenarest). Затѣмъ слѣдуютъ двѣ степени карцернаго наказанія: свѣтлый и темный карцеръ, maximum наказанія причемъ ограничивается 14 днями. Для буйныхъ арестантовъ существуетъ принудительная куртка (Zwangsjacke), сильно напоминающая рубашку для душевнобольныхъ. Какъ мѣра экстраординарная, къ которой прибѣгаютъ въ крайнихъ случаяхъ, принимая во вниманіе возрастъ и развитіе заключеннаго, примѣняется тѣлесное наказаніе до 30 ударовъ розгами. Въ другихъ заведеніяхъ число ежегодныхъ случаевъ тѣлеснаго наказанія доходитъ иногда до 20, но въ Моабитѣ, со времени директора Кроне, оно примѣняется все рѣже и рѣже и, вѣроятно, совсѣмъ выведется. Перечисленные наказанія принадлежатъ къ числу тяжелыхъ, требующихъ для своего примѣненія какого либо важнаго нарушенія. На ряду съ этими существуютъ и болѣе легкія, состоящія напр. въ лишеніи пищи, лишеніи употребленія нюхательнаго табаку, дозволеннаго директоромъ для иныхъ заключенныхъ; запрещеніе пользоваться ежедѣльно фондомъ, уменьшеніе части, идущей въ него, а иногда и самаго фонда на извѣстную сумму и извѣстное время и т. п.

Для усиленія наказаній въ первой степени, къ нимъ присоединяется какое либо изъ только что перечисленныхъ, а иногда и два, смотря по важности совершеннаго проступка.

Заключенные подвального этажа состоятъ или изъ такихъ, которымъ срокъ пребыванія истекаетъ, или же изъ такихъ, которые по какой либо причинѣ не въ состояніи переносить одиночное заключеніе. Какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ относятся всѣ правила и требованія заведенія, безъ исключенія.

Я. Сьерскій.

**О ПРЕДЪЛАХЪ ВЛАСТИ ОКРУЖНАГО СУДА ПРИ НАЗНАЧЕ-
НІИ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ПО ДѢЛАМЪ НЕСОСТОЯ-
ТЕЛЬНЫХЪ ДОЛЖНИКОВЪ.**

Въ послѣднее время приобрѣла какъ бы право гражданства особая система жалобъ на постановленія судебныхъ учреждений, т. е. жалобъ не въ апелляціонномъ или кассационномъ порядкѣ въ высшую инстанцію, а путемъ печатной критики постановленія того или другаго судебного мѣста, состоявшагося не въ пользу жалобщика. Особенно столбцы С.-Петербургской судебной газеты представляютъ широкое гостепримство подобнаго рода жалобамъ. Какъ только судъ или мировой судья постановили рѣшеніе не въ пользу просителя (а постановить рѣшеніе въ спорномъ дѣлѣ въ пользу обѣихъ сторонъ—немыслимо),—сейчасъ же недовольный симъ рѣшеніемъ истецъ или отвѣчикъ, а чаще всего повѣренный того или другаго, шлетъ безпощадную критику въ газету и съ неумолимою строгостью, доказывая правоту своего дѣла и вѣрность своего взгляда, бичуетъ ни въ чемъ неповинныхъ судей; причѣмъ нерѣдко подобнаго рода жалобы обнаруживаютъ отсутствіе у ихъ авторовъ самыхъ элементарныхъ юридическихъ познаній. Нѣкоторые судьи пишутъ даже отвѣты и объясненія по поводу такого рода жалобъ; но другіе, болѣе благоразумные и обладающіе менѣе раздражающимися нервами, оставляютъ ихъ безъ всякаго возраженія. И по нашему мнѣнію, единственный приличный въ подобнаго рода случаяхъ отвѣтъ—это молчаніе. Лицу, недовольному судебнымъ рѣшеніемъ, предоставлена полнѣйшая возможность обжаловать это рѣшеніе высшей инстанціи и тамъ доказывать всю неправомерность взгляда нисшаго суда; въ газетѣ же не мѣсто подобнаго рода препирательства. Но за то въ тѣхъ случаяхъ, когда судебное рѣшеніе затрогиваетъ интересы не однѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интересы всего мѣстнаго населенія, или же многихъ постороннихъ лицъ, къ дѣлу непричастныхъ; или когда при рѣшеніи извѣстнаго дѣла возбуждается принципиальный юридическій вопросъ общаго значенія—то, конечно, изслѣдованіе и научная разработка путемъ печати такихъ спор-

ныхъ, возбужденныхъ въ рѣшеніи суда вопросовъ, и очень желательны и полезны, съ соблюденіемъ, конечно, необходимыхъ условий приличія и безпристрастія. Тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, названіе суда и лицъ, участвовавшихъ въ такомъ интересномъ, въ научномъ отношеніи, дѣлѣ, все таки и тогда представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ суть не въ извѣстномъ судѣ или извѣстныхъ лицахъ, а въ значеніи того или другаго по становленія закона; да и вообще: *nomina sunt odiosa*. Исключеніе могутъ, развѣ, составлять громкіе, всѣмъ извѣстные процессы, такъ называемыя *causes célèbres*; но и здѣсь, по нашему мнѣнію, лицу, непосредственно заинтересованному въ дѣлѣ, участвующему въ немъ, вести полемику въ печати не подобаетъ, а гораздо лучше и приличнѣе уступить эту роль постороннему, непричастному къ дѣлу юристу.

Высказавъ, такимъ образомъ, свой взглядъ на подобнаго рода полемику, мы переходимъ къ сущности интересующаго насъ вопроса.

Трудно подыскать болѣе мѣткую характеристику правилъ производства дѣлъ о несостоятельности, какъ та, какую сдѣлалъ г. Маттель, въ статьѣ своей: „Правила производства дѣлъ о несостоятельности“¹⁾. Правила эти, по словамъ уважаемаго автора, „въ сущности не правила, а наборъ различныхъ измѣненій, дополненій особенностей и изыятій изъ правилъ“. И дѣйствительно, указать другую отрасль узаконеній, гдѣ царствовалъ бы такой невообразимый хаосъ и такое полное смѣшеніе постановленій стараго судопроизводства съ новымъ, не легко. Не желая уничтожить всего порядка судопроизводства, установленнаго для коммерческихъ судовъ, и стараясь приурочить оный къ тѣмъ окружнымъ судамъ, которымъ чуть не во всѣхъ русскихъ губернскихъ городахъ приходится замѣнять коммерческіе суды по дѣламъ о торговой несостоятельности, законодатель не избѣжалъ цѣлой массы противорѣчій, неточностей, недомолвокъ, и дѣйствительно, роль окружныхъ судовъ, при примѣненіи постановленій XI т. ч. 2,²⁾ а также и роль присяжныхъ попечителей и конкурсныхъ управленій по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ, нерѣдко представляется очень тяже-

¹⁾ Журналъ гражд. и угол. права 1884 г. книга 8 (октябрь) стр. 100.

лой; а о какомъ либо единообразіи при толкованіи всѣхъ этихъ многочисленныхъ статей торговаго устава, примѣняемыхъ разными окружными судами, и рѣчи быть не можетъ.

На первый взглядъ такую же неясностью и неточностью редакціи страдаетъ и 10 ст. временныхъ правилъ производства дѣлъ о несостоятельности (VI прилож. къ примѣч. подъ 1400 ст. уст. гр. суд. изд. 1883 г.), опредѣляющая предѣлы власти окружнаго суда при назначеніи присяжныхъ попечителей по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ. Мы говоримъ на первый взглядъ, такъ какъ въ сущности, при болѣе точномъ и внимательномъ изслѣдованіи 10 статьи и сравненіи ея съ другими статьями торговаго устава, которыя приходится примѣнять окружнымъ судамъ—статья эта не вызываетъ и не можетъ вызывать никакого существеннаго сомнѣнія и толкованіе ея не въ надлежащемъ смыслѣ слѣдуетъ считать развѣ лишь результатомъ очевиднаго недоразумѣнія.

Для большей точности мы позволимъ себѣ привести дословный текстъ ея безъ всякихъ измѣненій.

„Окружный судъ—гласитъ ст. 10 правилъ производства дѣлъ о несостоятельности—назначаетъ присяжныхъ попечителей по дѣламъ несостоятельнаго по своему усмотрѣнію, преимущественно изъ числа постороннихъ благонадежныхъ лицъ или присяжныхъ повѣренныхъ, указанныхъ кредиторами и изъявившихъ письменное согласіе на принятіе этого званія“.

Является вопросъ: можно ли изъ точнаго смысла этого закона вывести заключеніе, что на основаніи этой статьи не только окружный судъ можетъ назначать присяжныхъ попечителей изъ числа состоящихъ при томъ судѣ присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, хотя бы они не были указаны кредиторами, и ни письменнаго, ни словеснаго согласія своего на принятіе этого званія не изъявили, но что, напротивъ, лица эти, т. е. присяжные и частные повѣренные, въ случаѣ назначенія ихъ судомъ, помимо ихъ на то согласія, присяжными попечителями, не имѣютъ даже права отказаться отъ принятія на себя этого званія?

Казалось бы, отвѣтъ можетъ быть только одинъ, а именно: отрицательный.

А между тѣмъ, однимъ изъ окружныхъ судовъ (а можетъ быть и не однимъ) вопросъ этотъ разрѣшенъ именно въ совершенно противоположномъ, т. е. утвердительномъ смыслѣ.

Чтобы избѣжать подозрѣнія въ натяжкѣ или искаженіи мысли,

мы дословно приводимъ содержаніе частнаго опредѣленія этого суда по означенному вопросу, а затѣмъ попросимъ разрѣшенія читателя предложить ему и напи по этому поводу соображенія.

„Выслушавъ заявленіе частнаго повѣреннаго М. окружный судъ находитъ: 1) что по опредѣленію окружнаго суда, состоявшемуся 9 іюля 1885 г., состоящій при судѣ частный повѣренный М. назначенъ присяжнымъ попечителемъ по дѣламъ несостоятельнаго должника Н. и что 10 іюля М. подалъ въ окружный судъ заявленіе, что быть попечителемъ по дѣлу о несостоятельности Н. онъ не имѣетъ желанія. при чемъ никакихъ основаній къ отказу отъ исполненія возложенныхъ на него судомъ обязанностей не представилъ; 2) что на основаніи 10 ст. правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о несостоятельности (прилож. VI къ ст. 1400 примѣч уст гражд. суд.), окружному суду предоставлено право назначать присяжныхъ попечителей по дѣламъ несостоятельнаго по своему усмотрѣнію, преимущественно изъ числа постороннихъ благонадежныхъ лицъ, или присяжныхъ повѣренныхъ, указанныхъ кредиторами и изъявившихъ письменное согласіе на принятіе этого званія, и что, по точному смыслу этого закона, изъявленіе согласія на принятіе званія присяжнаго попечителя требуется и допускается только отъ такихъ лицъ, которыя указываются кредиторами *и суть для суда постороннія лица* и предварительное письменное изъявленіе согласія вовсе не устанавливается этимъ закономъ, когда окружной судъ назначаетъ присяжными попечителями къ дѣламъ несостоятельнаго, помимо указанія со стороны кредиторовъ, по своему усмотрѣнію, *изъ лицъ, состоящихъ при судѣ* и обязанныхъ по самому принятому ими на себя званію нести извѣстныя обязанности по назначенію отъ суда, каковы присяжные повѣренные и частные повѣренные, состоящіе при судахъ (353, 390, 394, 406 ст. учрежд. суд. устан.), которые могутъ быть освобождаемы отъ исполненія возложенныхъ на нихъ судомъ обязанностей только по представленіи ими суду достаточныхъ для сего причинъ, а не потому только, что они исполнять эти обязанности не имѣютъ желанія; 3) что таковъ именно истинный смыслъ закона, изложеннаго въ 10 ст. правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о несостоятельности, подтверждается: а) сопоставленіемъ означеннаго закона съ 1892 ст. т. XI ч. 2, въ измѣненіе и дополненіе которой онъ постановленъ; согласно 1892 ст., тамъ, гдѣ состоятъ коммерческіе суды, попечитель къ дѣламъ несостоятельнаго опредѣляется изъ

лицъ, состоящихъ въ спискѣ, какой ведется при судѣ; тамъ же, гдѣ нѣтъ коммерческихъ судовъ и въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены судебные уставы 20 ноября 1864 г., должность присяжнаго попечителя возлагается по опредѣленію магистрата или ратуши на одного или болѣе его членовъ; причемъ кредиторы несостоятельнаго вовсе устраняются отъ всякаго участія въ назначеніи присяжнаго попечителя; окружные суды, согласно 10 ст. правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о несостоятельности, назначаютъ присяжныхъ попечителей по своему усмотрѣнію, причемъ законъ установилъ, что кредиторы могутъ обращаться въ судъ, съ указаніемъ на тѣхъ лицъ, которыхъ они желали бы имѣть присяжными попечителями по дѣламъ несостоятельнаго, и что присяжными попечителями могутъ быть назначены и постороннія благонадежныя лица и присяжные повѣренные, по указанію кредиторовъ; окружный судъ и назначаетъ присяжными попечителями преимущественно изъ такихъ лицъ, которыя указаны кредиторами, но при этомъ, при разсмотрѣніи ходатайства кредиторовъ, обсуждаетъ, по своему усмотрѣнію, дѣйствительно ли благонадежно лицо, указываемое кредиторами, и изъявило ли оно предъ судомъ согласіе на принятіе званія присяжнаго попечителя по дѣламъ несостоятельнаго, такъ какъ на постороннихъ лицъ судъ не имѣетъ права возлагать какихъ либо обязанностей по судебнымъ дѣламъ, неуказанныхъ въ законѣ, а удовлетворить желаніе кредиторовъ о назначеніи присяжнымъ попечителемъ присяжнаго повѣреннаго, безъ согласія на то послѣдняго, не имѣетъ никакихъ основаній, ибо кредиторы *имѣютъ право только просить судъ, но не имѣютъ никакого права требовать*, чтобы присяжнымъ попечителемъ былъ назначенъ присяжный повѣренный, по ихъ указанію, который и безъ того можетъ быть имѣть нѣсколько порученій отъ суда; б) тѣмъ, что законъ не обязываетъ кредиторовъ, при открытіи несостоятельности, указывать суду, кого они желаютъ имѣть присяжнымъ попечителемъ по дѣламъ несостоятельнаго, а равно не устанавливаетъ и обязательнымъ явки на судъ, при объявленіи лица несостоятельнымъ; поэтому окружной судъ, согласно 10 ст. правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о несостоятельности, обязанъ, по объявленіи кого либо несостоятельнымъ, по дѣламъ его назначить присяжныхъ попечителей, не ожидая указанія со стороны кредиторовъ и, очевидно, по своему усмотрѣнію можетъ назначить только изъ лицъ, *состоящихъ при судѣ* въ качествѣ присяжныхъ

или частных повѣренныхъ, точно также какъ коммерческій судъ согласно 1892 ст. т. XI ч. 2, назначаетъ присяжныхъ попечителей изъ лицъ, состоящихъ въ особомъ спискѣ; назначенные же по усмотрѣнію суда присяжными попечителями лица, на которыхъ судъ, по учрежденію судебныхъ установленій, имѣетъ право возлагать порученія, указанныя въ законѣ, обязаны подчиняться опредѣленію суда, такъ какъ законъ не возлагаетъ на судъ обязанность испрашивать предварительно ихъ согласія на то, а напротивъ, устанавливаетъ, что эти лица не имѣютъ права отказываться отъ возлагаемыхъ на нихъ судомъ обязанностей безъ достаточныхъ для сего причинъ (394 ст. учрежд. суд. уст.); в) что законъ, изложенный въ 10 ст. правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о несостоятельности, не можетъ быть понимаемъ и примѣняемъ въ томъ смыслѣ, что судъ имѣетъ право назначить присяжными попечителями по дѣламъ несостоятельнаго изъ лицъ, состоящихъ при судѣ въ качествѣ присяжныхъ или частных повѣренныхъ, только подъ условіемъ изъявленія ими на то согласія, очевиднымъ становится изъ того, что въ законѣ не установлено правила, какъ поступать суду, когда никѣмъ согласія на принятіе званія присяжнаго попечителя не будетъ изъявлено; очевидно, если присяжнымъ попечителемъ можетъ быть назначено только лицо, изъявляющее на то свое согласіе, то можетъ представиться случай, когда никто не изъявитъ согласія быть присяжнымъ попечителемъ по дѣламъ несостоятельнаго, и тогда возложенная на судъ 1892 ст. XI т. ч. 2 и 10 ст. правилъ о производствѣ дѣлъ о несостоятельности, обязанность немедленно назначить присяжнаго попечителя по открывшейся несостоятельности, окажется невозможною для выполненія, и самый законъ—*мертвою буквою*; поэтому, если бы и дѣйствительно законъ, изложенный въ 10 ст., представлялъ какую либо неясность, то въ силу 9 ст. уст. гражд. суд., судъ обязанъ понимать и примѣнять его въ томъ смыслѣ, что при назначеніи присяжнаго или частнаго повѣреннаго, состоящаго при судѣ, присяжнымъ попечителемъ по дѣламъ несостоятельнаго, судъ не стѣсненъ изъявленіемъ на то согласія назначеннаго лица; 4) что, посему, такъ какъ частный повѣренный М., заявленіемъ отъ 10 іюля отказывается отъ исполненія возложенныхъ на него опредѣленіемъ суда 9 іюля 1885 г. обязанностей присяжнаго попечителя по дѣламъ несостоятельнаго N только потому, что не имѣетъ желанія исполнять эти обязанности, и никакихъ другихъ причинъ къ отказу не представляетъ,

то такое заявленіе его должно быть оставлено безъ уваженія. А посему окружной судъ опредѣлить: заявленіе частнаго повѣреннаго М. оставить безъ уваженія и привести его къ присягѣ въ судебномъ засѣданіи 30 сего іюля, о чемъ его и извѣстить“.

И такъ, лицо вполне свободное, на государственной службѣ не состоящее, заявляетъ суду, что онъ не имѣетъ никакого желанія поступать на предлагаемую ему должность; но окружной судъ, не обращая на это никакого вниманія, заставляетъ его принимать присягу и немедленно вступить въ отправленіе навязанной ему должности, не справившись даже съ тѣмъ, есть ли у этого лица достаточное для исполненія этой обязанности время, нѣтъ ли у него другаго болѣе спѣшнаго дѣла, и проч. и проч. Есть надѣ чѣмъ призадуматься!

Къ счастью, вся аргументація суда — впрочемъ, надо признать, очень удачная и остроумная — основана на нѣсколькихъ невѣрныхъ положеніяхъ, и ставъ разъ на эту ложную почву, окружной судъ, путемъ логическихъ выводовъ и разсужденій, очевидно не могъ придти къ иному, какъ только къ ложному и невѣрному выводу.

При болѣе подробномъ анализѣ всего содержанія только что приведеннаго опредѣленія суда оказывается, что вся мотивировка этого опредѣленія сводится къ слѣдующимъ 7-ми положеніямъ, изъ коихъ, однакожъ, какъ читатели убѣдятся ниже, ни одно нельзя признать правильнымъ, основательнымъ и убѣдительнымъ.

1) Пр же всего судъ, въ опредѣленіи своемъ, исходитъ изъ того положенія, что если означенныя въ цитируемой 10 ст. лица *постороннія* или вовсе не будутъ указаны кредиторами, или будучи указаны, не изъявятъ своего согласія на принятіе званія присяжныхъ попечителей, или, наконецъ, будутъ признаны судомъ неблагонадѣжными и незаслуживающими довѣрія, то, очевидно, судъ долженъ и можетъ выбрать присяжнаго попечителя только изъ лицъ *для суда непостороннихъ*, т. е. изъ лицъ, *при судѣ состоящихъ* каковыми являются присяжные и частные повѣренные.

2) Раздѣливъ, такимъ образомъ, кандидатовъ на должность присяжнаго попечителя на лицъ *постороннихъ для суда* и на лицъ *непостороннихъ, т. е. состоящихъ при судѣ*, судъ уже конечно совершенно логично дѣлаетъ выводъ, что первымъ, т. е. постороннимъ лицамъ, безъ ихъ согласія судъ никакихъ порученій давать не можетъ; вторые же, состоя при судѣ, уже въ силу принятаго

ими на себя званія присяжнаго или частнаго повѣреннаго, этимъ самымъ принимаютъ на себя обязанность безпрекословно исполнять всѣ даваемыя имъ судомъ порученія. и въ случаѣ невозможности исполнить порученіе суда, могутъ быть отъ этой обязанности освобождены не иначе, какъ судомъ, и не раньше, какъ по представленіи уважительныхъ къ тому причинъ

3) Изъ сего же, опять-таки совершенно цѣлесообразно, вытекаетъ, что изъясненіе согласія на принятіе званія присяжнаго попечителя можетъ требоваться только отъ лицъ *постороннихъ*; что же касается лицъ *не постороннихъ, т. е. состоящихъ при судѣ*, то о изъясненіи ими согласія или неизъясненіи такового, судъ справляться вовсе не обязанъ.

4) Не стѣсняясь же изъясненіемъ или неизъясненіемъ согласія со стороны лицъ, *состоящихъ при судѣ*, т. е. присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, судъ назначаетъ того или другаго изъ нихъ на должность присяжнаго попечителя *по своему усмотрѣнію*, точно также, какъ, въ силу 1892 ст. т. XI ч. 2, коммерческой судъ назначаетъ присяжными попечителями лицъ, *состоящихъ при коммерческомъ судѣ* и занесенныхъ въ особый списокъ. Кредиторы же несостоятельнаго должника отъ участія въ назначеніи присяжнаго попечителя вовсе *устранены*.

5) Единственное право кредиторовъ—это *просить* судъ, чтобы присяжнымъ попечителемъ назначено было указанное ими лицо, но *просьба* эта для суда вовсе *необязательна* и кредиторы не могутъ настаивать на томъ, чтобы присяжнымъ попечителемъ назначенъ былъ непременно такой-то присяжный повѣренный, ибо они не знаютъ и не могутъ знать, не имѣетъ ли этотъ присяжный повѣренный какихъ либо *другихъ порученій отъ суда*. Поэтому, для того, чтобы ихъ просьба могла быть уважена, необходимо, чтобы указанный ими присяжный повѣренный на принятіе званія присяжнаго попечителя изъяснилъ письменное свое согласіе.

6) Независимо отъ сего, законъ вовсе *не обязываетъ кредиторовъ указывать суду, при самомъ открытіи несостоятельности, на тѣхъ лицъ*, которыхъ они желали бы имѣть присяжными попечителями, и *не талаетъ обязательной явки ихъ на судъ въ день объявленія ихъ должника несостоятельнымъ*; слѣдовательно, судъ не можетъ выжидать такого ихъ указанія, а долженъ, *по своему усмотрѣнію*, назначить присяжнаго попечителя и, конечно, только изъ лицъ, *при судѣ состоящихъ*.

ж. гр. и уг. пр. кп. х 1886 г.

7) Наконецъ, если бы судъ могъ назначать присяжныхъ попечителей изъ лицъ *состоящихъ при судѣ*, т. е. частныхъ и присяжныхъ повѣренныхъ, только подъ условіемъ указанія на нихъ кредиторами и изъявленія ими согласія, то весьма легко могло бы случиться, что, при отсутствіи такого указанія или согласія, судъ поставленъ былъ бы въ невозможность исполнить возложенную на судъ, статьей 1892 т. XI ч. 2 и статьей 10 прилож. къ примѣч. подъ 1400 ст. уст. гражд. суд., обязанность, т. е. назначить присяжнаго попечителя немедленно по объявленіи иссостоятельности, и такимъ образомъ изображенный въ этихъ статьяхъ законъ *остался бы жертвой буквы*.

8) Поэтому, если допустить, что редакція ст. 10 и представляетъ какое либо сомнѣніе, то таковое должно быть устранено согласно правила, изложеннаго въ 9 ст. уст. гражд. суд., и именно въ томъ смыслѣ, что при назначеніи присяжныхъ попечителей изъ числа лицъ, *состоящихъ при судѣ*, судъ не долженъ стѣсняться ихъ согласіемъ или несогласіемъ, а назначаетъ ихъ по *своему усмотрѣнію*.

И какое, подумаешь, стройное сочетаніе логическихъ умозаключеній; какъ естественно и ясно всякое изъ послѣдующихъ положеній вытекаетъ изъ предъидущаго! По истинѣ — прочное зданіе изображаетъ изъ себя вся эта аргументація, предоставляющая въ жертву судейскому усмотрѣнію и свободный выборъ труда и время присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ!

Но только прочность эта кажущаяся: разъ въ основаніе всей аргументаціи положено ложное и невѣрное предположеніе, то, понятно, что какъ бы искусно ни были сдѣланы изъ онаго логическіе выводы, всѣ они должны пасть, если самое основное положеніе будетъ опровергнуто.

Принятая въ основаніе аргументаціи суда юридическія положенія отличаются именно этимъ свойствомъ, такъ какъ они не только не вытекаютъ изъ закона, но напротивъ, прямо ему противорѣчатъ.

Такъ, самое капитальное недоразумѣніе составляетъ принятое судомъ дѣленіе кандидатовъ на должность присяжнаго попечителя — на лицъ, *для суда постороннихъ и непостороннихъ, т. е. состоящихъ при судѣ*, къ каковымъ принадлежатъ присяжные и частные повѣренные. Гдѣ, изъ какихъ источниковъ закона почерпнулъ судъ убѣжденіе, что составители правилъ производства дѣлъ о не

состоятельности, возлагая въ 10 ст. этихъ правилъ на судъ обязанность назначать присяжныхъ попечителей преимущественно изъ *постороннихъ* благонадежныхъ лицъ, понимали подъ этими словами какихъ-то лицъ, для суда постороннихъ? Что это за такія *постороннія для суда* лица? Мы знаемъ, что въ каждомъ дѣлѣ есть *участвующія* въ немъ лица: истецъ и отвѣтчикъ; обвиняемый, обвинитель, гражданскій истецъ, потерпѣвшій; кредиторъ, должникъ и т. д. Вотъ этимъ *участвующимъ въ дѣлѣ* лицамъ законъ и противопоставляетъ *постороннихъ* лицъ, т. е. лицъ въ дѣлѣ *неучаствующихъ*; но чтобы гдѣ либо въ законѣ говорилось о какихъ-то лицахъ *постороннихъ* не по отношенію къ извѣстному дѣлу, а по отношенію къ самому суду — объ этомъ мы что-то до сихъ поръ еще не слышали. Правила производства дѣлъ о несостоятельности постановлены въ дополненіе и развитіе статей торговаго устава, чтобы примѣненіе ихъ сдѣлать возможнымъ въ окружныхъ судахъ; слѣдовательно, къ этимъ статьямъ и нужно было обратиться суду за справкой при толкованіи злополучной 10 статьи названныхъ правилъ. Тогда изъ этихъ статей судъ убѣдился бы, что въ дѣлахъ о несостоятельности есть *участвующія* въ сихъ дѣлахъ лица: кредиторы и ихъ повѣренные, и самъ несостоятельный должникъ, а затѣмъ всѣ остальные лица считаются *посторонними*. Такъ, согласно 1906 ст. кураторы могутъ быть избираемы и изъ лицъ *постороннихъ*, по изъявленному на то со стороны ихъ согласію; при чемъ, какъ поясняетъ 1920 ст., выбранный въ кураторы, хотя бы и изъ *постороннихъ*, т. е. *непринадлежащихъ къ кредиторамъ должника* лицъ и т. д. . . . Тоже самое и въ 1919 ст. и во многихъ другихъ. Вотъ теперь ларчикъ открывается очень просто: такъ какъ при возбужденіи дѣла о несостоятельности могутъ быть извѣстны суду далеко не всѣ кредиторы, а лишь нѣкоторые изъ нихъ, а эти послѣдніе могутъ иногда и не пользоваться довѣріемъ суда, то 10 статьей суду и вмѣнено въ обязанность назначать присяжныхъ попечителей *преимущественно* не изъ этихъ случайныхъ и, можетъ быть, далеко не самыхъ главныхъ кредиторовъ, а изъ *постороннихъ* благонадежныхъ лицъ, а въ томъ числѣ и изъ присяжныхъ повѣренныхъ, коль скоро тѣ и другіе будутъ указаны кредиторами и изъяснять согласіе на принятіе этого званія. Два эти условія, т. е. указаніе кредиторамъ на извѣстное лицо и изъясненіе согласія симъ послѣднимъ, есть именно необходимыя условія, установленныя закономъ для всякаго *полномочія*. Кредит-

торы этимъ указаніемъ *уполномочиваютъ* присяжнаго повѣреннаго заяться ихъ дѣломъ въ качествѣ присяжнаго попечителя, а изъ-явленное имъ согласіе доказываетъ, что онъ *полномочіе* это на себя *принимаетъ*; слѣдовательно, всякія разсужденія о томъ, что кредиторы могутъ лишь *просить* о назначеніи присяжнымъ попечителемъ указаннаго ими присяжнаго повѣреннаго, но не могутъ этого *требовать* и что эта ихъ *просьба* для суда вовсе *необязательна*—падаютъ сами собою. Допуская, затѣмъ, особое исключеніе для другихъ постороннихъ лицъ, которыя, по общимъ началамъ учр. суд. уст., не состоя сами кредиторами, не могутъ быть уполномоченными на судѣ за нихъ послѣднихъ, и предоставляя и имъ право быть присяжными попечителями, законодатель оцѣнку благонадежности сихъ лицъ ввѣрилъ контролю суда (по аналогіи съ 406¹⁸ ст. учр. суд. уст.), такъ, что одного указанія на этихъ лицъ кредиторами и согласія ихъ недостаточно, а необходимо еще, чтобы судъ призналъ ихъ заслуживающими довѣрія, т. е. благонадежными. Но, чтобы въ томъ или другомъ случаѣ можно было обойтись безъ согласія кандидата на должность присяжнаго попечителя принять эту должность и безъ согласія кредиторовъ ввѣрить ему таковую—это также невозможно, какъ невозможно насильное *полномочіе* безъ согласія и воли *уполномоченнаго* и *довѣрителя*.

Поэтому такое произвольное назначеніе присяжнаго попечителя является не только явнымъ нарушеніемъ правъ назначеннаго присяжнымъ попечителемъ лица, но оно въ высшей степени безцеремонно и самоуправно по отношенію къ кредиторамъ, которыя насильно навязываютъ повѣреннаго помимо ихъ воли, согласія и желанія. Можетъ случиться, что кредиторы вовсе не довѣряютъ тому или другому частному или присяжному повѣренному—а судъ, нисколько о томъ не заботясь и съ ихъ желаніемъ не справляясь, назначаетъ имъ для содѣйствія въ полученіи удовлетворенія по ихъ претензіямъ именно этого повѣреннаго. Это ли еще не явное превышеніе власти? Но этого мало. Дѣло вѣдь въ томъ, что назначенный при такихъ условіяхъ судомъ на должность присяжнаго попечителя частный или присяжный повѣренный не только *можетъ*, но и безусловно *обязанъ* отказаться отъ этого званія, такъ какъ вести дѣло тѣхъ лицъ, которыя его на это вовсе не уполномочивали, и о такомъ назначеніи имъ повѣреннаго передъ судомъ никогда просьбы не заявляли—онъ не имѣетъ положительно никакого права. Полномочіе основывается исключительно на взаимномъ согласіи и личномъ довѣріи и навязывать оное насильно немислимо.

Насколько повѣренъ избрѣтенный судомъ терминъ, какихъ-то лицъ для суда (а не для дѣла) *постороннихъ* — настолько же несогласно съ закономъ и положеніе суда о томъ, что присяжные повѣренные и частные повѣренные получаютъ будто бы *отъ суда* какія-то *порученія*, что *судъ* можетъ возлагать на нихъ разныя обязанности, и что уклоняться и отказываться отъ исполненія этихъ *порученій суда* они безъ представленія законныхъ причинъ не имѣютъ, якобы, никакого права. Пока еще во всемъ сводѣ законовъ российской имперіи не существуетъ ни единой статьи о подобнаго рода порученіяхъ и обязанностяхъ, кромѣ развѣ тѣхъ общихъ обязанностей, какія должны нести присяжные и частные повѣренные наравнѣ со всеми другими гражданами, какъ то быть свидѣтелями, экспертами и проч

Правда, въ учрежденіи судебныхъ постановленій и въ уставѣ гражданского и уголовного судопроизводства есть нѣсколько статей, коими *предсѣдателю* суда предоставлено право возлагать на присяжныхъ повѣренныхъ защиту подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ (ст. 566 устава угол. суд.), неимущихъ тяжущихся по дѣламъ гражданскимъ (ст. 467 п. 4 учр. суд. уст.), или накопецъ, вмѣсто отказавшагося отъ веденія гражданского дѣла присяжнаго повѣреннаго, назначить временно, впредь до избранія тяжущимся новаго повѣреннаго (254 ст. уст. гр. суд., 390 ст. учр. суд. уст.), и присяжные повѣренные отъ исполненія возложенныхъ на нихъ, согласно этимъ статьямъ, *предсѣдателемъ* суда, а также и въ другихъ случаяхъ (ст. 353, 392 учр. суд. уст.) *совѣтомъ* — обязанностей могутъ быть освобождены только по представленіи ими уважительныхъ на то причинъ. Но такъ какъ этими статьями и исчерпываются всѣ случаи, когда на присяжнаго повѣреннаго возлагаются извѣстныя обязанности, помимо его на то согласія, то ясно, что создавать еще какія-то другія обязательныя для присяжныхъ повѣренныхъ порученія — да еще порученія *отъ суда* — это значить говорить вопреки ясному и безспорному смыслу закона. Всякій присяжный повѣренный припимая на себя это званіе, долженъ знать, какія обязанности возлагаетъ на него законъ, и отъ нихъ онъ уклоняться не можетъ, но онъ можетъ и долженъ протестовать, когда ему насильно навязываютъ такія обязанности, о существованіи коихъ законъ не дѣлаетъ даже никакого намека

Мы нѣсколько разъ обращали вниманіе на то, что и тѣ немногія порученія, какія по закону обязательны для присяжныхъ по

вѣренныхъ, возлагаетъ на нихъ не *судъ*, а *предсѣдатель*. Разница эта имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Законодатель не могъ и не хотѣлъ предоставлять этой власти *суду* уже потому, что судъ есть учрежденіе коллегіальное, имѣющее засѣданія свои въ опредѣленные дни, не больше раза въ недѣлю (одинъ и тотъ же составъ) и поэтому, возложивъ извѣстную обязанность на присяжнаго повѣреннаго, судъ только чрезъ недѣлю; а иногда и чрезъ двѣ, могъ бы обсудить просьбу его объ освобожденіи его отъ этой обязанности и о замѣнѣ его другимъ лицомъ. Очевидно, такая система повлекла бы за собою бесполезную медленность, а иногда и невознаградимые для частныхъ лицъ убытки. Получивъ ордеръ *предсѣдателя* о назначеніи казеннымъ защитникомъ или повѣреннымъ тяжущагося, пользующагося правомъ бѣдности, присяжный повѣренный, не имѣя почему-либо возможности исполнить это порученіе, можетъ *въ тотъ же день* подать о томъ рапортъ *предсѣдателю*, объясниться съ нимъ *лично*, и *въ тотъ же самый день* вмѣсто него можетъ быть назначено *другое лицо*, которое *немедленно* приступить къ исполненію *нетерпящихъ отлагательствъ* дѣйствій, вытекающихъ изъ возложенной на него обязанности. Къ порученіямъ *суда* тааой порядокъ непримѣнимъ. Независимо отъ этого, въ канцеляріи предсѣдателя (или въ предсѣдательскомъ столѣ) ведется списокъ всѣхъ состоящихъ при судѣ лицъ и отмѣчаются ихъ адреса въ городѣ, а въ томъ числѣ отмѣчаются адреса и присяжныхъ повѣренныхъ. Между тѣмъ, *суду гражданскому* неизвѣстно и *не можетъ быть извѣстно ничего* того, *чего изъ самая дѣла не видно*, ибо судъ по дѣламъ гражданскимъ самъ справокъ никакихъ не собираетъ. Изъ этого уже ясно, что гражданское отдѣленіе суда присяжному повѣренному можетъ послать повѣстку о назначеніи его присяжнымъ попечителемъ лишь тогда, когда мѣсто его жительства *сдѣлается* суду извѣстно изъ заявленія кредитора или его самого. Вотъ почему законъ и требуетъ изьявленія *письменнаго* согласія; если же согласіе дано будетъ въ засѣданіи суда и занесено въ протоколъ, то или тутъ же слѣдуетъ записать и адресъ присяжнаго попечителя, или заявить о немъ онъ долженъ въ канцеляріи суда, согласно 309 ст. уст. гр. суд. Если же допустить, что судъ можетъ назначить присяжнымъ попечителемъ, по своему усмотрѣнію, того или другаго присяжнаго повѣреннаго, безъ указанія кредитора и безъ изьявленія его согласія, то откуда же судъ *узнаетъ* о мѣстѣ его жительства? Почему же это мѣсто-

жительство, состоящаго при судѣ присяжнаго повѣреннаго, *неизвѣстно* гражданскому суду, когда онъ является повѣреннымъ тяжущихся въ судѣ; почему, если имъ не будетъ въ исковомъ прошеніи каждый разъ указанъ его адресъ, прошеніе это, согласно 6 п. 269 ст. уст. гр. суд., оставляется безъ движенія; а почему адресъ этотъ *долженъ* *быть* *известенъ* суду, когда присяжному повѣренному нужно послать повѣстку о назначеніи его присяжнымъ попечителемъ? Выходитъ такое курьезное явленіе: когда гражданскому суду *нуженъ* присяжный повѣренный — то суду *известенъ* *его* *адресъ* — а когда тотъ же присяжный повѣренный по гражданскому дѣлу *подастъ въ судъ бумагу*, то онъ, подѣ страхомъ оставленія прошенія безъ движенія, обязанъ точно обозначить мѣсто своего жительства, такъ какъ адресъ его суду *неизвѣстенъ*. Конечно, это было бы очень забавно, если бы вмѣстѣ съ симъ, не было очень грустно! Будучи до крайности строгими къ просителю, въ случаѣ несоблюденія имъ самой пустой формальности, мы, совершенно свободно, готовы обойти любой законъ, когда намъ это нужно. А между тѣмъ, вѣдь судъ-то существуетъ для просителей — а не просители для суда.

Но этого мало: всѣ тѣ *порученія*, какія по закону предоставлено *совѣту и предсѣдателю* суда давать присяжнымъ повѣреннымъ, суть порученія, входящія *прямо и непосредственно въ кругъ дѣятельности* повѣреннаго: защищать извѣстное лицо или извѣстное дѣло. Порученія эти ограничены или *однимъ опредѣленнымъ дѣйствіемъ*, какъ напр проведеніемъ уголовной защиты, или *веденіемъ гражданского дѣла*, одновременно съ другими такими же дѣлами, такъ, что одно дѣло нисколько *не стѣсняетъ* присяжнаго повѣреннаго въ веденіи другаго. Назначать же присяжнаго повѣреннаго присяжнымъ попечителемъ — значитъ *назначать его на должность*, вступая въ которую онъ долженъ даже приносить особую присягу. Это уже не *отдѣльное порученіе*, а насильственное переименованіе частнаго гражданина въ *должностное лицо*, вопреки его воли и желанію. Должность эта сопряжена иногда съ разъѣздами, перепиской съ присутственными мѣстами и цѣлой массой другихъ дѣйствій, для которыхъ у присяжнаго повѣреннаго, можетъ быть, и вовсе нѣтъ свободнаго времени, а его заставляютъ быть этимъ *должностнымъ лицомъ* помимо его согласія. Мыслимо ли это?

Конечно, все сказанное нами о присяжныхъ повѣренныхъ еще

болѣе относится къ частнымъ повѣреннымъ. Не существуетъ во всемъ уставѣ ни единой такой статьи, по которой не только судъ, но даже и предсѣдатель суда, могъ бы этимъ лицамъ давать какия-либо порученія.

Чрезвычайно важное и великое начало внесено въ гражданскій процессъ судебными уставами 20 ноября 1864 г.: — это начало состязательности. Въ основаніе дѣлопроизводства въ старыхъ судахъ положено было слѣдственное, приказное начало: самъ судъ предпринималъ всѣ дѣйствія по своей собственной инициативѣ, самъ собиралъ справки, переписывался съ присутственными мѣстами; а заинтересованное въ дѣлѣ лицо отъ участія въ процессѣ было почти совсѣмъ устранено. Уставы Императора Александра II освободили тяжущихся отъ этой чрезмѣрной опеки, признавъ за ними гражданское совершеннолѣтіе. По судебнымъ уставамъ 1864 г., въ дѣлѣ гражданскомъ все предоставлено инициативѣ тяжущихся; судъ не вмѣшивается въ ихъ подготовительныя дѣйствія и рѣшаетъ дѣло на основаніи предложеннаго ему самими сторонами матеріала. Начало свободнаго распоряженія сторонъ и невмѣшательство суда въ это распоряженіе — вотъ то великое приобрѣтеніе, какое ввели въ нашу гражданскую жизнь новые уставы. Правда, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ (наприм. недостаточность полномочія, непредставленіе копій, пропущеніе срока и т. п.), судъ обязанъ обсуждать и рѣшать нѣкоторые частные вопросы безъ указанія сторонъ; но это лишь исключеніе, да притомъ точно указанное въ уставѣ. Общее же начало: „*pro eo quod iudex ex officio*“ получило полное и широкое примѣненіе. Но знаніе новыхъ судовъ воздвигнуто не во всей еще Россіи. Слѣды стараго времени кое гдѣ еще остались и донныѣ, и напоминаютъ о той системѣ опеки, по началамъ которой все дѣлалось по приказу, такъ что частному лицу представлялось дѣйствительно только *просить*, но ужъ никакъ не *требовать*. Коммерческіе суды являютъ собою, до нѣкоторой степени, примѣръ этихъ остатковъ прошлаго. При судахъ этихъ состоятъ особыя выборныя должностныя лица, выбираемыя городскимъ обществомъ на общемъ основаніи, записанныя въ особый списокъ и изъ этихъ то лицъ коммерскій судъ и назначаетъ присяжныхъ попечителей, впрочемъ, *по очереди*, а не *по своему усмотрѣнію*. Дѣйствительно, ни указаніе кредиторовъ, ни изъявленіе согласія кандидата на должностъ присяжнаго попечителя, здѣсь вовсе не требуется. Кандидаты состоятъ при судѣ, и судъ ихъ назначаетъ не-

посредственно самъ, одновременно съ объявленіемъ несостоятельности, по своей собственной инициативѣ (уст. о торг. несост. ст. 1892, 1271, 1284—1287). Назначаетъ же ихъ коммерческій судъ по очереди точно также, какъ предсѣдатель окружнаго суда поручаетъ по очереди судебнымъ приставамъ дѣла о продажѣ недвижимыхъ имѣній. Но какъ предсѣдатель суда не можетъ никого назначить судебнымъ приставомъ безъ его на то согласія, такъ и должность кандидата на званіе присяжнаго попечителя не можетъ быть никому безъ его воли и согласія навязана насильно. А разъ кто добровольно занялся въ заведенный при коммерческомъ судѣ списокъ, то уже само собою разумѣется, что о новомъ согласіи его при каждомъ очередномъ порученіи ему новаго дѣла не можетъ быть и рѣчи.

И вотъ, одно то обстоятельство, что коммерческій, дѣйствующій по старой слѣдственной системѣ судъ, назначаетъ присяжныхъ попечителей изъ *состоящихъ при томъ судѣ*, парочно на сей предметъ выбранныхъ кандидатовъ — и новому суду, дѣйствующему на новыхъ основаніяхъ, проведенныхъ въ уставахъ 1864 г., показалось совершенно достаточнымъ аргументомъ для того, чтобы при открытіи несостоятельности счесть себя вправе назначать въ присяжные попечители, *по своему усмотрѣнію*, любое изъ *состоящихъ при судѣ* лицъ. Вся логика въ аналогіи термина *„состояція при судѣ“*. Но, еслибъ при этомъ судъ кромѣ указанной имъ 1892 ст., обратилъ еще вниманіе на содержаніе ст. 1288, то и для него было бы ясно, что кандидаты на должность присяжнаго попечителя и въ старомъ то судѣ выбирались непременно изъ купцовъ и, притомъ, непременно той самой гильдіи, къ которой принадлежитъ несостоятельный. Уставъ о торговой несостоятельности, по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ торговаго званія не считалъ возможнымъ назначать присяжными попечителями лицъ другаго сословія, считая оныя для этого некомпетентными; а новый окружный судъ по дѣламъ несостоятельнаго должника — купца, — не находилъ возможнымъ назначить присяжнаго попечителя изъ числа кредиторовъ — купцовъ, а напротивъ, назначаетъ лицъ, ничего или очень мало смыслящихъ въ торговлѣ т. е. лицъ, состоящихъ при судѣ, каковыми, кромѣ присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, являются вѣдь еще и нотариусы, и судебныя пристава, и разсылные, и кандидаты на судебныя должности. Нечего сказать, хорошая

аналогія ¹⁾! А все это вызвано этимъ злосчастнымъ дѣленіемъ кандидатовъ въ присяжные попечители на лицъ *постороннихъ для суда и не постороннихъ, т. е. при судѣ состоящихъ*

Но судъ признаетъ за собою право назначать присяжными попечителями именно этихъ лицъ и при томъ по своему усмотрѣнію, безъ изъясненія ими на то своего согласія, еще и потому, что, по мнѣнію суда, ни указаніе кредиторами кандидатовъ въ присяжные попечители при самомъ открытіи несостоятельности, ни даже явка ихъ въ судъ ко дню, когда разрѣшается вопросъ о признаніи должника несостоятельнымъ—для нихъ, кредиторовъ, не обязательны, и судъ не обязанъ выжидать такого ихъ указанія въ теченіи неопредѣленнаго времени. Но вѣдь дѣло о несостоятельности *есть дѣло гражданское*. А по новымъ судебнымъ уставамъ *иниціатива въ каждомъ гражданскомъ дѣлѣ принадлежитъ исключительно сторонамъ*; судъ рѣшаетъ дѣло только на основаніи того, что ему участвующими въ дѣлѣ лицами представлено ²⁾. Никакой законъ не можетъ заставить истца внести пошлины при искомомъ прошеніи, или означить свой адресъ въ канцеляріи суда, а тѣмъ не менѣе, если онъ этого не сдѣлаетъ, то подвергается всѣмъ тѣмъ послѣдствіямъ, какія на сей случай предусмотрѣны въ законѣ. Стороны въ гражданскомъ процессѣ, лица участвующія въ гражданскомъ дѣлѣ, сами обязаны явиться и заботиться о своихъ интере-

¹⁾ Въ самомъ новѣйшемъ изъ европейскихъ торговыхъ кодексовъ, а именно въ итальянскомъ кодексѣ (утвержденномъ королевскимъ декретомъ ¹⁹/з, октября 1882 г.), вопреки системѣ, господствовавшей раньше и существующей еще и нынѣ во французскомъ торговомъ кодексѣ, по которой присяжный попечитель (*Syndic provisoir*) назначался изъ числа юристовъ, принята система нашего торговаго устава: именно согласно 714 и 715 ст. итал. торг. кодек., присяжной попечитель (*il curatore*) назначается судомъ изъ лицъ, внесенныхъ въ особый списокъ и избираемыхъ купеческимъ обществомъ изъ своей среды на три года.

²⁾ Съ нѣкоторыми, конечно, исключеніями, точно указанными въ законѣ, гдѣ иниціатива предоставлена суду. Къ исключеніямъ этимъ принадлежитъ наприм. правило о передачѣ судомъ гражданскимъ дѣла въ судъ уголовный, при обнаруженіи преступленія согласно 8 ст. уст. гражд. судопр., а также отдача подъ стражу, по распоряженію коммерческаго суда, лица, признаннаго несостоятельнымъ по торговлѣ, согласно 1882 ст. XI т. 2 ч., помимо просьбы о томъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Но тѣмъ не менѣе, исключенія эти производства о несостоятельности нисколько не лишаютъ общаго характера гражданского дѣла и не дѣлаютъ изъ него дѣла уголовного.

сахъ. То счастливое время, когда судъ являлся для нихъ и нянькой и опекуномъ, давно миновало. Не позаботился истецъ или отвѣтчикъ, просившіе судъ о вызовѣ свидѣтеля или о производствѣ осмотра, внести необходимыя для исполненія этихъ дѣйствій деньги, и дѣло будетъ лежать безъ движенія хоть цѣлые годы, пока его благополучно не сдадутъ въ архивъ.

Но возвратимся къ соображенію суда, что для кредиторовъ ни явка на судъ, ни указаніе кандидатовъ на должность присяжнаго попечителя, не обязательны. Да, это дѣйствительно такъ! Но чтожь изъ этого? Вѣдь кредиторы, просившіе о признаніи ихъ должника несостоятельнымъ — полные хозяева въ своемъ дѣлѣ: они и обязаны заботиться о своихъ интересахъ, и коль скоро они о судьбѣ своего дѣла не заботятся, то не можетъ же судъ заботиться за нихъ и больше ихъ.

Изъ сказаннаго ясно, на сколько неосновательны и всѣ дальнѣйшія соображенія суда о томъ, яко бы, безвыходномъ положеніи, въ какомъ очутился бы судъ въ случаѣ, когда кредиторы—или никакого кандидата на должность присяжнаго попечителя не укажутъ. или укажутъ, но не заручатся его письменнымъ согласіемъ. Если бы при подобныхъ условіяхъ признать, что судъ не имѣетъ права назначать, по своему усмотрѣнію, присяжными попечителями лицъ, состоящихъ при судѣ, то законъ, изображенный въ 10 ст. правилъ о несостоятельности, остался бы, по мнѣнію суда, *мертвою буквою*. Допустимъ на время, что это предположеніе суда вѣрно. Но если такъ, тогда поневолѣ наталкиваешься на вопросъ: почему это судъ, такъ серьезно озабоченный тѣмъ, что останется *мертвою буквою* требованіе закона о немедленномъ назначеніи присяжнаго попечителя, одновременно съ открытіемъ несостоятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не беспокоится, что такой же *мертвюю буквою* остаются и другія постановленія закона, изображенные въ 1884 ст. торг. уст. и 8 ст. правилъ о несостоятельности о *немедленной* публикаціи объ открытіи несостоятельности, если кредиторы не представляютъ необходимыхъ для сего денегъ, или, напр., въ 1891 ст. торговаго устава о *немедленномъ* (въ теченіи 2 дней) наложеніи ареста на имущество несостоятельнаго. между тѣмъ какъ присяжный попечитель приводится къ присягѣ лишь чрезъ недѣлю и проч и проч? Вѣдь всѣ эти и цѣлая масса другихъ постановленій закона съ примѣненіемъ принятой судомъ системы назначенія присяжныхъ попечителей, непремѣнно и безусловно останутся *мертвыми*

буквами.—Но дѣло въ томъ, что *мертвыми буквами* останутся дѣйствительно всѣ эти постановленія закона именно только тогда, если вопросъ о назначеніи присяжныхъ попечителей рѣшить въ томъ смыслѣ, какъ онъ рѣшенъ въ данномъ случаѣ судомъ. Если же рѣшить его такъ, какъ это требуетъ настоящій, буквальный и никакого сомнѣнія не возбуждающій смыслъ 10 ст. правилъ о несостоятельности, то ни одной такой *мертвой буквы* не будетъ.

Мы уже говорили, что дѣло о несостоятельности есть дѣло гражданское, что и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ каждомъ другомъ, есть *участвующія въ дѣлѣ лица* т е, кредиторы и должникъ, и что, такимъ образомъ, всякое другое лицо, которое не есть ни кредиторъ, ни должникъ — является *въ этомъ дѣлѣ лицомъ постороннимъ*. Такъ вотъ одинъ или нѣсколько изъ этихъ кредиторовъ рѣшили, положимъ—начать въ окружномъ судѣ дѣло о признаніи должника несостоятельнымъ, и подаютъ о томъ прошеніе въ судъ. При этомъ они или желаютъ сами заняться веденіемъ дѣла о несостоятельности— и тогда никакого кандидата на должность присяжнаго попечителя въ прошеніи не указываютъ, или же входятъ въ соглашеніе съ другимъ компетентнымъ *постороннимъ* лицомъ (каковымъ можетъ быть какъ присяжный повѣренный, такъ равно и всякій другой правоспособный субъектъ), заручаются его *согласіемъ* и, указавъ его *адресъ*, просятъ назначить его присяжнымъ попечителемъ. Окружной судъ, получивъ прошеніе кредиторовъ, вызываетъ какъ просителей, такъ равно и *постороннихъ, указанныхъ* ими лицъ, повѣстками и, признавъ просьбу объ открытіи несостоятельности уважительной, объявляетъ должника несостоятельнымъ. Одновременно съ этимъ окружной судъ назначаетъ присяжнымъ попечителемъ или присяжнаго повѣреннаго, указанного кредиторами и изъявившаго на то свое согласіе, или другое постороннее лицо, тоже указанное кредиторами и соглашающееся быть присяжнымъ попечителемъ, если судъ считаетъ его благонадежнымъ; или, наконецъ, если нѣтъ указанія кредиторовъ, или указанныхъ не соглашаются быть присяжнымъ попечителемъ, тогда судъ назначаетъ, *по своему усмотрѣнію*, кого либо изъ лицъ *постороннихъ, т е. изъ самихъ кредиторовъ, или ихъ повѣренныхъ*. Такимъ образомъ, преимущественно назначается присяжный попечитель изъ *постороннихъ* лицъ, а только за отсутствіемъ таковыхъ— онъ назначается изъ *кредиторовъ*. Назначенный судомъ присяжный попечитель *въ томъ же засѣданіи немедленно* приводится въ

присягѣ и *сейчасъ же* прямо изъ суда, *вмѣстѣ съ несостоятельнымъ* должникомъ и кредиторами, отправляется, какъ того требуетъ законъ, описывать имущество несостоятельнаго. А такъ какъ безъ вызова кредиторовъ, чрезъ публикаціи, невозможно учредить конкурсъ, то попечитель, назначенный при этихъ условіяхъ, не желая оставаться въ этой должности безконечно, въ теченіи неопредѣленнаго времени, *немедленно позаботится сдѣлать публикаціи* о вызовѣ кредиторовъ. Если попечителемъ назначенъ будетъ кто либо изъ кредиторовъ, то, конечно, отъ него зависить внести деньги на публикацію немедленно; если же это будетъ лицо постороннее, то оно *не дастъ своего согласія раньше*, пока кредиторы *не представятъ* *всѣхъ нужныхъ на расходы денегъ*. Мы нарочно сказали: не „на публикаціи“, а „на расходы“, такъ какъ, если должникъ живетъ внѣ города, то отправленіе должности попечителя сопряжено съ поѣздками; притомъ, кромѣ денегъ на публикаціи, нужны вѣдь еще деньги на канцелярскія принадлежности, почтовые марки и проч. Составилъ присяжный попечитель опись, представилъ въ судъ валовой счетъ, и какъ скоро преимущественная по суммѣ часть заимодавцевъ явится, присяжный попечитель назначаетъ день общаго собранія кредиторовъ и сдаетъ свою должность утрежденному на семъ собраніи конкурсному управленію. Вотъ какъ сложился въ мысли законодателя планъ веденія дѣлъ о несостоятельности: *скорость, свободное участіе кредиторовъ*, и веденіе дѣла такъ, чтобы ни одна статья закона не оставалась *неисполненной!* Конечно, если подавшіе въ судъ прошеніе о несостоятельности кредиторы ни сами по вызову не явятся, ни кандидатовъ на должность присяжныхъ попечителей не укажутъ, ни денегъ на расходы не представятъ то, очевидно, просьба ихъ не можетъ быть удовлетворена судомъ, также какъ просьба истца, не представившаго пошлину, или неуказавшаго своего адреса. Въ дѣлѣ гражданскомъ всякъ заботится о себѣ. Не желаетъ проситель тратить денегъ и хлопотъ по своему дѣлу и оно, конечно, вѣки пролежитъ безъ движенія. Иначе и быть не можетъ. Не суду же заботиться за нерадиваго кредитора.

Но намъ возразить, что дѣла о торговой несостоятельности не суть чисто гражданскія дѣла, что въ дѣлахъ этихъ судъ, безъ всякой о томъ съ чьей либо стороны просьбы, согласно 1882 ст. XI т. ч. 2, несостоятельнаго должника немедленно заключаетъ подъ стражу; что, такимъ образомъ, здѣсь, кромѣ интересовъ кредиторовъ,

страдаютъ еще интересы другаго лица, а именно, несостоятельнаго должника. Кредиторы свое сдѣлали: исходатайствовали у суда признаніе несостоятельности, посадили должника въ тюрьму и дальше знать ничего не хотятъ. Чѣмъ должникъ дольше просидитъ въ тюрьмѣ, тѣмъ больше шансовъ склонить его на мировую сдѣлку и получить хоть сколько нибудь копѣекъ за рубль. Слѣдовательно, можно опасаться, что кредиторы нарочно не укажутъ никакого кандидата на должность присяжнаго попечителя и сами этой должности принять на себя не пожелаютъ и въ случаѣ ихъ назначенія къ присягѣ не явятся, а должникъ неопредѣленное время будетъ томиться въ острогѣ. Возраженіе это, дѣйствительно, весьма серьезно. Нѣтъ спору: положеніе должника очень незавидно и всецѣло поставлено въ зависимость отъ произвола кредиторовъ и большей или меньшей ихъ твердости и настойчивости. Но дѣло въ томъ, что эта то именно зависимость, этотъ произволъ—лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій доказываютъ, что это именно и есть дѣло гражданское. Если бы дѣло о несостоятельности носило на себѣ другой характеръ, т. е. характеръ дѣла уголовного, гдѣ судъ предпринимаетъ все по своему собственному усмотрѣнію и по своей инициативѣ, то не одно заключеніе несостоятельнаго должника подъ стражу и назначеніе по его дѣламъ присяжнаго попечителя по своему выбору—судъ могъ бы и долженъ бы предпринимать по своей инициативѣ. Тогда (и такъ именно и дѣлается въ дѣлахъ уголовныхъ) и публикаціи и выдача участвующимъ въ производствѣ дѣла лицамъ, а въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, присяжному попечителю—денегъ на расходы, на разъѣзды и проч., все это судъ дѣлалъ бы прямо отъ себя, изъ своихъ собственныхъ средствъ и не выжидая ничего, ни откуда и ни отъ кого. Между тѣмъ, если изъ того, что судъ по своей инициативѣ заключаетъ несостоятельнаго въ тюрьму, дѣлать выводъ, что точно также по своей же инициативѣ судъ можетъ назначить кого пожелаетъ присяжнымъ попечителемъ, но не можетъ ни самъ публиковать о несостоятельности, ни снабдить назначенное имъ лицо необходимыми средствами для исполненія имъ этой обязанности, то является явная несообразность и очевидное противорѣчіе. Поэтому, разъ судъ не можетъ поставить присяжнаго попечителя въ такое положеніе, чтобы онъ могъ безпрепятственно, немедленно по своемъ назначеніи, приступить къ отправленію своей должности, то очевидно и ясно, что и предоставленіе суду права назначать присяж-

наго попечителя изъ числа состоящихъ при судѣ лицъ, безъ ихъ на то согласія и безъ указанія кредиторовъ указаннаго выше зла, нисколько не устраняетъ. Если кредиторы не представляютъ денегъ на публикаціи, на разѣзды и другіе расходы, то хотя бы назначенъ былъ не одинъ, а десять заразъ присяжныхъ попечителей, все таки дѣло останется безъ движенія неопредѣленное время и положеніе заключеннаго въ тюрьму несостоятельнаго должника отъ этого нисколько не улучшится. Это наше предположеніе сдѣлается еще болѣе ясно и рельефно, когда мы провѣримъ то положеніе, въ какомъ очутится дѣло о несостоятельности вообще, если признать правильнымъ взглядъ, что судъ присяжными попечителями можетъ, по своему усмотрѣнію, назначать любого изъ состоящихъ при томъ судѣ присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, не испрашивая на то ихъ согласія и безъ указанія на нихъ кредиторами.

И такъ посмотримъ, въ какомъ видѣ представится дѣло о несостоятельности при этой системѣ назначенія присяжныхъ попечителей.

Поступило въ судъ прошеніе отъ нѣсколькихъ кредиторовъ о признаніи ихъ должника несостоятельнымъ, но кандидата на должность присяжнаго попечителя они не указали и денегъ ни на публикаціи, ни на другіе расходы (должникъ живетъ внѣ города, гдѣ находится судъ) не представили. Судъ, имѣя въ виду, что *постороннія* лица не указаны, и что подъ лицами не *посторонними* слѣдуетъ понимать не кредиторовъ, а лицъ *состоящихъ при судѣ*, объявляетъ несостоятельность и, во избѣжаніе *мертвой буквы*, не справляясь о томъ, свободны ли эти лица, или заняты, больны или здоровы, въ городѣ ли они или въ отлучкѣ—назначаетъ присяжнымъ попечителемъ кого либо изъ сихъ лицъ, напримѣръ, частнаго повѣреннаго. Назначенное судомъ лицо вызывается повѣсткой (причемъ повѣстка посылается по адресу, котораго однакожъ изъ дѣла не видно) къ слѣдующему засѣданію, т. е. чрезъ недѣлю; но вмѣсто явки сего лица, получается его заявленіе или рапортъ, что оно по тѣмъ или другимъ причинамъ принять званіе присяжнаго попечителя на себя не можетъ. Судъ, признавая причины отказа уважительными, назначаетъ вмѣсто уволеннаго имъ другое, *состоящее при судѣ* лицо, и вызываетъ оное повѣсткою (или, если причины отказа имъ будутъ признаны неуважительными, то новой повѣсткой вызываетъ первое назначенное лицо) къ слѣдующему засѣданію. Наконецъ чрезъ двѣ, а нерѣдко можетъ случиться и чрезъ три или

четыре педѣли, назначенный судомъ присяжный попечитель принимаетъ присягу и что то еще будетъ впереди! Должникъ признанъ несостоятельнымъ, поэтому, его гражданская правоспособность вполне уничтожена. Замѣстителя же его нѣтъ и, такимъ образомъ, цѣлыя недѣли человѣкъ остается, что называется, между небомъ и землею, въ какомъ то, по истинѣ, весьма оригинальномъ положеніи. Въ еще болѣе оригинальномъ положеніи находятся всѣ лица, связанные съ несостоятельнымъ разными дѣловыми отношеніями: истекаютъ разные сроки, нужно дѣлать заявленія и т. д., между тѣмъ должникъ, какъ гражданская личность больше не существуетъ, а о его замѣстителѣ ни слуху ни духу. А если сей несостоятельный есть банкъ, или съ обширными оборотами промышленная фирма: подходятъ сроки векселямъ, выданнымъ на имя несостоятельнаго, но протестовать ихъ некому, ибо несостоятельный есть несостоятельный, а присяжный попечитель, хотя и попечитель, т. е. хотя и назначенъ судомъ, но только еще не присяжный, ибо присягу приметъ лишь чрезъ педѣлю. Вотъ вамъ и цѣлый рядъ *мертвыхъ буквъ*: и публикаціи не дѣлаются (нѣтъ денегъ) — мертвая буква; и арестъ на движимое имущество должника въ теченіи 2-хъ дней не накладывается (нѣтъ присяжнаго попечителя) — вторая мертвая буква; и кредиторы, бывшіе въ судѣ въ день объявленія несостоятельности, разбрелись и описи составлять не съ кѣмъ — третья мертвая буква и т. д. Но вотъ наконецъ присяжный попечитель, скрѣпя сердце (ибо у него именно въ это время есть другія очень спѣшныя дѣла, требующія разѣздовъ и отлучекъ), вступилъ въ должность. Вступилъ и думаетъ: какъ же это ему выполнять всѣ возложенныя на него судомъ обязанности? Посмотрѣлъ въ торговый уставъ — масса статей; прочиталъ внимательно VI приложение къ примѣч. подъ 1400 ст. уст. гр. суд. и здѣсь ихъ изрядное количество. Всѣ они очень пространно говорятъ о составленіи описи (ст. 1897), о наложеніи ареста (ст. 1891), о составленіи налоговаго счета (ст. 1899) о представленіи въ судъ еженедѣльных отчетовъ (ст. 1900), о разыскиваніи имущества (ст. 15) и т. д., а между тѣмъ у присяжнаго попечителя нѣтъ не только прогонныхъ денегъ для того, чтобы поѣхать составлять описи въ мѣсто жительства несостоятельнаго должника, но нѣтъ даже денегъ, чтобы купить бумаги и заказать бланки для повѣстокъ; нѣтъ средствъ, чтобы вызвать проживающихъ въ городѣ кредиторовъ. Подаетъ присяжный попечитель въ судъ плачев-

ный рапортъ, съ описаніемъ о всей своей безпомощности, и указываетъ на безвыходное положеніе дѣла; судъ предписываетъ ему *озаботиться точнымъ исполненіемъ постановленій закона, изложенныхъ въ торговомъ уставѣ*, и рапортъ его *оставляетъ безъ последствий*. Попечителю остается на выборъ: или тратить на всѣ нужные расходы (въ томъ числѣ и на публикаціи болѣе 25 руб.) свои собственные деньги (благо они у него есть), или оставаться навсегда вѣчнымъ, несмѣняемымъ и чуть ли не потомственнымъ присяжнымъ попечителемъ, такъ какъ и рапорты его объ освобожденіи отъ столь почетной должности тоже оставляются судомъ безъ уваженія ¹⁾. Вотъ вамъ и должность ни тпру, ни ну! и даже отставки дать не хотятъ. Служи, да и только! И потомъ удивляются малосмѣдующіе люди, что у насъ дѣла о несостоятельности тянутся цѣлые годы. Да вѣдь это дѣла мертворожденных и, поэтому, ничего нѣтъ удивительнаго, если они будутъ тянуться даже десятки лѣтъ; а будетъ это, конечно, до тѣхъ поръ, пока окружные суды, вмѣсто закона будутъ примѣнять принципъ: „по своему усмотрѣнію, изъ состоящихъ при судѣ лицъ“ и проч.

Но допустимъ, что въ моментъ объявленія несостоятельности, въ судѣ находится извѣстная сумма принадлежащихъ должнику денегъ, которымъ вслѣдствіе объявленія несостоятельности не дѣлается расчета, согласно 1216 ст. уст. гр. суд., и присяжный попечитель, вступая въ должность, получаетъ часть изъ нихъ авансомъ на публикаціи и другіе расходы. Тогда, конечно, положеніе присяжнаго попечителя дѣлается болѣе сноснымъ: по крайней мѣрѣ у него есть надежда скоро окончить вѣ эти насильно навязанныя ему обязанности и, сдать дѣло конкурсному управленію, очутиться опять въ шкурѣ простаго обыкновеннаго смертнаго, пока, впрочемъ, суду не угодно будетъ почтить этого ех попечителя новою таковою же должностію. Но и здѣсь являются нѣкоторыя обстоятельства, хотя и довольно щекотливаго характера но все таки настолько въ практической жизни существенныя, что нельзя ихъ обойти молчаніемъ. Кому неизвѣстно, что, когда членъ суда съ землемѣромъ выѣзжаютъ на осмотръ мѣстности въ извѣстную деревню, то прогоны они получаютъ: членъ суда на 6, а землемѣръ на 5 лошадей (ему 3 и 2 подъ инструменты); прогоны эти вычитываются отъ губернскаго города до уѣзднаго, и отъ сего послѣдняго

¹⁾ Все это не выдумка, а бывшіе въ дѣйствительности, на практикѣ, факты.
ж. гр. и уг. пр. кн. х 1886 г.

до деревни и назадъ въ томъ же порядкѣ, хотя бы сказанная деревня находилась по пути изъ губернскаго города въ уѣздный. Кому, затѣмъ, неизвѣстно, что, получивъ эти деньги, членъ суда, вмѣстѣ съ землемѣромъ, отправляется или въ вагонѣ 2-го класса, или въ одномъ экипажѣ, на тройкѣ и, притомъ, вовсе въ уѣздный городъ не заѣзжаютъ. Точно тоже и съ суточными. Какъ же теперь быть присяжному попечителю, этому злополучному должностному лицу, назначенному на должность вопреки своей воли и желанію. Несостоятельный должникъ живетъ, положимъ, въ 100 верстахъ отъ губернскаго города. Можетъ ли присяжный по его дѣламъ попечитель, поѣхавъ въ вагонѣ, получить деньги за лошадей? Въ какомъ классѣ ѣхать ему по желѣзной дорогѣ и на сколькихъ лошадяхъ по обыкновенной? А можетъ быть, кредиторы сдѣлаютъ на него начетъ за то, что онъ осмѣлился поѣхать во 2-мъ классѣ и на тройкѣ, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ 3-мъ и на парѣ? Чѣмъ онъ гарантированъ, что однимъ возбужденіемъ подобнаго вопроса въ общемъ собраніи кредиторовъ не будетъ нанесено тяжкое оскорбленіе и его самолюбію и человѣческому достоинству? А вѣдь кредиторы—хозяева своимъ деньгамъ, имѣютъ, стало бытъ, и право контроля. Конечно, если они заранѣе должны были бы заручиться *согласіемъ* присяжнаго повѣреннаго или другаго посторонняго лица, и *если бы безъ этого согласія судъ указанное лицо присяжнымъ попечителемъ не назначилъ*, то всѣ эти недоразумѣнія (тѣмъ не менѣе весьма тяжелыя) устранились бы сами собою. При взаимномъ соглашеніи, на чемъ условились—тому и быть должно.

Тогда и вопросъ о вознагражденіи присяжнаго попечителя за его трудъ получилъ бы тоже совершенно другое значеніе, а то не угодно ли мучиться мѣсяцъ или болѣе, ѣздить, описывать, переписываться, давать отчетъ и подавать рапорты, и въ концѣ за всѣ эти мытарства изъ вырученныхъ отъ продажи имущества несостоятельнаго денегъ въ суммѣ 1000 рублей—получай 1 процентъ въ видѣ десятирублевой. Ну, не насмѣшка ли это ¹⁾?

¹⁾ Въ разговорѣ съ однимъ изъ членовъ окружнаго суда намъ пришлось выслушать замѣчаніе о томъ, что нежеланіе со стороны присяжныхъ повѣренныхъ тратить трудъ и время для конкурснаго дѣла, если въ результатъ дѣло это общаетъ грошовое вознагражденіе—роняетъ якобы достоинство присяжнаго повѣреннаго, придавая его дѣятельности какой то коммерческій оттѣнокъ. Между тѣмъ, кто же не знаетъ, сколько бываетъ споровъ и прере-

Конечно, добровольно всякій человѣкъ, по своему желанію и выбору, можетъ принять на себя любое дѣло и любой трудъ, независимо отъ того, какое за сіе ожидается вознагражденіе; онъ можетъ принять, даже совершенно безвозмездно, сопряженную съ значительнымъ трудомъ должность, и можетъ вести извѣстное дѣло даромъ, отказавшись отъ всякаго за оное вознагражденія. Но все это онъ *можетъ* сдѣлать *по доброй своей волѣ*, именно потому, что *такъ ему понравилось*. Заставить же человѣка принять даровую, или плохо оплачиваемую должность, помимо его на то согласія—немыслимо, какъ немыслимо, напр., заставить кандидата правъ поступить въ судебные разсылные, если крайняя нужда не вынудитъ его самого добровольно на это согласиться. Кромѣ воинской повинности—другихъ подобныхъ для всѣхъ обязательныхъ повинностей у насъ пока еще не существуетъ, а потому смѣшно даже претендовать на человѣка за то, что онъ извѣстную должность желаетъ принять лишь тогда, когда это находитъ для себя выгоднымъ,—а въ противномъ случаѣ отъ принятія ея отказывается.

Конечно, нельзя иногда не жертвовать безвозмездно своимъ трудомъ или своимъ временемъ въ пользу *бѣдныхъ* людей, но это будетъ уже дѣло благотворительности. Такъ всѣ присяжные повѣренные и смотрятъ на казенныя защиты и, за рѣдкими исключеніями, не было случая уклоненія казеннаго защитника отъ этой обязанности. Но конкурсныя дѣла наврядъ ли имѣютъ что либо общее съ филантропіей. Правда, намъ могутъ возразить, что вѣдь и кредиторы несостоятельнаго—тоже несчастные люди, разоренные его неакуратностью, и что, поэтому, бесплатная защита ихъ

каній въ общихъ собраніяхъ окружныхъ судовъ при назначеніи выѣздныхъ уголовныхъ сессій, въ виду большей, или меньшей выгоды поѣздки. (Сравнить статьи, помѣщенныя въ Журналъ гражд. и угол. права за 1881 г. (книга I—II, VII—VIII, XI—XII) подъ заглавіемъ: „Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ“ и за 1882 г. (кн. I) п. 3: „Замѣтки о нѣкоторыхъ сторонахъ нынѣшняго общественнаго быта русскихъ коллегіальныхъ судовъ“. Кому, неизвѣстно, съ какимъ неудовольствіемъ гг. члены окружныхъ судовъ встрѣчаютъ назначеніе въ ихъ столь межевыхъ дѣлахъ: вѣдь за тѣже 2200 руб. нужно трудиться больше чѣмъ другіе. За то, о томъ, чтобы въ виду крайней бѣдности просителя истца или отвѣтчика) кто либо изъ членовъ суда отказался когда либо отъ слѣдующихъ ему по расчету прогонныхъ денегъ на 6 лошадей—и удовольствовался деньгами на 3 лошади—мы не слышали. Надо полагать—достоинства судьи это роняетъ, ибо деньги здѣсь получаются „на законномъ основаніи“.

интересовъ на судѣ необходима. Но мы на это отвѣтимъ, что, строго придерживаясь этой теоріи, слѣдовало бы назначать дароваго повѣреннаго всякому истцу на судѣ, такъ какъ, по его убѣжденію, онъ не болѣе какъ жертва неакуратности отвѣтчика, который неисполненіемъ принятыхъ на себя обязанностей причинилъ ему невознаградимый вредъ и убытки. Съ еще большей справедливостью слѣдовало бы тогда назначать даровыхъ защитниковъ и всѣмъ потерпѣвшимъ по уголовнымъ дѣламъ гражданскимъ истцамъ, такъ какъ они слѣлались жертвами преступника помимо своей воли и согласія, а кредиторы несостоятельнаго несутъ отчасти справедливую кару за свое легкомысленное довѣріе къ человѣку, которому они добровольно давали деньги, не заручившись никакими вѣрными гарантіями обратнаго ихъ полученія. Однимъ словомъ, слѣдуя по этому пути, необходимо установить особия должности казенныхъ защитниковъ не только для всѣхъ бѣдныхъ подсудимыхъ, но и для всѣхъ вообще истцовъ и отвѣтчиковъ въ дѣлахъ гражданскихъ и для всѣхъ подсудимыхъ и потерпѣвшихъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Да, но вѣдь тогда эти должностныя лица....будутъ получать жалованіе. Чтожъ, съ этимъ, пожалуй, и мы не прочь согласиться.

Но только, къ несчастію, подобнаго рода реформы никто не предлагаетъ; а за то находятся прожектеры, которые признаютъ совершенно справедливымъ и удобнымъ установить въ законодательномъ порядкѣ правила, въ силу коихъ судъ могъ бы на присяжныхъ повѣренныхъ „по своему усмотрѣнію“ возлагать всякія обязанности и давать имъ всякія порученія, даже и такія, которыя сопряжены съ тратой на проѣздъ и проч., и что даже расходы эти они должны нести изъ своихъ собственныхъ средствъ. Подумаешь какъ щедръ и тароватъ бываютъ люди, когда дѣло касается чужаго кармана! Въ 1881 году одинъ членъ окружнаго суда ¹⁾ предложилъ посылать (sic) присяжныхъ повѣренныхъ для защиты подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ на сессіи въ уѣздные города ²⁾; а въ 1884 году авторъ выше цитированной нами статьи, г. Маттель, ³⁾, возможность со стороны при-

¹⁾ Журналъ гражд. и угол. права за 1881 г. книга 3-я (май—іюнь), X, стр. 45—55.

²⁾ См. нашъ отвѣтъ на эту статью въ „Криминалистъ“ за 1882 годъ № 5.

³⁾ Журналъ гражд. и уго. права за 1884 г. книга 10-я (декабрь) V, стр. 82.

присяжных повѣренныхъ уклоняться отъ обязанностей присяжнаго попечителя считаетъ аномаліей и предлагаетъ измѣнить 10 ст. правилъ о несостоятельности въ законодательномъ порядкѣ въ томъ смыслѣ, чтобы присяжные повѣренные отказываться отъ принятія на себя званія присяжнаго попечителя и имѣли права. Но такъ какъ г. Маттель предложеніе свое основываетъ на томъ, будто бы, безвыходномъ положеніи суда, въ которое онъ (т. е. судъ) можетъ быть поставленъ въ случаѣ отказа всѣхъ назначаемыхъ судомъ на должность присяжнаго попечителя, по очереди, присяжныхъ повѣренныхъ, а мы выше уже вполне доказали ошибочность и очевидную неосновательность этого предположенія, то въ отвѣтъ на предлагаемое г. Маттель законодательное нововведеніе мы здѣсь лишь позволимъ себѣ замѣтить: не измѣненіе ст. 10 правилъ о несостоятельности въ законодательномъ порядкѣ намъ нужно, а точное и строгое примѣненіе этой статьи, и не только этой, а и всѣхъ вообще другихъ статей правилъ и устава о несостоятельности. Законовъ у насъ и безъ того многое множество, дайте намъ только побольше ревностныхъ и строгихъ исполнителей всѣхъ этихъ законовъ, ибо „всуе законы писать, коли ихъ не хранить и проч.“.

А. Бардзій.

У комисіонера Государственной типографіи И. П. АНИСИМОВА
въ С.-Петербургѣ и Москвѣ поступило въ продажу:

второе исправленное и дополненное изданіе

СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

СЪ РАЗЪЯСНЕНІЕМЪ ИХЪ ПО РѢШЕНІЯМЪ

КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

С.-Петербургъ, 1886 г., цѣна въ бумажной оберткѣ 3 р. 50 к.,
въ шагреневыхъ тисненыхъ переплетахъ, въ двухъ томахъ 4 р.
50 к., въ трехъ томахъ 5 р., съ упаковкою и пересылкою во всѣ
мѣста Имперіи.

Юридическая библіографія, вып. 7, Спб. 1886 г. ц. 15 к.

Владимірскій-Будановъ М. Обзоръ исторіи русскаго права, вып. I,
К. 1886 г. ц. 2 р. 25 к.

Луиджи Косса. Первые элементы политической экономіи. Харьк.
1886 г. ц. 1 р.

Квачевскій А. Общій уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб.
1886 г. ц. 2 р. 50 к.

Бѣлицскій И. Проекты бумагъ гражданскаго судопроизводства. Спб.
1887 г. ц. 1 р. 50 к.

Муравьевъ Н. Инструкція чинамъ прокурорскаго надзора. Москва.
1886 г. ц. 60 к.

Красногорскій И. Правила о приготовленіи и продажѣ водочныхъ
издѣлій. Спб. 1886 г. ц. 60 к.

Никитинъ И. Столѣтній періодъ (1774 — 1872) русскаго законо-
дательства 2 т. В. 1886 г. ц. 8 р.

Гурляндъ А. Юридическій лексиконъ, вып. VI, лит. Г. О 188 г.
ц. 1 р. 50 к.

Туръ. О порядкѣ ликвидаціи долговъ желѣзнодорожныхъ пред-
пріятій по иностраннымъ законамъ. Спб. 188 г. ц. 1 р.

Видиміровъ Л. Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Харьк.
1886 г. ц. 1 р.

Свищевскій А. Походный налогъ. М. 1886 г. ц. 1 р. 75 к.

Ковалевскій М. Первобытное право, вып. 1 и 2, Род. М. 1886 г.
ц. 2 р. 65 к.

Шимановскій М. Законъ о чиншевикахъ. О. 1886 г. ц. 60 к.

Ветерское торговое уложеніе 1875 года. Спб. 1884 г. ц. 2 р.

За пересылку означенныхъ книгъ взимается особо 10% съ рубля.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1887 году.

(Годъ двѣнадцатый).

Ежемесячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“, издаваемый Московскимъ Юридическимъ Обществомъ, согласно съ кругомъ дѣятельности послѣдняго и учрежденнаго въ составѣ Общества Статистическаго Отдѣленія, служитъ органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ послѣднее время. Въ научномъ отдѣлѣ журналъ помѣщаетъ работы по исторіи и методологіи права, по экономическому и финансовому законодательству; международному, государственному и общественному праву; по гражданскому и уголовному праву и судопроизводству и по земскимъ вопросамъ. Въ современномъ отдѣлѣ находятъ себѣ мѣсто: хроника законодательной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ управленія, хроника гражданского и уголовного суда, извлеченія изъ кассационныхъ рѣшеній сената, уголовныхъ и гражданскихъ, библіографія, разныя извѣстія, замѣтки и т. д. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются Протоколы засѣданій Юридическаго Общества и Статистическаго Отдѣленія и Отчетъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ Округа Московской Судебной Палаты.

Въ 1886 году въ журналѣ были помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ: Н. М. Астырева, В. Ф. Баудера, А. А. Башмакова, М. И. Бруна, С. М. Будзинскаго, Л. С. Вѣлголицъ-Котляревскаго, Г. Л. Вербловскаго, С. И. Викторскаго, М. Я. Герценштейна, В. А. Гольпева, М. И. Гродзинскаго, А. Г. Гусакова, П. М. Дашкевича, Д. Д. Дриля, А. И. Загоровскаго, Н. И. Зибера, О. О. Зигеля, К. П. Змирова, Г. Б. Юлоса, гр. Л. А. Камаровскаго, Н. И. Карѣева, А. А. Квачевского, М. М. Ковалевскаго, Н. П. Колюпанова, И. М. Красноперова, Н. И. Кувайцева, Л. А. Куперника, Н. О. Куплеваскаго, В. И. Латкина, В. Ф. Левитскаго, Л. А. Личкова, А. И. Маттея, Е. Г. Милло, Р. Р. Минцлова, Н. В. Муравьева, С. А. Муромцева, А. А. Назимова, Неймана-Спалларта, А. Я. Немеров-

скаго, В. И. Несытова, В. М. Нечаева, П. Н. Обнинскаго, П. С. Павлова, Д. П. Перевонцикова, В. С. Пругавина, И. А. Ревы, Н. И. Ржондковскаго, Н. Д. Сергѣевскаго, И. И. Сидорова, П. Ф. Скоро-богатаго, А. И. Сѣболевскаго, И. М. Собѣстіанскаго, В. Т. Судейкина, Д. Г. Тальберга, Е. А. Тарновскаго, А. Т. Тимановскаго, А. М. и И. М. Тютрюмовыхъ, Ѳ. И. Успенскаго, Р. А. Фалька, А. Н. Филиппова, М. М. Хина, А. И. Чупрова, М. А. Шиллинга, И. Г. Щегловитова, Ѳ. А. Щербины, Е. М. Эпштейна, Ю. Э. Янсона и др.

Журналъ издается подъ редакціей *С. А. Муромцева* и *В. М. Пржевальскаго*, при ближайшемъ участіи въ редакціи *Н. А. Каблукова*.

Цѣна восемь р. съ пересылкою и доставкою, безъ доставки семь р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ главной конторѣ журнала, Петровскія торговля линіи, контора Н. Н. Пенчковской, и въ книжномъ магазинѣ, И. П. Анисимова, на Никольской улицѣ.

Въ С.-Петербурѣ: въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Редакція журнала помѣщается въ Скатертномъ переулкѣ, въ домѣ Муромцевой.

Члены Московскаго Юридическаго Общества, желающіе получать журналъ съ доставкою на домъ, благоволятъ прислать въ редакцію почтовыми марками или внести въ кассу Общества деньгами одинъ рубль, сообщая при семъ свои адресы.

За перемѣну адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками *сорокъ* коп.

Экземпляры журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885 и 1886 годъ высылаются по 8 р., отдѣльныя книжки по 1 руб. Лица, выписывающія журналъ сразу за семь, за шесть, за пять, за четыре и за три года, благоволятъ высчитать по расчету *шести* рублей за годъ.

СОДЕРЖАНІЕ НОЯБРЬСКОЙ КНИГИ.

I. Наказъ города Архангельска въ Ека теринскую законодательную комисію 1767 г. *В. Лашкина*. II. Къ вопросу о реформѣ крестьянскаго суда. *И. Тютрюмова*. III. Поврежденіе и ущербъ по проекту новаго уголовного уложенія. *А. Таберн*. IV. Права прибрежныхъ владѣльцевъ въ отношеніи судовыхъ пригнаней. *И. Щегловитова*. V. Къ вопросу объ утвержденіи духовныхъ завѣщаній въ исковомъ порядкѣ *А. Миттеля*. VI. Аренда земель въ Новороссіи.—*на.....ва*. VII. Позитивная школа уголовного права и ея противники. *А. Арля*. VIII. Дѣтскій трудъ въ Италіи. *П. IX*. Хроника экономическаго законодательства. *В. Л., Г. I* и *М. Г. X*. Новый законъ объ организаціи фабричнаго надзора въ Москвѣ. *П. Обнинскаго*. XI. Библіографія. *А. Башмакова, А. Мануилесъ*, и др. XII. Вынужденное объясненіе (отвѣтъ проф. Сокольскому). *М. Г. XIII*. Разныя извѣстія и замѣтки. *Г. I* и др.

IX ГОДЪ.

О ПОДПИСКѢ НА 1887 ГОДЪ.

ГОДЪ IV.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ

БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

съ разными бесплатными приложеніями и роскошными преміями

Журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій, въ количествѣ 52 №№ въ годъ и печатается на прекрасной бумагѣ; каждый номеръ заключаетъ въ себѣ множество изящно-исполненныхъ рисунковъ, представляющихъ снимки съ художественныхъ произведеній и иллюстрацій событій міровой жизни

Всѣ подписчики «Иллюстрированнаго Мира» получаютъ въ теченіи года бесплатно

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

въ которыхъ помѣщаются наиболѣе выдающіеся беллетристическія произведенія представителей иностранной литературы; эти приложенія къ концу года составляютъ нѣсколько томовъ, исполнѣ з конченныхъ романовъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

состоящая изъ великолѣпныхъ фотографическихъ снимковъ съ замѣчательныхъ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ; подобныхъ богатыхъ въ художественномъ отношеніи приложеній не давалъ еще ни одинъ журналъ въ Россіи.

Ежемесячно при журналѣ „Иллюстрированнаго Мира“ выдается особое даровое приложеніе:

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

съ выкройк. ми въ натуральную величину; на выкроенныхъ листахъ помѣщается масса рукодѣльных и вышивочныхъ работъ. Въ модныхъ приложеніяхъ въ теченіи года дается до 500 рисунковъ модъ съ описаніями.

Кромѣ всего, годовые подписчики „Иллюстрированнаго Мира“ получаютъ главную премію великолѣпную большую О л е г р а ф и ч е с к у ю к а р т и н у :

ВЫБОРЪ ЦАРСКОЙ НЕВѢСТЫ

Оригиналъ этой картины исполненъ по заказу редакціи.

Сюжетъ картины относится къ XVII вѣку и изображаетъ блестящую сцену въ Большой залѣ Кремля, когда предъ юнымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ пре стали красавицы, собранныя со всей русской земли. Богатое убранство Большой залы, драгоценные наряды, въ которыхъ явились предъ царемъ роскошныя русскія красавицы, и восхищенный ими юный царь, сходящій съ трона въ блестящемъ одѣяніи,—все это пор жаетъ и очаровываетъ зрителя. Съ № 1-мъ журнала выдается всѣмъ годовымъ подписчикамъ отпечатанный двумя красками

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1887 годъ.

Подписная цѣна: На годъ безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 руб.-- На годъ съ доставкою и пересылкою 6 руб.

Допускается подписка въ разсрочку: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 2 р., къ 1-му июня 1 р. и къ 1-му сентября 1 руб.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ могутъ получить пробный № за 2 семикопѣчныя марки.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи „Иллюстрированнаго Мира“ въ С.-Петербургѣ, по Литейному просп., д. № 51 (графа Шереметева).

Открыта подписка на 1887 г. (VI г. изданія)
на ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ для ДѢТЕЙ

„РОДНИКЪ“

„РОДНИКЪ“ выходитъ 1-го числа каждого мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ со многими картинками. Выборъ статей приварованъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

Главное вниманіе обращено на ознакомленіе дѣтей съ роднымъ бытомъ и природою. Всѣ статьи научнаго характера провѣряются специалистами.

Въ видѣ преміи, годовые подписчики на „РОДНИКЪ“ 1887 года вмѣстѣ съ яварской книжкой получать:

Литературный сборникъ для дѣтей

книгу около 1 печатныхъ листовъ съ отдѣльными картинками и рисунками въ текстѣ, художниковъ *Н. Каразина, М. Малышева и М. Михайлова.*

Для родителей приложеніемъ къ „РОДНИКУ“ служить педагогическій листокъ „ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“, который въ 1887 году будетъ выходить по прежнему, ежемѣсячными выпусками, отъ 1-го до 2-хъ печати. листовъ каждый. Листокъ посвященъ, главнымъ образомъ, разработкѣ вопросовъ дѣтскаго чтенія и критикѣ книгъ для дѣтей и для народа.

Журналъ „РОДНИКЪ“ Учеными комитетами: Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода — рекомендованъ и одобренъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для епархіальныхъ городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1887 годъ прежнія:

За 12 книгъ „РОДНИКА“ съ отдѣльной преміей и съ приложеніемъ 12 №№ листка „ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“, съ доставкой и пересылкой	6 руб.
За 12 книгъ „РОДНИКА“ съ преміей, но безъ педагогическаго листка, съ доставкой и пересылкой	5 руб.
Отдѣльно: за 12 №№ педагогич. листка, „ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“, съ доставкой и пересылкой	2 руб.

Подписка принимается: въ *С.-Петербургѣ*—въ главной конторѣ „РОДНИКА“ Никольская площ. д. № 4. и въ книжн. магазинѣ Фену и К°, на Невскомъ и въ „Русскомъ Книжномъ Магази“ Невскій, 108; въ *Москвѣ*—въ книжн. магаз. „Сотрудникъ Школъ“, Воздвиженка, д. Армандъ, и „Начальная Школа“, на Кузнецкомъ мосту. *Иногородные* адресуютъ прямо въ *Петербургъ*, въ редацію журнала „РОДНИКЪ“.

Редакторъ-издательница *Е. Сысоева.*

Редакторъ-Алексѣй Альмединскій.

Въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, «Новаго Времени»
и друг. продаются:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

**положеній и извлеченій изъ гражданскихъ кассационныхъ
рѣшеній.**

Т. I, по гражданскому праву съ 1866 года по 1876 г. Цѣна 2 р. Т. II по гражданскому судопроизводству съ 1866 года по 1876 г. Цѣна 2 р. Т. III по гражданскому праву и судопроизводству съ 1876 г. по 1879 г. Цѣна 1 р. Т. IV, по гражданскому праву и судопроизводству за 1879 г. Цѣна 75 к. Т. V по гражданскому праву и судопроизводству за 1880 г. Цѣна 75 к. Т. VI, по гражданскому праву и судопроизводству за 1881 и 1882 годы. Цѣна 1 руб. Желающіе пріобрѣсти отъ составителя полный экземпляръ систематическаго сборника платятъ за всѣ томы 3 руб. 50 коп.

Составилъ Г. Вербловскій
(Членъ Воронежскаго Окружнаго Суда).

СБОРНИКЪ ЗАКОНОВЪ СЪ РАЗЪЯСНЕНІЯМИ.

Цѣна 1 рубль.

Законы о личномъ задержаніи; объ измѣненіи постановленій объ узаконенномъ ростѣ; о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами; объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, переходящихъ по крѣпостнымъ актамъ; о порядкѣ ликвидаціи дѣлъ кредитныхъ установленій. Составилъ Г. Вербловскій.

ОБЩЕЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ АВСТРІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

перевелъ Г. Вербловскій (изданіе редакціонной комисіи по составленію гражданского уложенія) цѣна 2 руб. 50 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ

О СОВѢТѢ ПО ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫМЪ ДѢЛАМЪ И ОБЩІЙ УСТАВЪ РОССІЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

Цѣна 1 рубль.

Книгопродавцамъ уступка 20%.

Подписавшіеся на 1887 г. до 1-го Декабря сего года получают декабрьскіе №№ бесплатно.

еженедѣльное обозрѣніе
за годъ съ пер. 4 руб.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1887 ГОДУ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходить по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ

издается съ 1884 года.

литературно научный
журналъ
4 руб. за годъ съ пер.

1) Руководящія статьи по вопросам общественной жизни и политики. Статьи и замѣтки по очереднымъ вопросамъ.

2) Обзоръ и оцѣнка выдающихся и наиболѣе интересныхъ *миръ и отзывомъ печати.*

3. Письма изъ провинціи и корреспонденціи; отзывы и мнѣнія читателей и провинціальныхъ дѣятелей.

4) Свѣдѣнія о лучшихъ изъ вновь выходящихъ книгъ и *библиографія.*

5) Внутренняя хроника. Извѣстія, въ ней помѣщаемыя, *группируются* по слѣдующимъ 17-ти рубрикамъ:

а) Придворныя извѣстія, б) постановленія и распоряженія правительства, в) проекты и слухи, г) администрація; награды и назначенія, д) церковь и духовенство, е) народное образованіе; литература, ж) народное здравіе; врачи з) народное хозяйство и продовольствіе, и) торговля, к) банки, л) финансы, м) пути сообщенія, н) земское и городское самоуправленіе, о) крестьянское самоуправленіе, п) судъ и преступленіе, р) разныя извѣстія, с) некрологи.

6) Политика и жизнь на Западѣ. Здѣсь излагаются свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся и интересныхъ новостяхъ въ области политики и общественной жизни Запада.

7) Хроника открытій и изобрѣтеній. Научныя новости за недѣлю.

8) Художественныя новости. Свѣдѣнія изъ области искусства, — живописи, скульптуры, архитектуры и пр. *Театръ и музыка* въ столицахъ и въ провинціи.

9) Модныя чудачества. Обзоръ новостей на области моды въ Россіи и заграничней.

10) Отвѣты редакціи.

11) Справочныя свѣдѣнія: биржевыя, торговыя, метеорологическія, тиражи и таблицы выигрышей и пр.

12) О б ѡ я в л е н і я .

При сообщеніи и группировкѣ различныхъ извѣстій редакция стремится къ тому, чтобы чита ель, по прочтеніи № газеты, могъ быть увѣренъ, что не опустил изъ виду ни одного существенно важнаго или любопытнаго явленія въ политической и общественной жизни Россіи и Европы за недѣлю.

Кр мѣ того, къ каждому № „Еженедѣльнаго Обзорѣнія“ присоединяется съ особымъ счетомъ страницъ и особымъ заголовкомъ.

„ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ“.

Въ составъ коего входятъ слѣдующіе отдѣлы

1. Беллетристика. Романы, повѣсти, рассказы, очерки, сцены стихотворенія.

2) Статьи научнаго содержанія по всѣмъ отраслямъ знаній, Общедоступно изложенныя изслѣдованія въ области исторіи, этнографіи, педагоги, описанія путешествій и пр. Научные рефераты.

3) Литературно-критическія статьи и изслѣдованія. Обзорѣніе яскъ наиболѣе выдающихся и любопытныхъ статей въ различныхъ журналахъ.

Изданіе обезпечено солидными литературными силами. Достаточно упомянуть, что въ немъ участвуютъ между прочимъ—М. П. Альбовъ, А. В. Кружловъ, Н. С. Лыскъ въ, А. Михайловъ (А. К. Шеллеръ), С. Я. Н. дсонъ, А. Н. Плещеевъ, Л. Х. Симонова и пр. За минувш. годъ были между прочимъ изданы большіе романы А. Михайлова и Л. Х. Симоновой и цѣлый рядъ рассказовъ, повѣстей и стихотвореній различныхъ авторовъ.

Цѣна за годъ: „Еженедѣльное Обзорѣніе“ безъ приложенія четыре руб.;—съ приложеніемъ „Литературно-научнаго журнала“ восемь руб. При подпискѣ на оба изданія допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 руб. и затѣмъ къ 1 марта и іюня по 2 руб. и къ 1 сентября 1 руб.

Черезъ контору редакціи „Еженед. Обзорѣнія“ можно выписывать слѣдующія книги:

Записки по педагогикѣ. Н. В. Скворцова цѣна 1 руб. съ пер. и изслѣдованія его же—„Обзоръ исторіи крестьянъ на Руси“, и „Міръ человека и міръ животныхъ“.

Адресъ: Петербургъ, Преображенская ул. д. 4 кв. 15. Редактору-издателю газеты „Еженед. Обзорѣніе“ Ивану Васильевичу Скворцову.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА
„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“
 на 1887 годъ.

Цѣна: на годъ 7 руб.; на 6 мѣсяцевъ 4 руб. 50 коп.; на 3 мѣсяца 3 руб. и на 1 мѣсяць 1 руб. За границу 10 руб. въ годъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

За границу подписка на сроки въ разсрочку не принимается.

Разсрочка въ платежъ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля и остальные 3 рубля не позже 20-го іюня.

При просрочкѣ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

Для пользованія разсрочкою необходимо при присылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года—повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее).

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ своевременно, тотъ часъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть: пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“.

Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассационныхъ Де артаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна.

Подписчикамъ въ разсрочку и на сроки справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Желающіе получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

Юридическая консультація: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Троицкій переулокъ, № 24: горо скіе—въ отдѣленіе конторы С.-Петербургъ, уголъ Невскаго просп. и Екатерининскаго канала, у Казанскаго моста, при Центральной международной конторѣ объявленій Маттисена: д. № 28—21.

За подлинку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

Ученымъ Комитетомъ М-ства Народн. Просв. *рекомендованъ* для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ *одобренъ* для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ въ качествѣ справочной книги. По распоряженію военно-ученаго комитета *помѣщенъ* въ основ- ной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

1887 ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЬ 1887.

БИБЛОГРАФЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА.

3-й годъ изданія.

Журналъ предназначается для любителей и собирателей книгъ, библіофиловъ, учебныхъ заведеній, библіотекарей и книгопродавцевъ.

Выходитъ ежемѣсячно—выпусками.

ВЪ I ОТДѢЛѢ журнала помѣщаются: 1) *историческіе матеріалы*: статьи, замѣтки, розысканія и сообщенія историко-литературныя, библіографическія и библіофильскія; статьи и замѣтки по исторіи книгопечатанія, книжно-торговой и издательской дѣятельности; извѣстія о писателяхъ и художникахъ, біографіи, некрологи и проч.; 2) *техническія статьи* по части графическихъ искусствъ; 3) обзорныя *современныя* произведенія литературы, науки и искусства: отзывы и замѣтки о новыхъ книгахъ и т. п. 4) разныя мѣсякія замѣтки и извѣстія.

ВО II ОТДѢЛѢ, преимущественно *справочномъ*, помѣщается полная би- біографическая лѣтопись за истекшій мѣсяцъ, въ которую входятъ: 1) *ка- талогъ новыхъ книгъ*; 2) *указатель статей* въ періодическихъ изданіяхъ; 3) *Rossica*, 4) постановленія и распоряженія правительства по дѣламъ пе- чати и т. п., 5) объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ достав. и перес. въ Россіи 5 р. за границу 6 р.

отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р., $\frac{3}{4}$ стран. 6 р. 50 к., $\frac{1}{2}$ стран.—4 р. 50 к., $\frac{1}{4}$ стран.—2 р. 50 к., $\frac{1}{8}$ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются без- платныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“ (Спб., Москв., Харьковъ и Одесса); антикварной книжной торговлѣ „Посредникъ“ (Спб. Невскій пр. 34 противъ Думы), „Русскомъ книжномъ магазинѣ“ (Спб. Невскій пр., 108), товарищества „М. О. Вольфъ“ (Спб. и Москва), Е. Гаршина (Спб. Греческій пр. 14), М. Сталюлевича (Спб. Вас. Остр., 2 л. 7, антиквар. книж. торговлѣ П. Шибанова (Москва, Старая площадь) и др. — г. иногородные подписчики благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію (Спб. Измайловскій волкъ, 1-я рота, д. 22, кв. 5).

Объявленія принимаются: въ Спб.—въ антикварной книжной торговлѣ „Посредникъ“ (Невскій пр. 34) и въ книжн. магазинѣ Е. Гаршина и „Новаго Времени“, въ Москвѣ—въ антиквар. книжн. торговлѣ П. Шибанова (Стар. площ.), по и чтѣ—въ редакціи.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библиогра- фа“ за 1885 и 1886 гг. можно получать въ редакціи и въ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. — Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

НЕДѢЛЯ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО

ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

«Недѣля» выходитъ по Воскресеньямъ; «Журналъ Романовъ и Повѣстей» въ первое Воскресенье послѣ каждаго пераго числа.

Цѣна „Недѣли“ съ „Журналомъ Романовъ и Повѣстей“:

Годовая	9 р.
Полугодовая	5 р.

съ пересылкой и доставкой:

Отдѣльный номеръ «Недѣли»	15 к.
Отдѣльный номеръ «Журнала Романовъ и Повѣстей»	60 к.

Такимъ образомъ, подписная цѣна «Недѣли» съ книжками въ 1887 году будетъ девять руб. съ пересылкой и доставкой.

За объявленія платится по разсчету 60 к. со строки петита во всю страницу.

За перемѣну адреса 20 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «Недѣля», у Владимірской церкви, Ямская, 6.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторъвъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться о ясномъ и четкомъ письмѣ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, невзятые обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются бесплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лица, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *бесплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взимается по 10 р. съ тысячи.

6) О *перемѣнѣ* адреса сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, а равно, при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылается 1 р. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса высылается 30 к. деньгами или марками.

7) Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ не позже полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) Жалобы на неполученіе листовъ кассационныхъ рѣшеній принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которые подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

5/9/05
W. E. S. 224

Объ изданіи въ 1887 году
ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ Іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 и болѣе листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	8 р.	съ пересылкой въ другіе города . . .	9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . .	8 р. 50 к.	за-границей	12 р.
отдѣльно цѣна журнала		9 р.	

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13 р. 80 к.**

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящіе въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ иные города.

Допускается разсрочки подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январь 5 руб. съ кассацион. рѣш. 8 руб. и въ іюнь остальная до подписной цѣны сумма. Въ случаѣ невыплаты въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала приостанавливается. Гдѣ студенты университетовъ и кандидаты на судебныя должности, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ конторахъ Журнала—при книжныхъ магазинахъ **Анисимова**: въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

Гдѣ иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Оставшіеся (въ количествѣ десяти комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879. 1880 (въ одномъ экземплярѣ безъ 4-й книги) 1881, 1883, 1884, 1885 и 1886 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Выписывающіе одновременно весь комплектъ за шесть лѣтъ, уплачиваютъ 42 руб. съ пересылкою и 30 руб. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. Володиміровъ.**

